

С. МОРОЗОВ

РУССКИЕ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
ФОТОГРАФЫ

ГЕОГРАФИЗ • 1953

С. МОРОЗОВ

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ- ФОТОГРАФЫ

*Под редакцией
члена-корреспондента
Академии наук СССР
Д. И. ЩЕРБАКОВА*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1953

ВСТУПЛЕНИЕ

Мы привыкли к фотоиллюстрации. Трудно представить, как можно было бы ныне обойтись без фотоаппарата в исследовательской экспедиции или распространять географические знания без помощи фотоснимков, с документальной точностью раскрывающих разнообразие ландшафта, этнографические и экономические особенности изучаемой страны.

Фотография и кинематограф обогащают наши знания о земле. Но не так было в прошлом. Менее чем столетие назад географическая наука ограничивалась описаниями да редкими зарисовками, которые делались участниками экспедиций; фотография тогда только еще искала пути служения землеведению.

Размах, с каким фотография применяется в наше время, не сравним с опытами первых ревнителей ее. Фотография служит географам и геологам, этнографам и ботаникам, помогает претворению в жизнь сталинских планов преобразования природы и хозяйства нашей Родины.

Советская фотография ведёт летопись коренных и невиданно быстрых изменений, происходящих в социалистической стране, в ее ландшафте и экономике, в укладе жизни, в культуре ее народов. По идейной содержательности, по своей научной направленности фотография занимает в Советском Союзе место, не сравнимое с ее ролью в географической науке капиталистических стран. Там фотография в значительной мере служит пропаганде реакционных географических теорий, отражающих захватнические устремления правящих кругов.

Географы Советского Союза гордятся своими предшественниками, передовыми представителями отечественной науки, русскими учеными и путешественниками. В своем стремлении обогатить науку новыми открытиями во славу Родины и своего великого народа русские географы прошлого века привлекли в помощь себе новый метод наблюдений — светопись, или фотографию.

О применении фотографии к землеведению заботились выдающиеся прогрессивные ученые П. П. Семенов-Тянь-Шанский и Н. А. Северцов, Н. М. Пржевальский и Г. Н. Потанин, Д. Н. Анучин и И. В. Мушкетов, В. Л. Комаров и Л. С. Берг.

Знаменитые русские путешественники сами занимались фотосъемкой. В экспедициях фотографировали В. И. Роборовский, Г. Е. Грумм-Гржимайло, П. К. Козлов, ныне здравствующий старейший советский геолог В. А. Обручев. Применяли фотографию и энтузиасты покорения Арктики — С. О. Макаров, В. А. Русанов, Г. Я. Седов.

Плодотворно трудились русские фотографы-путешественники В. А. Каррик, М. П. Дмитриев, И. Ф. Барщевский, А. К. Кузнецов, Н. А. Чарушин, Д. И. Ермаков и другие.

Поддержка передовых деятелей науки воодушевляла любителей фотографии. Им удавалось доводить до конца свои смелые замыслы. Имена талантливых фотографов-путешественников, в большинстве своем принадлежавших к демократической части русского общества, по праву могут занять заслуженное место среди имен деятелей географической науки.

В этой книге впервые собран материал и рассказано о трудах и иллюстративном наследии русских путешественников-фотографов и фотографов-путешественников второй половины прошлого и начала нашего века.

Книга охватывает не все области применения фотографии к землеведению, в ней нет и развернутой научной оценки фотографических коллекций. Цель книги очерков — познакомить широкий круг читателей со славной традицией русской фотографии: служить творческому изучению Родины и общему землеведению.

НА ЗАРЕ ФОТОГРАФИИ

ПРИЗНАНИЕ ПЕРВЫХ УСПЕХОВ

Натуралисты и путешественники возлагали на новое открытие — светопись — большие надежды.

Всякий ландшафт отныне можно было запечатлеть без участия карандаша или кисти художника! Свет был подчинен воле человека, и новое применение его сулило необычайно много. Действие световых лучей было поразительно: в несколько секунд они вычерчивали изображения городских улиц и очертания гор, вырисовывали облик человека и строение листьев растений.

Светопись обещала освободить изображения видов местности от произвола глаза наблюдателя. Она обещала облегчить путешественникам описание посещаемых стран и народов.

В открытие фотографии вложен труд многих ученых и изобретателей. Существенное значение на пути к этому открытию имели наблюдения русского ученого любителя-химика Алексея Петровича Бестужева-Рюмина: в 1725 году он обнаружил светочувствительность железа.

Через два года подобные же наблюдения над солями брома сделал немецкий ученый Шульце. Открытие фотографии — первоначально на металлических пластинках — было завершено в конце тридцатых годов прошлого века французами Ньепсом и Дагером: они нашли способ получения светового изображения, образуемого в камере-обскуре, на серебряной полированной пластинке, очувствленной парами иода. Закреплялось это изображение парами ртути. Получалось сразу позитивное изображение. Дагер, опубликовав в 1839 году сообщение об этом про-

цессе, после смерти Ньепса назвал открытие своим именем.

Дагеротип вначале был очень несовершенным изображением: его трудно было рассмотреть, потому что пластинка давала сильный зеркальный блеск; изображение оказалось очень непрочным и стиралось при легком прикосновении. В таком виде дагеротипия непригодна была ни для путешествий, ни для иных научных и практических целей. Начались поиски усовершенствования фотографии.

Немало решающих усовершенствований внесли русские изобретатели. Талантливый изобретатель, гравер и художник, москвич Алексей Федорович Греков, служивший в университетской типографии и занимавшийся многими техническими опытами, нашел способ упрочения дагеротипного изображения. Он уничтожил и зеркальный блеск: изображение на пластинке стало удобнее рассматривать.

Большое значение для распространения дагеротипии имела открытая русским ученым Б. С. Якоби гальванопластика. В России — Греков, во Франции — Физо ввели способ гальванического серебрения медных пластинок. Это удешевило и сделало доступнее раннюю фотографию.

Первый русский фотограф Алексей Греков уже в 1840 году успешно занимался портретной съемкой. Он первый стал фотографировать ландшафты. Найдя способ заготавливать и очувствлять пластинки заранее, он брал с собой несколько таких пластинок и отправлялся на прогулку за город. Обработывал же изображения, возвратившись в свою лабораторию.

«Мы видели новое доказательство русского ума в лаборатории А. Г...ва при новых опытах над магическим дагеротипом, — рассказывал о своем посещении «художественного кабинета» Грекова редактор газеты «Московские ведомости», — что делается по способу изобретателя (т. е. Дагера. — С. М.) в 1/2 часа и более, наш соотечественник то самое производит в 4 или 5 минут, и по прошествии минут двадцати мы увидели на дощечке снятые перед нашими глазами церкви, дома и множество других предметов с наималейшими подробностями... Нельзя без восхищения видеть этого изумительного, непостижимого действия светом!..» *

* «Московские ведомости» от 29 мая 1840 г.

Греков выпустил несколько — первых в России — популярных книг по фотографии, он делился своими опытами на страницах московской газеты, а для любителей светописи стал изготавливать дагеротипные аппараты с принадлежностями.

В том же 1840 году дагеротипия была применена в путешествии. Такую попытку сделал известный путешественник Григорий Силыч Карелин.

Любитель путевых зарисовок, Карелин еще в экспедиции 1836 года к восточным берегам Каспийского моря составил альбом акварелей закаспийских видов. Спустя четыре года он направился в путешествие в район нынешнего Восточного Казахстана. Карелин обследовал часть китайской границы, хребты Алтайских гор, Тарбагатай.

Перед отъездом из Москвы он узнал об успехах Грекова. В архиве Московского университета хранится документ, свидетельствующий об интересе Карелина к светописи. По его просьбе известный ученый, профессор К. Ф. Рулье, приобрел у Грекова и выслал ему в Сибирь дагеротипный аппарат.

До нас не дошли сведения об успехах первого применения фотографии русским путешественником. Снимал ли он сам или его молодой друг и ученик Кирилов, — неизвестно. Важен факт: на заре развития великого изобретения, в первый же год существования светописи, в России уже делались практические попытки применить ее к землеведению.

Признанный успех ландшафтной дагеротипии связан с именем выдающегося русского фотографа-художника, двоюродного брата А. И. Герцена, Сергея Львовича Левицкого.

В 1839 году Левицкий окончил Московский университет по юридическому факультету. Но увлекали его физика и химия. Только что открытые гальванопластика и светопись окончательно покорили юношу. Он приобрел у того же Грекова «дагеротипный снаряд» и в Петербурге, куда переехал из Москвы, стал производить всевозможные опыты по фотографии. Через четыре года он примкнул к экспедиции на Северный Кавказ, возглавлявшейся видным русским химиком Ю. Ф. Фрицше. Экспедиции было поручено обследовать минеральные воды. Незадолго перед этим Фрицше по поручению Академии наук

изучил теорию светописи и хорошо овладел техникой нового изобретения. Левицкий в путешествии с успехом занимался дагеротипией.

Левицкому удались снимки горных видов. Несколько лучших дагеротипов он послал в Петербург комиссионеру по продаже оптических принадлежностей, а тот, восхитившись работой фотографа, отправил дагеротипы в Париж оптику Шевалье. Парижский оптик, под тем предлогом, что в камере-обскуре Левицкого был объектив его фирмы, поместил два самых изящных ландшафта русского фотографа в своей витрине на Парижской выставке и... получил за них медали! Это была первая в истории фотографии медаль за художественные снимки. Награда за труд русского фотографа-путешественника попала владельцу парижской оптической фирмы!

С годами техника фотографирования на металлических пластинках все более совершенствовалась. Занимались дагеротипией в самых отдаленных уголках страны. Сохранились сведения о том, что фотографировал на металлических пластинках в Забайкалье, в Селенгинске декабрист Николай Бестужев. Декабрист И. И. Пущин — друг Пушкина — в одном письме так и назвал Бестужева: Николай-дагеротипщик. Талантливый художник, изобретатель, исследователь Забайкалья не прошел мимо великого открытия века.

Дагеротипия господствовала в фотографии до начала пятидесятых годов. Получаемые изображения хорошо рассматривались. Ландшафты выходили куда лучше, чем при съемке распространившимся было способом фотографирования на бумажный негатив с печатью на бумажном же позитиве. Но появился новый способ: фотографировать стали на стеклянной пластинке, покрываемой жидким очувствленным к свету коллодионным составом. С проявленной стеклянной пластинки затем печатали сколько нужно позитивных изображений на бумаге.

С этим «мокроколлодионным» способом дагеротипия спорить не могла. На металлических пластинках изображение было очень четким, но размножать его было нельзя. Кроме того, предмет или ландшафт получались изображенными зеркально: правая сторона на снимке становилась левой, левая — правой.

Новый способ фотографирования обещал больше. Техника его сводилась к следующему.

Стеклянную пластинку перед съемкой обливали жидким коллодием — раствором пироксилина в смеси спирта с эфиром и солями иода или брома. Давали коллодию застыть, затем погружали пластинку в раствор азотно-кислого серебра: коллодионный слой становился светочувствительным. Фотографировали на мокрых пластинках. Негатив затем проявляли и закрепляли в соответствующих составах. Печатали снимки на дневной бумаге.

Естествоиспытатели, археологи, путешественники снова обратились к фотографии. Новый способ больше отвечал запросам науки. Он был доступнее и дешевле. Изображения печатались в любом количестве и даже больших размеров. Научным обществам можно было теперь обмениваться снимками и целыми альбомами фотографий. Альбомы выпускали в нескольких экземплярах; они прилагались к научным отчетам.

Это было так важно! В журналах типографским путем воспроизводились только гравюры. Гелиография, фототипия и автотипия («сетчатые» клише на цинке), непосредственно передающие фотографию, появились позже, в конце семидесятых и восьмидесятых годов. Не было еще и «волшебного фонаря» для иллюстрирования лекций и докладов.

О фотографии в приложении к географическим наукам, в экспедициях и путешествиях заговорили в научных обществах. Уже в пятидесятых годах русские фотографы и ученые показали убедительные примеры блестящего использования светописы с научной целью.

Фотография была применена в археологической экспедиции знатока искусства Ближнего Востока П. И. Севастьянова. Во главе целого отряда рисовальщиков, фотографов и архитекторов он отправился на Ближний Восток, чтобы срисовать и снять все, что окажется достойным научного интереса в монастырях Афона. Четырнадцать месяцев трудилась экспедиция. Было сделано более 3 500 фотографических снимков с древних рукописей, миниатюр, изделий резьбы. В частности, была полностью — страница за страницей — сфотографирована Птоломеева география. Произвели много снимков архитектурных памятников на фоне ландшафта *.

* См. Н. П. Кондаков, Памятники христианского искусства на Афоне, СПб., 1902.

По возвращении экспедиции в Москве и Петербурге были устроены выставки. Большое количество редких фотографий пополнило собрания столичных библиотек и музеев.

Фотография оправдала себя как метод точной фиксации наблюдений в экспедиционных исследованиях.

В пятидесятых годах с общим подъемом демократического движения в России, становившейся на путь капиталистического развития, было заметно большое оживление во всех областях наук, в том числе и наук географических. Центром географической науки становилось Русское Географическое общество. Главнейшей задачей Общество считало «собрание и распространение, как в России, так и за пределами оной, возможно полных и достоверных сведений о нашем отечестве». В круг своих работ Общество ставило и «географию общую, т. е. познание в географическом отношении других стран земли, преимущественно же сопредельных России»*.

В широком плане работ, в выработке научной методологии, в проведении географических полевых исследований была призвана участвовать и фотография.

В 1858 году на одном из заседаний Географического общества была впервые отмечена заслуга русского исследователя, удачно применившего светопись в своих работах; за статистико-этнографические исследования и «богатый альбом типов и костюмов разных обитателей Воронежской области», — как говорится в журнале заседаний Общества, — был награжден золотой медалью РГО научный и общественный деятель Николай Иванович Второв.

Второву, изучавшему население и экономику Воронежской губернии, — как сообщал один журнал, — «пришла счастливая мысль применить к этим исследованиям фотографию, и он так успешно воспользовался светописью, что к представленным в 1857 году в Географическое общество исследованиям о составе населения Воронежской губернии присоединил не только этнографическую карту, но еще целый альбом типов и костюмов этого края»**.

Фотографом — участником исследований Второва — был Михаил Борисович Тулинов, впоследствии москов-

* Цит. по книге Л. С. Берга, Всесоюзное Географическое общество за сто лет, М.—Л., 1946, стр. 33—34.

** «Русский художественный листок», 1860, № 34, стр. 131—132,

ский фотограф-портретист, один из друзей знаменитого художника И. Н. Крамского.

Интересна биография Тулинова. Он родился в 1823 году в Острогжске, в семье купца. Выучившись грамоте по псалтырю, Тулинов пристрастился вскоре к книгам, особенно — научного содержания. По книгам ознакомился с фотографией, изучил физику и химию и так увлекся своими занятиями, что, к огорчению родственников-купцов, забросил прилавок. Встретившись в Воронеже с Второвым, он становится его помощником по созданию задуманного альбома. Тулинов снимает сотни портретов и групп крестьян, а земляк его — в будущем тоже известный московский фотограф-портретист — М. Панов искусно раскрашивает эти фотографии. Получился альбом-монография, знакомящий со всем многообразием групп населения, этнических типов, с народными костюмами одной из областей европейской части России.

Так Второвым и его помощниками было положено начало применению фотографии в этнографических исследованиях.

В середине прошлого века русские научные деятели усиленно изучали этнографию славянских народов. В журналах и сборниках появлялись труды по этнографии южных славян. В 1857 году поездку по Герцеговине, Боснии и Сербии совершил известный русский ученый А. Ф. Гильфердинг.

С большим интересом был встречен в шестидесятых годах выпуск нескольких экземпляров фотографического «сборника древностей и типов славян европейской Турции» (Герцеговины и Боснии) *.

Альбом из десятков отличных снимков на восьмидесяти листах большого формата был выполнен фотографом Петром Пятницким.

Фотограф показал себя вдумчивым этнографом. Каждый снимок — точный документ и в то же время сильный образ. Пятницкий снимал портреты и группы представителей различных национальностей, разных социальных слоев населения.

Очень интересны архитектурные снимки альбома — изображения древнего южнославянского зодчества (на-

* Известия Русского Географического общества, т. 3, 1867, № 8, стр. 190; т. 4, вып. 2, 1868, стр. 26—27.

чая с XII века). Ни в одном современном ему издании не было еще образцов этой архитектуры. Постройки — кубовидной формы с черепичной прямой кровлей, церкви — без куполов и каких бы то ни было украшений. Технически безукоризненно были переданы Пятницким орнаменты и резьба внутренних украшений зданий. Виды архитектурных памятников хорошо связаны в снимках с горным лесным ландшафтом. Снимки альбома Пятницкого и ныне, почти столетие спустя, не потеряли изумительной яркости и богатства тонов.

В середине прошлого века знаменитая экспедиция в Тянь-шань будущего главы отечественных географов П. П. Семенова положила начало целой эпохе русских исследований Средней, а позднее — Центральной Азии.

Почти неизвестные России и всей Европе земли Средней Азии влекли на свои просторы и фотографов.

Немало разочарований и неудач ждало фотографов. Тяготы походов в жару по пустыням с неудобными и громоздкими аппаратами и целой лабораторией для приготовления на месте пластинок вынуждали многих ревностных любителей молодого искусства отказываться от фотографирования.

Но самые настойчивые не сдавались. Успех первых же коллекций снимков, показанных в научных обществах, вознаграждал их за труды и лишения.

Два года спустя после присуждения награды Н. И. Второву за альбом Воронежской губернии, в 1860 году по предложению совета Географического общества был удостоен серебряной медали Общества фотограф А. С. Муренко *. Он представил «альбом фотографических рисунков», исполненных во время путешествия в Хиву и Бухару.

Так началась помощь фотографии в исследованиях Средней Азии — ее местностей, поселений, памятников культуры ее древних народов. Так получила признание работа фотографа, дополнявшая труды исследователей новооткрытых для науки земель.

Русские ученые исследовали и северные области Европы и Азии. В первой же экспедиции шестидесятых годов, отправленной на сибирское побережье Ледовитого океана, призвана была испытать свои силы фотография.

* «Известия РГО», т. 12, 1875, стр. 112.

В 1866 году Академия наук снарядила экспедицию в Туруханский край, к устью Енисея. Возглавлял экспедицию горный инженер Иннокентий Александрович Лопатин. В группу исследователей были включены этнограф, топограф, метеоролог и фотограф. Обязанности фотографа исполнял брат начальника экспедиции Петр Александрович Лопатин.

К экспедиции примкнул геолог и ботаник — будущий академик — Ф. Б. Шмидт, которому было поручено обследовать якобы обнаруженные на далеком севере остатки мамонта.

Путешественники отправились из Енисейска вниз по реке на барже, буксируемой пароходом. Впервые были сняты фотографически виды Енисея и его берегов по пути к Бредихинским островам. На севере экспедиция разделилась. Начальник ее занялся геологическими исследованиями. Фотограф Лопатин отправился со Шмидтом на запад на поиски мамонта.

Сведения о мамонте оказались неверными. Шмидт занялся другими зоологическими исследованиями. Лопатин по его поручению выполнил снимки, относящиеся к следам фауны древних эпох. Сфотографировал он несколько групповых портретов местных жителей: это была первая в истории серия антропологических снимков, сделанная на крайнем севере Сибири. Присоединившись к остальным участникам экспедиции, Лопатин произвел еще несколько снимков на побережье.

Аппарат у фотографа был громоздкий, пластинки приготавливались на месте, в походном шатре. За все время П. А. Лопатин произвел тридцать пять снимков — это было много для той поры. Двадцать восемь фотографий, как говорилось в отчете экспедиции, были «вполне удовлетворительными».

Некоторые фотографии были приложены в виде перерисовок к отчету геолога Лопатина. Видовые снимки «Прибрежье Енисея ниже села Дудинского», «Валы-кекуры» и другие были напечатаны в «Записках Русского Географического общества» (1871). Другие снимки были использованы как иллюстрации к труду Шмидта. Это была новость в изданиях Академии наук.

Примерами приложения фотографии ранних лет к познанию отечества служат первые серии и альбомы снимков, посвященных городам страны.

В архивах и музеях хранятся интереснейшие коллекции видов волжских городов. В 1866—1867 годах большую поездку совершил московский фотограф М. П. Настиков. Он составил технически безукоризненно выполненный альбом «Виды местностей по реке Волге от Твери до Казани».

Панорамы Твери (ныне Калинина), Костромы, Углича, Кимр, Калязина, Казани... В снимках запечатлены не только виды, но и торговая жизнь этих городов. Например, по снимку Рыбинска (ныне Щербакова) можно наглядно представить пристань этого крупного волжского города в середине прошлого века. Пристань наполнена баржами. Лес мачт закрывает вид города. Ни одного парохода нет на снимке, не вьется нигде дымок над этой большой торговой пристанью. Мускулы бурлаков да сила ветра пригнали эти купеческие баржи с низовьев реки. На первом плане снимка видна бечева, протянутая с судна, — будто только что причалило оно и еще не разгружена кладь.

Скромный, но представляющий историческую ценность альбом хранится в отделе редких изданий Библиотеки Союза ССР имени В. И. Ленина. Это альбом видов Симбирска, родины великого создателя Советского государства. Снимки выполнены фотографом А. С. Муренко, тем самым, который за альбом видов Хивы и Бухары раньше был награжден медалью Географического общества.

Мы видим Симбирск — ныне Ульяновск — таким, как он выглядел в 1867 году, незадолго до рождения Владимира Ильича Ленина.

Два снимка показывают общий вид города, один сделан со стороны Московской дороги. Сфотографированы Большая Спасская и Дворцовая улицы, Карамзинская площадь. Видны купеческие особняки, лабазы, «казенные здания». Вот снимок Тихвинского спуска с широким видом на Волгу в июльский день. На Смоленском спуске Муренко сфотографировал земляные работы: сюда пригнали партию заключенных, они работают под охраной конвойных...

Вспомним еще раз: описываемые виды городов и местностей фотографировались, когда еще не были распространены иллюстрации в журналах и книгах. Географы и этнографы, инженеры и архитекторы знакомились с обликом городов, селений и ландшафтами только по литера-

турным источникам и редким рисункам художников. Фотографии тщательно изучались. Альбомы сдавались на хранение научным библиотекам, труд фотографов обсуждался наравне с исследованиями путешественников.

По представлению совета Географического общества и часто лично П. П. Семенова-Тян-Шанского фотографов награждали медалями. С предложением о пополнении библиотек коллекциями снимков выступали в ученых заседаниях виднейшие деятели науки и искусства.

Внимательно следил за развитием фотографии руководитель этнографического отделения Географического общества Л. Н. Майков, впоследствии вице-президент Академии наук. В дневниках заседаний сохранились записи многих его высказываний о трудах фотографов-путешественников.

Ценителем фотографии выступал талантливейший поборник демократических идей в искусстве, прогрессивный общественный деятель и критик Владимир Васильевич Стасов.

С середины пятидесятых годов Стасов состоял хранителем отдела гравюр Петербургской публичной библиотеки (теперь имени Салтыкова-Щедрина). В этот отдел стекались и редкие фотографические издания — русские и зарубежные. Через руки Стасова проходили десятки коллекций снимков и фотографических альбомов. Интересно отметить, что первую свою ученую статью-трактат молодой критик написал на тему о фотографии. Она называлась «Фотография и гравюра» и была напечатана в двух номерах журнала «Русский вестник» за 1856 год (декабрь, кн. 1 и 2).

Стасов подробно разбирал недостатки техники светописы как искусства и в этом первом своем выступлении определил большие задачи, стоящие перед фотографией в приложении ее к наукам. В продолжение своей долгой творческой деятельности он много раз выступал в поддержку фотографии как искусства, а на склоне жизни похвально отзывался о только что появившемся кинематографе, предвидя большую будущность этого изобретения.

Успехи фотографии ранних лет в приложении к этнографии, географии и археологии получили подробную оценку В. В. Стасова в выпущенной им книге «Фотографические и фототипические коллекции Публичной библиотеки» (СПб., 1885).

Вдохновляя на творческие труды передовых русских художников и композиторов, Стасов выступал и наставником фотографов. Он поддерживал их, когда бюрократические круги царского чиновничества своим равнодушием подавляли творческие замыслы. Стасов подсказывал фотографам темы для съемок, он с воодушевлением писал об успехах фотографии в путешествиях. Помогал Стасов в иллюстрировании редкими снимками географических трудов, живо откликаясь на подобные просьбы со стороны виднейших деятелей географии.

Хороший прием, оказываемый фотографическим коллекциям представителями передовой науки и искусства, побуждал любителей светописы к поискам путей применения фотографии к землеведению.

ТЕХНИКА «ПОХОДНОЙ ФОТОГРАФИИ»

Первые русские фотографы-путешественники и участники научных экспедиций в большинстве своем принадлежали к демократическим кругам общества.

Сознание передовой части русского общества в пятидесятых и шестидесятых годах формировалось под сильным влиянием идей великих русских революционных демократов — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

Прогрессивной интеллигенцией возлагались большие надежды на народное просвещение, на развитие науки и техники, на пробуждение производительных сил страны.

Расширялся круг занимающихся географическими науками. К землеведению приобщались учителя, врачи, студенты. Изучением отдаленных окраин страны начинала заниматься и молодежь, сосланная из центральных городов за революционную деятельность.

Многих из этих любителей-географов влекла фотография. А фотографов влекло краеведение. Фотографы — владельцы портретных павильонов — налаживали связь с местными этнографами, участниками экспедиций, отправлялись в окрестные села и городки, пытали свои силы в съемке «типов, народных сцен и видов местностей».

Уже в шестидесятых годах фотолюбительство заметно помогало географии. В 1867 году в Москве открылась Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Обществом любителей естествознания при Московском университете. Фотография заняла на выставке видное место. В указателе значилось более двух тысяч снимков.

Можно сказать, что фотография выручила устроителей выставки. Не получив денежной помощи, они — по свидетельству Л. Н. Майкова — не могли снарядить специальные художественно-этнографические экспедиции и должны были довольствоваться экспонатами и фотографиями, доставленными научными обществами, отдельными учеными и фотографами — профессионалами и любителями*.

В географических экспедициях фотография применялась еще мало. Результаты фотографирования не всегда удовлетворяли ученых.

В 1870 году петербургский журнал «Фотографическое обозрение» (№ 2) напечатал статью фотографа-путешественника А. Покорского-Жоравко. Автор подводил первые итоги работ фотографов и вынужден был признать, что надежды на «обильные применения» фотографии, в особенности к путешествиям, сбылись еще в малой мере. «Правда, фотография в короткое время сделала неисчислимы успехи и достигла удивительного совершенства, — писал Покорский, — но средства, которые она для этого употребляет, условия, которые требуются для того, чтобы средства эти дали желаемые результаты, так сложны, инструменты и приборы так громоздки и ломки, что, конечно, путешественник и думать не может о надежном их применении в пути, без огромных издержек и затруднений».

Представим себе фотографа той поры, собирающегося в путешествие. Портативных аппаратов не было. Он брал с собой камеру такого же размера, что стояли в портретных павильонах, запасался портретным и ландшафтным объективами; тяжелый треножник с черным покрывалом дополнял снаряжение. Стеклянные, большого размера пластинки надо было тщательно, с осторожностью упаковать в особый ящик, а если предстояло снимать много, то брали два тяжелых ящика с пластинками. Кроме того, нужна была складная палатка для лабораторных работ. Брали еще бутыл с коллодием и склянки для растворов солей галоидов, очувствлявших пластинки. Затем разливалось по склянкам еще несколько растворов, все это тоже упаковывалось. Снаряжение фотографа весило пуды, а для больших экспедиций составляло такую тяжелую кладь,

* «Известия РГО», т. 3, 1867, № 7, стр. 192.

что исследователь вынужден был зачастую отказываться от помощи фотографии.

К тому же ландшафты, а они особенно интересовали путешественников, приходилось снимать только общим планом, издалека. Небо получалось на снимке однотонно светлым, зелень выходила часто сплошным темным пятном. При значительной выдержке порывы ветра путали намерения фотографа, рисунок, контур снимка получался нечетким, «смазанным».

Нужно было внести в фотографию усовершенствования, подчинить технику замыслам фотографа — ученого и художника, заставить светопись вернее служить землеведению. Русские географы, охватывавшие полевыми исследованиями просторы отечества и сопредельных стран, предъявляли серьезные требования ученым, конструкторам, изобретателям-фотографам.

Как и в других отраслях техники, ценный вклад в развитие фотографии внесли наши соотечественники. Иностранные историки фотографии замалчивали достижения русской изобретательской мысли. Правившие круги царской России, раболепствуя перед иностранщиной, тормозили начинания талантливых русских изобретателей, с пренебрежением относились к достижениям отечественной фотографии. Снабжение фотографическими товарами и производство снаряжения фотографов они отдавали на откуп агентам заграничных фирм. Эти агенты наводнили Россию, зачастую сбывая недоброкачественные изделия.

Между тем изобретательская мысль русских фотографов не только не отставала, но в решающих вопросах нередко обгоняла новинки техники, вводимые в других странах Европы и в Америке. Здесь сказалось внимание, какое уделяли развитию фотографии передовые деятели русской науки.

В конце семидесятых годов научно-общественным центром фотографии стало Русское Техническое общество, в котором по инициативе Д. И. Менделеева, С. Л. Левицкого и энергичного деятеля фотографии Вяч. И. Срезневского был создан отдел светописи, пятый отдел Общества.

Русские конструкторы занимались решением самых коренных вопросов фотографии в ее применении к путешествиям.

С середины семидесятых годов начал трудиться, плодотворно поработавший до конца девяностых годов,

*П. Пятницкий. Из альбома типов и древностей южных славян.
(Начало 60-х годов).*

талантливый конструктор фотоаппаратов Дмитрий Петрович Езучевский. Преподаватель физики в учебных заведениях Москвы, Езучевский сконструировал — одну из первых в мире — замечательную стереоскопическую камеру для путешествий. Этот аппарат освобождал фотографа в пути от перезарядки для каждой съемки. В нижнюю часть камеры вставлялась дюжина пластинок. Посредством кремальеры, механически, очередная пластинка поднималась вверх, занимая место матового стекла; заснятая пластинка при этом опускалась вниз.

Будучи сам любителем путешествий, Езучевский проверял свою камеру в поездках по стране.

В эти же годы появился новый способ фотографирования на пластинках с сухой броможелатиновой эмульсией. Езучевский переоборудовал свою камеру для этого способа. За камеру Езучевский получил медаль на Парижской всемирной выставке 1878 года и награду на Международной географической выставке 1881 года в Венеции. В последующие годы изобретатель сконструировал еще несколько аппаратов с учетом требований путешественников и туристов. Камеры его отличались портативностью, удобством обращения.

В 1885 году подполковник И. И. Филипенко взял патент на оригинальный «походный фотографический прибор». Особенностью этого аппарата было устройство особой кассеты в виде мешка, что позволяло производить на свету перезарядку пластинок (сухих броможелатиновых). В таких мешках-кассетах (а их брали с собой несколько) заснятые пластинки переносили в походную лабораторию и проявляли на месте съемки. Филипенко нашел способ применения своей камеры для геодезических целей.

Живо откликнулся на запросы путешественников Вячеслав Измаилович Срезневский. Ученый, изобретатель, впоследствии, уже в советское время, много потрудившийся над выпуском отечественной киноплёнки, Срезневский в 1883 году сконструировал интересную камеру для В. И. Роборовского — спутника Пржевальского. Аппарат был изготовлен с учетом трудностей путешествий в Центральной Азии.

Срезневскому принадлежат конструкции аппарата для морских съемок и одной из первых в мире камер для фотографирования ландшафтов с воздушного шара. В мае 1886 года во время свободного полета аэростата аэронавтом поручиком А. М. Кованько была произведена серия великолепных снимков Петербурга и его окрестностей.

Впоследствии русским конструктором С. А. Ульяным был изобретен аппарат для перспективной съемки с аэростата, а Р. Тиле сконструировал интересный панорамограф — комбинацию из семи камер. После обработки снимков в особом приборе получалось изображение, представлявшее местность в ортогональном плане.

Вяч. И. Срезневский изготавливал специальные пластинки для путешествия Пржевальского.

В путешествиях с фотоаппаратом у талантливого русского фотографа-изобретателя Ивана Васильевича Болдырева зародилась мысль о замене стеклянных пластинок небьющейся гибкой прозрачной пленкой.

Это было в конце семидесятых годов. В России тогда уже выпускалась бумажная негативная лента Л. Варнерке для путешествий. На ленту наносили слой светочувствительной эмульсии. Катушка с лентой вставлялась вместо кассеты в аппарат, и на нее производили съемку. После проявления эмульсионный слой с негативным изображением в особом растворе отделялся, затем его наклеивали на стекло и печатали позитив. Фотографы освобождались в походах от значительного груза: нужны были только камера и несколько катушек ленты. Однако в серьезных экспедициях такая пленка себя не оправдала. Например, фотограф экспедиции 1878 года Г. Н. Потанина в Монголию в своем письме резко отозвался о бумажной ленте; он сообщал в Русское Техническое общество, что изменение температуры и плохие климатические условия портили эмульсию — она ссыхалась, трескалась и затем трудно отделялась от бумаги.

Пленка Варнерке разочаровала и Болдырева. Пытливый изобретатель искал более полноценную замену стеклянным пластинкам. И добился успеха.

«Испытав все... неудобства сам на себе даже в небольших путешествиях по России, я задался мыслью придумать что-нибудь вместо стекла, — рассказывал Болдырев. — ...В 1878 году мне пришлось около года просиживать в комнате целые дни и ночи над приготовлением массы, из которой получалась бы пленка, соответствующая стеклу. Труд мой не пропал даром. Я приготовил такую пленку, которая не боится ни сырости, ни высокой температуры и, положенная в воду на сутки, она нисколько не изменяется, — остается такою же прозрачною и эластичною» *.

Болдырев наносил на пленку мокрый коллодион. Потом, усовершенствовав пленку, стал покрывать ее слоем броможелатиновой эмульсии. Получились хорошие результаты. Пленку, по словам изобретателя, одобрил Д. И. Менделеев; о ней писали газеты.

* «Изобретения и усовершенствования в фотографии И. В. Болдырева», СПб., 1886.

Болдырев не имел средств наладить промышленное изготовление «смоловидной пленки». Ему нужна была помощь, чтобы, как писал изобретатель, «сохранить честь изобретения за Россией». Но правящие круги остались глухи к словам изобретателя. Появившаяся в нашей стране прозрачная и гибкая пленка, сделавшая доступной фотографию для путешественников и множества фотографов-любителей, не нашла в свое время промышленного применения в России. Изобретателем подобной пленки считается американский предприниматель Истмен, хотя его пленка фирмы Кодак выпущена была десять лет спустя, в 1889 году.

И. В. Болдырев показал себя и талантливым конструктором оригинального фотографического объектива. Выпущавшиеся в семидесятых годах иностранными фирмами объективы были рассчитаны на съемку либо портретов, либо ландшафтов (общим планом). Болдырев сконструировал и с помощью одного московского мастера, отлившего стекла, изготовил объектив, обладавший новыми достоинствами. Это был, применяя нынешнюю терминологию, короткофокусный объектив, которым можно было достигать большой резкости в нескольких планах. Например, при съемке этнографических групп и «народных сцен» распространенные в то время другие объективы давали очень малую глубину резкости и, снимая группы, приходилось искусственно располагать людей в одном плане. Изобретение Болдырева, испытанное в поездках на Дон и в Крым, оказалось очень полезным для путешественников.

Друзья советовали Болдыреву заявить привилегию на свой «двухдюймовый объектив», но у него не было ста пятидесяти рублей на оплату за патент. И в этом изобретении он не нашел поддержки от «власть имущих». Изобретателя Болдырева постигла судьба многих русских талантливых людей, инициативу и труд которых скрывало равнодушие к отечественной творческой мысли со стороны правивших классов царской России.

Идеи и изобретения русских фотографов использовались заграничными промышленниками.

Многие фотографические новинки, в которые вкладывалась изобретательская мысль наших соотечественников, выпускались за границей как достижения своих изобретателей.

Первоисточники из истории фотографической техники позволяют со всей очевидностью сделать вывод о том, что русские деятели науки и техники стояли на высоте требований времени и успешно разрешали важнейшие вопросы совершенствования фотографии.

Успех первых фотографических альбомов в среде географов и внимание, с каким снимки изучались исследователями, нашли свое отражение в научных журналах той поры.

Хотелось направить любителей фотографии по верному пути. Фотографы нуждались в руководствах. Ученые приходили им на помощь.

В 1872 году «Известия Русского Географического общества» напечатали особое наставление для фотографов. Журнал предлагал различать снимки «физиогномические» и снимки «этнографические». К первому роду фотографий относились портреты (лицевой и боковой вид человека) и снимки во весь рост. В этих фотографиях, — поучал журнал, — «излишне было бы гнаться за живописным эффектом». Давались технические советы: какой выбрать фон, какими объективами фотографировать, как избежать преувеличения перспективы и т. д.

В наставлении подробно говорилось о съемке этнографических сюжетов:

«При этнографических снимках для художественных наклонностей фотографа открывается более обширное поприще.

Особенного внимания... заслуживает костюм лиц, та или другая из любимых их поз, оружие и утварь, равно и картины, в которых изображается употребление того и другого. Кроме того, жилища, города, селения и т. д., разные картины, сцены из публичной жизни, домашние животные...» *

Наставление требовало, чтобы фотограф указывал в подписях к снимкам, каким объективом он пользовался и с какого расстояния до предмета снимал.

Фотографическая работа, выполняемая по наставлениям подобного рода, становилась признанным методом научного исследования. Фотограф выступал сотрудником ученого.

Заманчиво было этнографу или географу увидеть на

* «Известия РГО», т. 8, 1872, № 2, стр. 87—88.

своем письменном столе или в стереоскопе (а стереоскопы стали неременной принадлежностью кабинета) изображение «типов жителей» или «вида природы», запечатленное за сотни, а то и многие тысячи верст от столицы! Получив серию снимков от своего корреспондента — фотографа-путешественника, географ пополнял материалы исследований. Не выходя из кабинета, он, например, мог изучить рельеф отдаленной местности, национальный орнамент на жилище или на платье жителя мало изученной страны.

Фотографиями обменивались. Снимки демонстрировались в аудиториях университетов. В обиходе чтений публичных лекций появился «волшебный фонарь», отбрасывающий на экран верные и точные фотографические картины земель, стран и быта народов.

Значительным событием в истории служения фотографии русской географической науке была Международная географическая выставка 1875 года в Париже.

В то время видны были итоги творческих усилий, вложенных в создание русской географической школы передовыми учеными нашей страны. Было что показать на Парижской выставке.

Нужно было разбить распространенные за границей путанные представления о народах многонациональной страны, об этнических типах. Впервые наглядно были представлены на выставке и русские, и белоруссы, и украинцы, а также народы Сибири и Средней Азии.

«Богатая по своему внутреннему содержанию и интересная Парижская выставка будет особенно памятна нам, русским, потому, что она была, между прочим, некоторым торжеством русских деятелей географической науки, — подводил итоги выставки П. П. Семенов — ...Главная причина нашего успеха заключалась как в большом внутреннем достоинстве, так и в стройной организации русского отдела географической выставки»*.

На выставке с успехом выступила русская фотография. Экспонаты русских фотографов были использованы с размахом и большой убедительностью. Альбомы на столах и развешанные по стенам снимки привлекали взгляд каждого посетителя.

В отличие от порядков, установленных в отделах дру-

* «Известия РГО», т. 11, 1875, вып. 6, стр. 235.

гих стран, в отделе России дежурили распорядители. Они подводили посетителей к фотографиям, изображавшим представителей того или иного народа, и давали пояснения.

Альбомы лежали развернутыми, причем публику даже просили рассматривать их, а в других отделах это запрещалось.

«Альбомы... перелистывались тысячами рук и останавливали богатством своего содержания и новостью совершенно неведомых европейской публике предметов, — говорилось в сообщении о выставке. — Типы народов, населяющих Россию, ...производили сильное впечатление на зрителей. Для массы не было предмета на выставке интереснее русского этнографического отдела... Специалисты ознакомились со многими новыми для них фактами» *.

«...Были дни, — вспоминал один из распорядителей этнограф Майнов, — когда число посетителей [Русского отдела] доходило до 12 000 человек в день». Больше десяти художников, — сообщал он, — целыми днями срисовывали с фотографий этнографические группы и портреты представителей различных народностей нашей страны **.

Достоинства фотографии в Русском отделе отмечались иностранными газетами и специальными журналами. Произведения светописи, дополняя многочисленные и разнообразные экспонаты, создавали яркое зрительное представление о природных богатствах и народах великой страны. Фотография показывала достижения русской географической науки.

Наступала пора более широкого и последовательного применения светописи путешественниками-учеными и фотографами-путешественниками как в пределах России, так и в экспедициях в другие страны.

* «Известия РГО», т. 11, 1875, вып. 6, стр. 425.

** «Известия РГО», т. 12, 1876, вып. 2, стр. 174.

ФОТОГРАФЫ- ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

ПУТЯМИ СИБИРСКИХ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ

Интересная черта развития русской фотографии в путешествиях: трудно достигаемые отдаленные области фотографировались порой даже шире и с бóльшим размахом, чем местности европейской части страны.

Много неведомого таили беспредельные просторы за Уралом, на Алтае, в районе Байкала, на Дальнем Востоке. Описания Сибири, появлявшиеся со времени Москвитина и Дежнева, Пояркова и Хабарова, Крашенинникова и Атласова, Чирикова и Палласа, разжигали любознательность. Хотелось ознакомиться с Сибирью, с ее ландшафтами и картинами быта населяющих ее народов.

В Алтайских горах, вблизи заводов, где когда-то трудился гениальный механик Ползунов, были, судя по описаниям путешественников, местности богаче и красочнее Альп и Кавказа. Но «Сибирь — золотое дно» вставала и как мрачный образ каторжной земли! Там доживали свой век престарелые декабристы, а по Сибирскому тракту шли в заточение все новые партии участников революционного движения, ссылаемых царскими властями.

Сибирь, с ее богатой и дикой природой, с разнообразием населяющих ее народностей, манила русских фотографов.

Дагеротипных изображений сибирских местностей не сохранилось. Повидимому, только в пору мокроколлодионного способа, в семидесятых годах, фотографы стали увереннее снимать в Сибири и на Дальнем Востоке.

В музеях и библиотеках хранятся интересные фотографические коллекции. Некоторые из них, выдающиеся по

исполнению, находятся в Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Их описал еще В. В. Стасов.

Пяти томный альбом под заглавием «Виды Амура, Восточной и Западной Сибири и Урала», состоящий из 370 фотографий, был выпущен в свет петербургским книгопродавцем Риккером в 1870 году. По словам Стасова, виды были сняты Брэном.

Первый том был посвящен Амуру, два следующих — Восточной Сибири, четвертый — Западной Сибири и последний том — Уралу.

«В числе этих видов, — писал Стасов об альбоме, — есть огромное количество таких, которые представляют сибирские местности, полные поразительных красот: горы и реки, долины и ущелья, леса и поля заключают здесь, в своих разнообразных сопоставлениях, неисчерпаемое богатство картин, можно сказать, почти вовсе незнакомых не только Европе, но и самим русским» *.

Обстоятельно были показаны в альбоме сибирские города и деревни, в частности на Амуре. Снимки, как писал Стасов, давали точное представление о том, «какой склад и вид» имели в ту пору села, деревни и города Дальнего Востока.

Через несколько лет петербургские географы получили на рассмотрение еще одну коллекцию: сто пятьдесят четыре амурские фотографии, снятые с натуры местным фотографом В. В. Ланиным в 1875—1876 годах. В Петербурге увидели фотографии утеса Корсакова на Амуре, утеса Тыр, Константиновских ключей, Хинганских гор. На снимках Ланина были показаны виды Хабаровска, Сре-тенска и других амурских городов. Ланин фотографировал также поисковые партии в Южно-Уссурийском крае. В коллекции были виды Владивостока и острова Сахалина. Наконец, около пятидесяти снимков изображали «типы и фигуры» представителей многих народностей Дальнего Востока; некоторые из них были показаны впервые. Ланин снимал, кроме китайцев, корейцев, якутов, также эвенков, нивхов, нанайцев.

Сибирские фотографии тех лет как бы заново открывали многое.

* Вл. В. Стасов. Фотографические и фототипические коллекции Публичной библиотеки, СПб., 1885, стр. 7.

*Л. К. Полторацкая. Алтайские белки и Катунский ледник.
(70-е годы).*

Молодой Пржевальский, отправляясь в шестидесятых годах на Дальний Восток, писал одному из друзей о своем назначении в Восточно-Сибирский округ: «Я рад до безумия. Мне выпала завидная доля и трудная обязанность исследовать местность, в большей части которой еще не ступала нога европейца».

Фотографов-путешественников охватывало подобное же чувство: ведь они впервые запечатлевали в зрительных образах не известные науке местности!

Когда энтузиасты фотографии преодолевали просторы Дальнего Востока, у южных границ Сибири, на Алтае, путешествовала женщина-фотограф Л. К. Полторацкая.

Участница путешествий исследователя Алтая В. А. Полторацкого, внимательно следившая за работой других исследователей, Любовь Полторацкая как бы дополняла их труды фотографической съемкой. Она побывала в верховьях Черного Иртыша — до озера Зайсан в то время доходили лишь первые пароходы, — много раз фотографировала быт казахов-кочевников в степи.

*Л. К. Полторацкая. Убор
казахской невесты из семьи бая.
(70-е годы).*

Полторацкая поднималась на «Катунские Альпы», впервые произвела съемку Белухи, которую спустя два десятилетия исследовал и фотографировал замечательный ученый-путешественник В. В. Сапожников.

Плодом труда Полторацкой явился интереснейший этнографический и видовой альбом, посвященный Алтаю и Семипалатинской области, названный «Виды и типы Западной Сибири».

На пятидесяти с лишним снимках были виды реки Катунь, Катунского ледника и водопада, живописной реки Бухтармы с порогами, окаймленной хвойным лесом, Рахмановского озера, берегов

реки Ульбы. Три снимка изображали вершины Белухи с ледником.

Серия снимков альбома знакомила с казахскими аулами и зимовками, с некоторыми картинами из быта кочевников. В альбоме находились также снимки костюмов, утвари, узоров — орнаментов на юртах. К альбому прилагался объяснительный очерк. Хотя он и неточно объяснял отдельные вопросы быта казахов и экономики степи, но был интересен географическими данными, дополнявшими снимки ландшафтов Алтая.

Любовь Полторацкую за альбом удостоили большой серебряной медали на Московской антропологической выставке 1879 года. Ее хорошо приняли организаторы только что созданного тогда отдела светописы Русского Технического общества: она была включена в число членов-организаторов отдела.

«Известия РГО» в 1882 году поместили на своих страницах публикацию о выпуске альбома Полторацкой.

«Альбом этот, — писал журнал, — знакомит публику с почти неизвестной частью Западной Сибири, Алтаем и Семипалатинской областью в ее пограничной с Китаем

части. Грандиозная красота этого края приводила в восторг людей, видевших знаменитейшие по своей красоте местности Старого и Нового света».

Завершает собой труды фотографов-сибиряков в семидесятые годы серия снимков С. Б. Туманова.

Забайкальский фотограф проделал сложный путь с неуклюжей камерой и тяжелым грузом пластинок.

Фотограф-путешественник побывал в разных местах Приморья, в Забайкалье, на Сахалине, в Монголии. Из многих сотен снимков не все вышли хорошо. Немало пластинок разбилось в дороге. И все же получилась коллекция из двухсот шестидесяти снимков — фундаментальное издание для той поры!

В серии снимков виды Владивостока и Хабаровска дополнялись видами Николаевска, Благовещенска и Срегенска. Были показаны Нерчинск, Чита, Верхнеудинск и Селенгинск. Туманов снял деревню Радде, основанную двумя десятилетиями ранее известным исследователем Забайкалья, а впоследствии Кавказа — Г. И. Радде.

Фотограф не ограничился съемкой видов. Он показал труд на золотых приисках, фотографировал на рудниках. Снимал он и «этнографические типы».

Фотографический альбом Туманова был издан в Петербурге. Университеты и ученые общества приобрели серию наглядных пособий — снимков Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В восьмидесятые годы выдвинулось несколько талантливых исследователей Сибири из политических ссыльных. В истории русской географической науки видное место занимают имена Черского, Чекановского, Клеменца и других известных путешественников и исследователей, авторов замечательных трудов, посвященных географии, этнографии и геологии Дальнего Востока и Сибири. К числу сибирских краеведов нужно отнести и фотографов — ссыльнопоселенцев Алексея Кирилловича Кузнецова и Николая Аполлоновича Чарушина.

Двадцатилетним юношей студент московской сельскохозяйственной академии А. К. Кузнецов был арестован за участие в революционном движении и в 1871 году по процессу «нечаевцев» приговорен к десяти годам каторжных работ.

Каторгу он отбывал в Забайкалье, на Каре. Через шесть лет получил разрешение поселиться в Нерчинске.

Здесь Кузнецов начинает заниматься портретной фотографией*.

Одновременно Кузнецов уделяет много внимания изучению края. Он отправляется в длительные экскурсии, собирает археологические и этнографические коллекции и производит снимки примечательных мест.

Коллекции и снимки навели Кузнецова на мысль создать в Нерчинске краеведческий музей. Энергичный и настойчивый, он преодолевает препятствия, которые чинили ему власти, и добивается своего. Добрая слава о Нерчинском музее доходит до научных обществ Сибири и столиц.

Кузнецов открыл несколько стоянок доисторических людей и около двадцати лапидарных памятников.

Интересны прогрессивные высказывания Кузнецова о значении музеев. Одному из своих друзей он писал: «...Мне кажется, что местные музеи, может быть, в недалеком будущем, будут главными проводниками в народную массу как теоретических, так и практических знаний. Мне кажется, что при помощи местных музеев будет пробита стена, отделяющая университетскую науку от улицы, от народной массы»**.

Деятельность Кузнецова вызывала «беспокойство» у забайкальского начальства. За услуги, оказываемые народолюбцам, краевед-фотограф снова был заключен в тюрьму и лишь через два года возвратился к своему труду.

В 1889 году Кузнецову разрешили переехать в Читу. В Нерчинском музее он оставил большое научное наследие, в том числе «весьма ценный фотографический материал краеведческого характера», как отмечает его биограф.

«В Чите мной была открыта фотография-передвижка, с которой я ездил по Забайкалью, снимая все достойное внимания. За несколько лет мной было выпущено одиннадцать фотографических альбомов (среди них драгоценнейший альбом снимков всего, что связано с пребыванием

* В своих воспоминаниях А. К. Кузнецов упоминает о сретенском учителе Туманове, уволенном начальством за «свободолюбивые» начинания в школе. Можно высказать предположение, что это и был С. Б. Туманов — автор альбома забайкальских и дальневосточных снимков. У него Кузнецов и мог обучиться фотографии.

** «Памяти А. К. Кузнецова», Чита, 1929, стр. 30.

декабристов в Забайкалье). На средства, доставляемые мне фотографией, ежегодно предпринимал экскурсии в разные места для исследования Забайкальской области и собирания коллекций для музея. Участвовал с геологом А. П. Герасимовым в экспедиции в низовья Ингоды и Онона, из которых вывез ценные геологические и археологические коллекции» *.

Много труда Кузнецов вложил в подготовку краевой сельскохозяйственной выставки. Она открылась в 1899 году — это было крупное событие в культурно-экономической жизни Сибири. Кузнецов участвовал в нескольких отделах выставки. Его наградили тремя медалями, одна из них была выдана «за художественные фотографические работы».

Приближался 1905 год. Революционное движение охватило и Забайкалье. Кузнецов, разумеется, включился в это движение. Царское правительство готовило жестокую расправу с революционерами. В Забайкалье был направлен отряд Ренненкампа. «Политический ссыльный фотограф Кузнецов», как значился в жандармских документах ученый краевед, был приговорен военным судом к смертной казни. Жизнь его была спасена благодаря ходатайству Академии наук и Русского Географического общества. Смертную казнь заменили десятилетней каторгой. Шестидесятилетнего революционера направили в Акатуй...

Только через восемь лет Кузнецов получает разрешение возвратиться в Читу.

После Октябрьской революции Кузнецов снова возглавил в Чите деятельность по изучению Забайкалья; он создал в городе Музей революции. В связи с тридцатилетием местного отдела Географического общества, что совпало с восьмидесятилетием Кузнецова, в 1926 году общественный деятель и краевед-фотограф получает несколько наград.

Географическое общество присуждает ему большую золотую медаль.

Через два года А. К. Кузнецов скончался.

Общие черты биографии сближают с Кузнецовым другого талантливого краеведа-фотографа из числа полити-

* Энциклопедический словарь Граната, т. 40. Приложение 6-е, стр. 231.

ческих ссыльных Забайкалья Николая Аполлоновича Чарушина.

Вот несколько вех его жизни. Уроженец Вятки, двадцатилетний студент Петербургского технологического института, Чарушин в 1871 году вошел в народнический революционный кружок; он вел пропаганду среди рабочих. Через три года его арестовывают, судят по процессу «ста девяноста трех» и приговаривают к девяти годам каторжных работ. Каторгу Чарушин отбывал, как и Кузнецов, на Каре.

В начале восьмидесятых годов Чарушин вышел на поселение. В Нерчинске он остановился у Кузнецова. Тот увлек его занятиями фотографией, которая давала и заработок, и относительную независимость от местного начальства.

Летом 1885 года Чарушин в качестве помощника фотографа совершил с Кузнецовым путешествие. Они побывали на золотых приисках, расположенных вблизи монгольской границы. Работали месяца два.

«Здесь мне пришлось работать уже по-настоящему, что дало мне необходимую практику, а вместе с тем и некоторую уверенность, что с этим делом я справлюсь», — вспоминал впоследствии это лето Чарушин в книге «О далеком прошлом», вышедшей в свет полвека спустя. «Работали еще мокрым способом, — писал он. — О пленках, сухих пластинках и готовых проявителях, так сильно упрощающих дело, еще никто не знал, и фотографу почти все нужное для работы приходилось готовить самому».

Кузнецов показал своему товарищу все «секреты» ремесла. Вместе с любовью к фотографии он передал Чарушину и пристрастие к краеведческим наблюдениям и исследованиям.

Необъятное поле для творческого труда исследователей представляло собой в те годы Забайкалье.

Чарушин выбрал для поселения со своей семьей Троицкосавск. То был бойкий городок Забайкалья, славившийся во всей Сибири, в Монголии и Китае слободой Кяхтой. Богатые кяхтинские купцы вели обширную торговлю чаем. Через Кяхту проходил важнейший торговый тракт.

Трудно было обзавестись собственной фотографией. Чарушину помогли друзья. Дело у него пошло хорошо. Взялся он и за общественную деятельность, завел зна-

комства с путешественниками, часто заезжавшими в Троицкосавск — Кяхту.

Как Кузнецов, так и Чарушин большую моральную поддержку получали от знатока Восточной Сибири и Монголии, этнографа Дмитрия Александровича Клеменца. Он привлекал фотографов к участию в экспедициях. Сам владея техникой фотографии, Клеменц давал ценные советы Кузнецову и Чарушину.

В 1886 году Чарушин познакомился с прибывшими в Троицкосавск из своего третьего путешествия по Монголии Г. Н. и А. В. Потаниными. Он показал им свои коллекции. Завязались дружеские отношения. Потанин пригласил с собой фотографа в задуманную новую экспедицию в Монголию. Чарушин с радостью согласился. Но над ним тяготел большой долг, связанный с приобретением оборудования для фотографии. Надо было его выплатить. И вот летом 1887 года Чарушин со своим помощником совершает необычное путешествие — на Ленские прииски.

Предстояло одолеть путь почти в две тысячи верст. Сначала на лошадях через Селенгинск, Верхнеудинск в Иркутск, далее по Якутскому тракту до Лены, потом вниз по реке. Груз — стеклянные пластинки, бутылки с растворами, снаряжение — составлял пятьдесят пудов!

Доехав до Лены, фотографы приобрели лодку и, нагрузив ее своим имуществом, поплыли вниз по течению. Путь был нелегким. Однажды чуть не угодили на запруду в одном из рукавов Лены. Непогода, бури с грозой обрушивались на путников. Зато ясные дни приносили столько минут восхищения красотой дикой природы. Пришлось лишь пожалеть, что не было с собой объектива для ландшафтных съемок... Вот и Бодайбо, в устье «угрюм-реки» Витима — Ленские прииски, где восемнадцать лет спустя суждено было произойти кровавым событиям, столь памятным всему нашему народу...

Чарушин построил павильон и занялся с помощником портретной фотографией. Осенью по тракту отправились домой. Долг был выплачен. Коллекции фотографа пополнились снимками, интересными для этнографии и антропологии.

В следующем году Потанин сообщил Чарушину, что экспедиция состоится и разрешение на выезд в Монголию для него получено. И вот Чарушин с Потаниным в Урге.

Под руководством ученого Чарушин составил альбом антропологических и этнографических снимков. «Ургинский альбом» был напечатан в нескольких экземплярах, разослан ученым обществам и учебным заведениям, в частности Русскому Географическому обществу в Петербург, отделению этого общества в Иркутск и двум университетам — Московскому и только что открывшемуся в том же году, первому в Сибири, Томскому университету.

Чарушин задумал, по примеру Кузнецова, создать в Троицкосавске (Кяхте) музей. Он совершал интересные экскурсии в местности, почти вовсе не известные и никогда не фотографированные. Коллекции пополнялись все новыми материалами. В 1891 году музей был открыт. В числе экспонатов появились вскоре дары Г. Н. Потанина и В. А. Обручева.

Чарушин продолжает путешествия с фотоаппаратом.

«Однажды я предпринял поездку по Купеческому тракту, именуемому Удунгинским, проложенному кяхтинцами в целях сокращения пути для караванов чая через горную и дикую тайгу к Байкалу, — вспоминал Чарушин впоследствии. — Результатом этой поездки по пустынным и диким, но удивительно живописным местам была обильная коллекция [снимков] Удунгинского и Кругобайкальского трактов».

Забайкальские снимки Чарушина попадали на страницы иллюстрированных журналов. Коллекции фотографий, по словам Чарушина, охотно приобретались сибиряками.

Сохранились до наших дней экземпляры некоторых альбомов. Вот один из них — с полки отдела редких изданий Библиотеки Союза ССР им. Ленина. Альбом в виде раскладной «ширмы» с наклеенными с двух сторон тщательно выполненными снимками. При технической трудности передачи в то время лесных ландшафтов Чарушину все же удалось показать таежную чащобу, сквозь которую прорублен путь и проложен новый Удунгинский тракт. С другой стороны альбома — виды Кругобайкальского тракта. Здесь были показаны долина реки Темник, виды берегов рек Удунги и Мысовой, перевозов через реки. На некоторых фотографиях видны буреломы в тайге. Чарушин знакомит с Шаманским мысом на Байкале, со скалой Наддагина близ Селенгинска, показывает верблюжьи караваны. Заканчивается альбом видами Иркутска.

Н. А. Чарушин. Караван с чаем из Китая на пути в Кяхту.

(Начало 90-х годов).

Ландшафты долины реки Селенги от Усть-Кяхты до Верхнеудинска Чарушин обстоятельно фотографировал в 1892 году, спустившись по своему обыкновению вниз по реке на лодке.

Русское Географическое общество придавало большое значение поездкам Чарушина в местности, населенные бурятами. Русский фотограф, как и другие русские исследователи, встречал там неизменно дружелюбное отношение к себе.

Еще в восьмидесятых годах он совершил несколько экскурсий в бурятские селения и монастыри, представлявшие большой интерес для востоковедов. В 1892 году Чарушин отправился на бурятско-ламаистский праздник в Гусиноозерский дацан, находившийся в глуши, в стороне от почтового тракта, куда еще не заглядывали путешественники с фотоаппаратом.

Эти экскурсии Чарушина вызывали похвалу ученых. Например, известный исследователь Сибири и Монголии Н. М. Ядринцев, оценивая труды русских путешественников, посетивших бурятские селения, ссылаясь на Чару-

шина и отмечал гостеприимство бурят. «Русские фотографы, — говорил он, — ...имеют беспрепятственный доступ, доказательством чего служит масса фотографий, снятых г. Чарушиным» *.

О плодотворности труда фотографа Забайкалья можно судить хотя бы по тому, что на Географической выставке 1892 года в Москве были показаны сто тридцать два его снимка «видов и типов» Монголии и Забайкалья.

Н. А. Чарушин прожил в Троицкосавске до 1895 года, затем вернулся на родину, в Вятку (ныне Киров). Погрузившись с семьей в четырехместный тарантас, в последний раз он проехал мимо ставших дорогами ему забайкальских чащоб.

В Вятке Чарушин вел литературно-общественную деятельность; болезнь глаз не позволяла ему больше заниматься фотографией. Умер Чарушин в родном городе в двадцатых годах.

Таков облик, таковы труды сибирских фотографов-путешественников. Им принадлежит первенство в показе природы и народностей, населяющих Алтай, Сибирь, Дальний Восток. С началом постройки Великого сибирского железнодорожного пути фотографированием в Сибири стали заниматься десятки людей. Фотографы включались в состав изыскательских партий и ученых экспедиций.

Но это был уже новый период изучения Сибири...

* «Известия РГО», т. 26, 1890, вып. 4, стр. 271.

ОТ КАСПИЯ ДО ТЯНЬ-ШАНЯ

Делом жизни многих выдающихся русских географов было изучение Средней Азии. Всестороннему исследованию ее посвятили свои труды корифеи науки Семенов-Тянь-Шанский, Федченко, Северцов, Мушкетов.

С шестидесятых годов прошлого века крупные научные экспедиции одна за другой отправлялись в среднеазиатские страны. Все новые открытия обогащали науку.

Необычайно разнообразные ландшафты — от песков пустыни до цветущих долин горных рек, жизнь мало знакомых Европе народов, интереснейшие памятники древней культуры и зодчества, — все это и исследователям, и путешественникам хотелось запечатлеть в картинах, рисунках. На помощь ученым и здесь была призвана фотография.

Награждение в 1860 году А. С. Муренко серебряной медалью Русского Географического общества за снимки Хивы и Бухары было первым признанием научной ценности фотографий из Средней Азии.

Тяжелы были условия походов в Закаспийском крае. Там, где ныне ведутся грандиозные работы и прокладывается Главный Туркменский канал — эта величественная стройка коммунизма — и где пески изрезаны теперь маршрутами советских научных экспедиций, в шестидесятых годах и в последующие десятилетия, вплоть до советского времени, расстилались обширные, не обжитые человеком пустыни.

В 1868 году в Оренбурге открылся отдел Русского Географического общества. Вот что говорилось в одной из

речей, посвященных трудностям, стоящим перед исследователями Закаспийского края:

«Абсолютно бесплодная почва, раскаленная жгучими солнечными лучами, неизменное в продолжение многих месяцев чистое безоблачное небо, отсутствие всякой растительности, повсеместный недостаток воды, сыпучие передвижные пески, гонимые почти постоянными ветрами, и пыль, тонкая и всюду проникающая... к тому невыносимый жар, отнимающий всякое желание трудиться, всякую энергию к работе, совершенное отсутствие человеческого жилья... Только изредка несколько пунктов, орошаемых ирригациею и потому представляющих сильную растительность, расположенные в виде островков в бесконечном пустынном море, — вот то унылое впечатление, которое производит на цивилизованного человека вид степей Средней Азии» *.

Иной представляется пустыня ныне нашему взору. Благодаря исследованиям русских географов и трудам советских ученых полно раскрыта картина жизни в песках Средней Азии.

«Пустынное море» имеет свою фауну и флору. Не столь унылы и ландшафты. Тут и пески, различные в своих внешних очертаниях; здесь и ровная, паркетобразная поверхность такыров. Оживляют вид местности солончаки, обрывы, осыпи, сухие промоины или русла древних рек. Эти ландшафты отлично запечатлены теперь в снимках советскими географами — любителями фотографии.

Но три четверти века назад не было высокочувствительных, воспринимающих разные цвета спектра, пластинок: на снимке пропадало различие тонов в окраске местности. Не было и объективов, которые позволяли бы с достаточной резкостью показывать в видовых снимках близкие и далекие планы.

В затруднительном положении оказывался фотограф среди залитого солнцем песчаного моря. Радовали глаз лишь редкие оазисы.

Перед нами один из ранних альбомов. Серия снимков, выполненных в 1866 году. Имя фотографа М. К. Приорова можно не раз встретить в отчетах собраний географов тех лет. Это — офицер, сапер, овладевший фотографией. Он сочетал топографические работы с исследовательскими.

* «Известия РГО», т. 4, 1868, № 2, стр. 53.

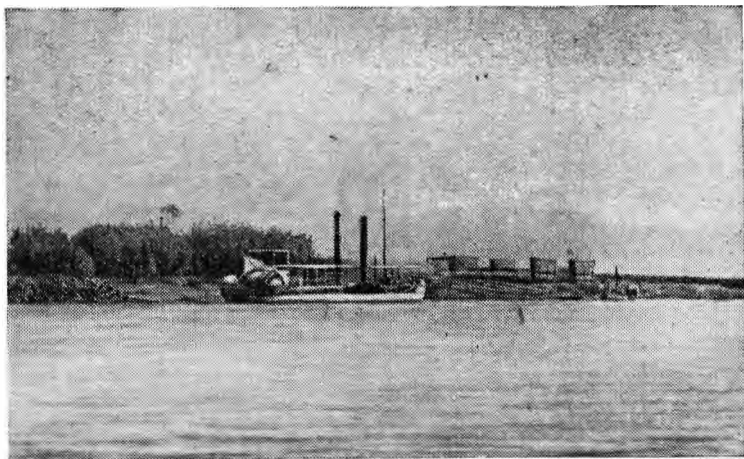
Приоров совершал поездки по Закаспийскому краю, путешествовал и с учеными, в частности с археологом П. И. Лерхе, исследователем древних памятников Сырдарьинской области. Приоров воспроизвел виды развалин древних городов близ берегов Сыр-дарьи, предметы, найденные при раскопках. В альбоме 1866 года есть несколько снимков руин Саурана, разрушенного в XV веке калмыками, снимок мечети XV века, показаны ландшафты пустыни.

С живым интересом рассматриваются спустя почти девяносто лет фотографии первых пароходов на Сыр-дарье. Паровые суденышки с двумя высокими трубами и колесом на корме — первые вестники экономического возрождения края. Пароходы направляются по изменчивому руслу реки русскими людьми.

Интересны для фотографирования были и другие области Средней Азии — земли нынешних Узбекистана и Таджикистана.

Несколько лет в тяжелых условиях трудился здесь фотограф Г. Е. Кривцов. Прикомандированный к военным отрядам, Кривцов снимал главным образом события, связанные с походами. Но в его альбомах «Типы и виды Коканского ханства» (1872) и «Виды и типы Хивинского ханства» (1873) есть немало снимков, представляющих научный интерес для географов, этнографов и археологов (фотографии групп, бытовые сцены, виды дворцов, медресе, караван-сараев). Серия его снимков из Хивы была сопровождена обстоятельным текстом. «Хивинский альбом» Кривцова в том же 1873 году стал достоянием Русского Географического общества.

Спустя два года Григорий Кривцов участвовал в Гиссарской ученой экспедиции статистика и этнографа И. А. Маева. Экспедиция исследовала западную часть «Гиссарской страны». Впервые европейские ученые посетили «Железные ворота Бузгол-хана» и другие местности, запечатленные потом в фотографиях Кривцова. Снимки помогали уточнить многое, оставшееся неясным. Было установлено, в частности, что речки Гузар и Шир-абад — не такие незначительные, как предполагалось раньше, что они дают жизнь двум большим оазисам. Было уточнено и указание известного путешественника А. П. Федченко, неточно определившего Ташкурганское ущелье местом истока речки Гузар.

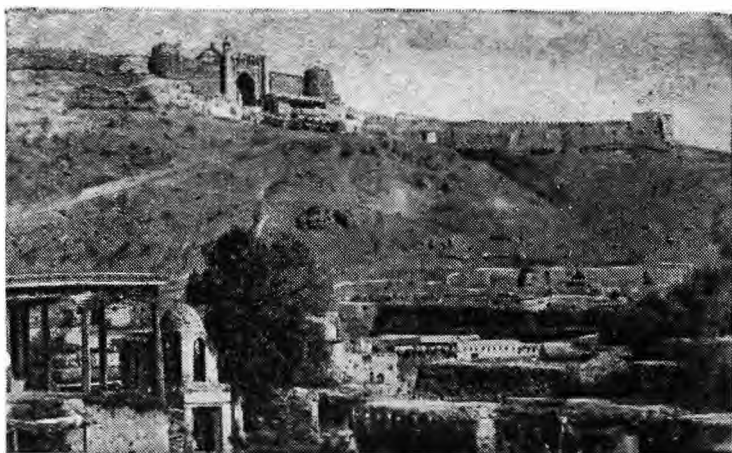

*М. К. Приоров. Русские пароходы на Сыр-дарье.
(1866 год).*

Так же подробно изучался специалистами каждый альбом снимков, доставляемых фотографами-путешественниками из Средней Азии и других малоизученных краев страны.

Интерес, возбуждаемый снимками в кругах ученых самых различных специальностей, побудил к выпуску сводного издания, которое бы по возможности полно и все-сторонне ознакомило с присоединенным к России краем, с народами, его населяющими, с природными богатствами, ландшафтами и археологическими памятниками.

В 1869 году была начата подготовка большого фотографического альбома. Руководство этой работой поручили исследователю Средней Азии А. Л. Куну. Три года шел сбор снимков; несколькими фотографами по составленному плану производилась съемка в различных местностях. В распоряжение составителя была выделена фотографическая мастерская. Труд, включавший больше 1 200 снимков, был готов к 1874 году. Сложно было выпустить в свет такое большое собрание снимков. «Туркестанский альбом» был напечатан в малом количестве экземпляров. Это издание состояло из четырех отдельных альбомов: археологического, этнографического, промышленного и исторического.

*М. К. Приоров. Цитадель Ура-Тюбе.
(1866 год).*

В археологическом были собраны снимки выдающихся архитектурных памятников народов Средней Азии, главным образом города Самарканда. То был первый опыт систематизированного показа архитектуры края, ставшей предметом глубокого изучения.

Фотографии этнографического альбома знакомили с народами Средней Азии: узбеками, казахами, киргизами, таджиками, туркменами. Были показаны жилища, школы, суды, оружие, домашняя утварь, музыкальные инструменты, виды городов, аулов, кишлаков, базаров. Альбом содержал снимки представителей разных слоев населения — от феодалов и купцов до бедняков и нищих батраков.

Ландшафты были показаны в «Туркестанском альбоме» слабее: фотография еще не справлялась с трудностями передачи красок природы тонами одного цвета. Лишь в историческом разделе издания были помещены виды местностей, связанных с военными событиями тех лет.

Содержательным вышел том, названный «промышленным». Снимки этого альбома приобретали тем больший интерес, что они были описаны в приложении — обстоятельной брошюре «Технические производства в Туркестанском крае», составленной членом Московского обще-

ства любителей естествознания, этнографии и антропологии М. М. Бродовским.

В альбоме показывались разнообразные кустарные производства и промыслы Средней Азии. Несмотря на отсталость техники, одаренным мастерам удавалось выпускать искусные изделия. Фотографии знакомили с выращиванием и обработкой хлопка, с шелководством, с кузнечным, медным, гончарным и другими ремеслами.

В очерке Бродовского рассказывалось об экономических возможностях края. Вот, например, что писал автор, поясняя снимки, знакомящие с хлопководством:

«Среднеазиатский хлопок составляет едва одну шестую часть ввозимого в Россию хлопка и не в силах конкурировать по качеству волокна с американским хлопком, но если будут приняты меры к устранению недостатков его, то он без труда вытеснит с наших бумагопрядилен ост-индский (суратский) хлопок».

В подобных строках книги отражалось мнение прогрессивной части русского общества, желавшей развития производительных сил России и присоединенного к ней края для поднятия общего экономического могущества страны, с вовлечением в промыслы новых слоев населения.

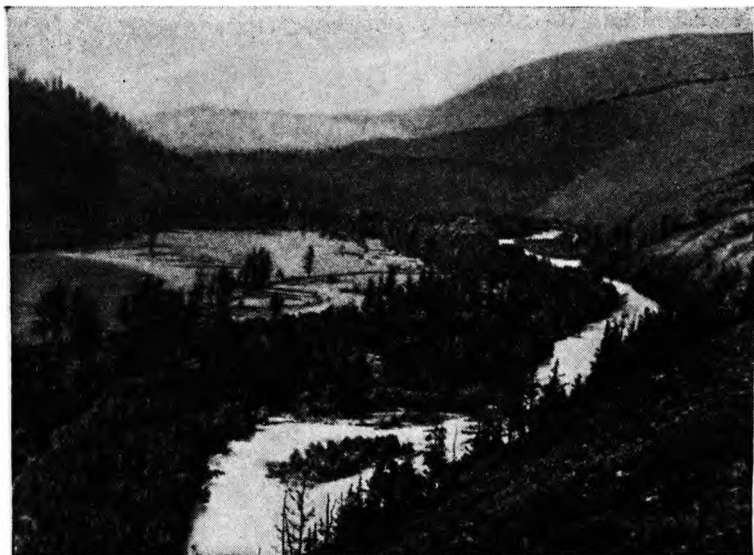
Но царское правительство оставалось глухо к голосу представителей передовой части русского общества.

«Туркестанский альбом» был хорошо встречен в широких научных кругах России. Его изучали художники и историки искусств.

Высокую оценку этому труду дал В. В. Стасов. В своей книге, посвященной фотографическим коллекциям, он писал об альбомах с туркестанскими снимками как о «крайней редкости», как о «монументальном издании». Альбомы, отмечал Стасов, «представляют, как нам известно, — явление совершенно единственное в своем роде между всеми европейскими изданиями, изображающими быт и занятия народов». «Здесь каждая фотография есть истинная народная картина», — писал критик о снимках промыслового альбома. Стасов называл альбом «целой народной галереей», отмечал, что ни одна страна, ни один народ России, Великобритании, Франции не были еще представлены в фотографиях с натуры так полно, как Средняя Азия в четырех томах «Туркестанского

М. Б. Тулинов. Лист из альбома «Типы и костюмы
Воронежской губернии».
(50-е годы).

*Л. К. Полторацкая. Долина реки Бухтармы на Алтае.
(70-е годы).*

*Н. А. Чарушин. Река Мурина в Забайкалье.
(Начало 90-х годов).*

альбома» — коллективного творческого труда русских фотографов.

Стасов дал похвальную оценку и другому альбому, изготовленному в Средней Азии для состоявшегося в 1876 году в России 3-го международного конгресса ориенталистов.

Четыре тома «Туркестанского альбома» украшали русский отдел Парижской международной географической выставки 1875 года.

Наша фотография, хорошо послужившая организаторам Русского отдела среднеазиатскими снимками, завоевала всеобщее признание. Россия по числу наград заняла второе место на выставке (первое заняли французы, устроители ее). В числе наград, врученных представителям нашей страны, было несколько высших — дипломов за отличие; три из них — по отделу путешествий: одна — маститому ученому Ф. П. Литке, другая — знаменитому Н. М. Пржевальскому за путешествие в Монголию и страну тангутов, третья высшая награда была присуждена за «Туркестанский альбом» *.

* *
*

Еще раз бросим взгляд на альбомы и коллекции снимков первых фотографов — художников и исследователей Дальнего Востока и Сибири, Алтая, степей и горных местностей Средней Азии.

На иных фотографиях заметен след, оставленный временем, — они выцвели, иные сохранили всю свежесть тонов. Искусно обработанные снимки не поддались влиянию десятилетий.

Более поздний период фотографирования в этих областях нашей страны отмечен появлением фотолюбителей: инженеров-путейцев, врачей, учителей. Почти обязательным стало участие в научных экспедициях специалистов-фотографов или ученых, владеющих техникой фотографии. Путешественники по Сибири — Обручев, Сапожников, Комаров, по Средней Азии — Мушкетов, Берг, Липский и другие, — все прибегали к помощи фотографии.

Улучшалась техника светописы. Удавалось снимать то, что в свое время не выходило: оттенки растительности,

* «Известия РГО», т. 11, 1875, вып. 6, стр. 237.

каскады водопадов, животных, бивуаки у костров и даже внутренний вид пещер.

Но как мало изменений отмечалось за десятилетия в разработке ископаемых, в ландшафтах и жизни народностей!

Больше полувека наблюдали фотографы окраины России. Снимки продолжали фиксировать нищету, полудикую жизнь вымирающих малых народностей Сибири и отягощенную феодальным гнетом и эксплуатацией жизнь среднеазиатских народов.

Разительно изменилось содержание фотодокументов только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Далекая забайкальская Кяхта в конце века совсем было заглохла с проведением Сибирской железной дороги... Ныне это один из культурных центров Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. Один из очагов просвещения в городе — музей. Добрым словом вспоминают кяхтинцы создателя этого музея, фотографа и краеведа Чарушина.

Жители глухих уголков Алтая приобщились ныне к богатой жизни страны: вспахана целина казахских степей; неузнаваемым стал индустриальный Алтай; могучая плотина преграждает путь быстрому Иртышу около Усть-Каменогорска: здесь воздвигается гидроэлектростанция — одна из строек пятого пятилетнего плана; изыскатели и строители изучают долину Бухтармы: начинается строительство второй гидроэлектростанции на Иртыше — Бухтарминской.

Перелистаем альбом первого фотографа Алтая Полторацкой: древностью повеет от этнографических снимков, которые, впрочем, можно было выполнить там не только в семидесятих годах, но и перед самой Октябрьской революцией. То же можно сказать и о сохранившихся сериях фотоснимков Средней Азии, на территории которой ныне раскинулись цветущие социалистические республики.

С каждым годом все глубже в историю уходит жизнь, запечатленная первыми русскими фотографами, путешествовавшими по Сибири и Средней Азии. И с каждым годом увеличивается историческая ценность этих уникальных фотодокументов, неповторимо запечатлевших еще недавнее, — но такое далекое! — прошлое «окраинных земель» нашей Родины.

КАВКАЗ, УРАЛ, ПОВОЛЖЬЕ

Высоко ценили русские географы картины художников-реалистов, посвященные ландшафтам родной страны. Иные картины и рисунки талантливых пейзажистов стоили подробного описания местности. Они отвечали эстетическим требованиям и вместе с тем знакомили тысячи зрителей с природными богатствами родины. Лесные ландшафты И. И. Шишкина и морские виды И. К. Айвазовского и многие работы других живописцев, акварелистов и графиков по достоинству ценились географами.

Картина Айвазовского, изображающая берега Феодосии в момент полного солнечного затмения 16 июля 1851 года, украсила зал Русского Географического общества. Эта картина была передана художником как его «доклад» Географическому обществу.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский в 1887 году на юбилее члена-соревнователя Географического общества Айвазовского, отметив эстетическую сторону наблюдения природы, сказал в своей речи: «Нужно иметь высокий дар художника для записи таких наблюдений на страницы литературных произведений, в альбом рисовальщика, на полотно живописца. И такие записи делаются не только достоянием искусства, но и достоянием науки»*.

Совмещали эстетическую сторону наблюдений природы с научной многие русские фотографы-художники. В конце семидесятых и восьмидесятых годах русская художественная фотография, следовавшая по пути передового

* «Известия РГО», т. 23, 1887, вып. 4, стр. 572.

реалистического искусства, достигла выдающихся успехов. Портретист С. Л. Левицкий, основоположник жанровой фотографии А. О. Карелин и другие фотографы пользовались заслуженной известностью во всей Европе. Русские фотографы неизменно получали высшие награды на международных выставках.

Эта пора совпала с периодом распространения в иллюстрированных журналах и изданиях новых способов воспроизведения фотографий без гравировки их на дереве или металле. Появились фототипия и цинкографский процесс получения тоновой иллюстрации.

Росла потребность в географических иллюстрациях. Картины и рисунки с натуры были редки. Нужно было показывать не только ландшафты отдаленных областей страны, но отражать в географических изданиях природу и быт населения европейской части России.

В губернских городах и многих уездных и «заштатных» были способные, деятельные фотографы — профессионалы и любители.

Виднейшие представители географической науки призывали фотографов содействовать всесторонним исследованиям, производить съемки, присылать свои работы, выполнять поручения научных обществ. С каждым годом потребность в снимках росла.

Д. Н. Анучин — глава университетской географической школы — в первой книге основанного им издания «Землеведение» обратился к любителям фотографии с просьбой предоставлять интересные для науки снимки хотя бы на время, чтобы исследователи могли изучать их.

Это обращение было сделано в девяностых годах прошлого века *. Но фотографы, работавшие в городах европейской части страны, уже в семидесятых годах живо откликались на призывы ученых.

Исключительный интерес по масштабу съемки тех лет представляет собой коллективный труд фотографов, в результате которого появился уникальный «Альбом костюмов России». Вот история этого альбома, переданного впоследствии в Петербургскую публичную библиотеку.

В середине семидесятых годов, после введения в России воинской повинности, военное ведомство задумало ввести в армии форму одежды, «приближающуюся к на-

* «Землеведение», т. 1, 1894, кн. 1, стр. 14.

родной». Потребовались рисунки, которые показали бы виды костюма мужчин в различных местностях страны. Таких рисунков почти не оказалось. Местным властям дано было распоряжение произвести фотографирование мужчин в народной одежде.

Фотографии, присланные из множества городов, составили альбом почти в пятьсот пятьдесят снимков. Участвовало в этой необычной съемке около ста фотографов. Снимки были разного качества и не одного формата. Но они давали очень полное представление не только о мужских народных костюмах русских, белоруссов, украинцев, эстонцев, литовцев, латышей, татар и других народов, — получилась интересная галерея мужских типов жителей обширной страны.

Составленный в одном экземпляре, этот альбом служил ценным пособием для этнографов, художников и историков костюма.

Кроме такого рода коллективных трудов, составлялось немало серий снимков отдельными фотографами, работавшими как в центральных губерниях страны, так и на юге, в Поволжье, на Кавказе, на Урале и других местностях.

Серьезно и последовательно трудился несколько лет одесский фотограф Рауль.

Выпущенный им в конце семидесятых годов альбом «народных типов», бытовых снимков и видов местностей преимущественно юга России сделал Рауля известным в России и Европе.

Стасов писал о коллекции Рауля:

«Альбом этот может считаться за истинный *chef d'oeuvre* технического производства и представляет вместе с тем необыкновенное богатство художественного и научного материала: выбор типов и поз, живописное расположение и группировка взятых объектом фигур, а в некоторых случаях и живописность пейзажа, служащего фоном картинам, наконец, богатство национальных или племенных физиономий и костюмов, воспроизведенных в фотографиях Рауля, делают альбом его явлением необыкновенно выдающимся».

Одесский фотограф производил съемку на Киевщине, Полтавщине, Черниговщине, в Екатеринославской губернии, в Бессарабии, путешествовал по Волге, ездил с фотоаппаратом в Курскую, Тамбовскую, Орловскую и Туль-

скую губернии. Путешествовал он по Крыму, Северному Кавказу и Закавказью. В 1877—1878 годах, во время русско-турецкой войны, Рауль со своей походной фотографией отправился вслед за русскими войсками — в Румынию и Болгарию.

Рауль фотографировал не только портреты и этнографические группы. Он снимал крестьян и кустарей различных национальностей в их повседневных занятиях — на поле, дома, у изб, хат и саклей. Много фотографировал детей.

За альбом, — тогда еще неполный, — на Парижской географической выставке 1875 года и за пополненный новыми снимками — на Всемирной выставке 1878 года в Париже Раулю были присуждены награды.

Снимками одесского фотографа пользовались не только русские ученые. По его снимкам выполнены, например, рисунки для раздела «Россия» в известном французском многотомном издании, посвященном истории костюма *.

Другой фотограф-художник получил признание как этнограф серией своих снимков с Дона. Это был изобретатель короткофокусного объектива для съемки групп и изобретатель прозрачной гибкой пленки Иван Васильевич Болдырев, о котором говорилось уже во втором очерке книги.

Уроженец Дона, молодой фотограф, вольнослушатель Академии художеств, отправился на родину. Там он снял большую серию «типов и народных сцен», стремясь к правдивому изображению быта казачьих станиц. Среди семидесяти пяти фотографий были и групповые, и жанровые, и видовые. Болдырев показал полевые работы и домашние занятия.

Тщательно отделанные снимки, в которых с технической стороны удивляла большая глубина резкости фотографируемого пространства, с похвалой были встречены и художниками, и учеными, в том числе Менделеевым, Стасовым, Майковым.

«Многие из этих групп, — писал в своей книге Стасов о снимках Болдырева, — являются настоящими «бытовыми картинками», в малых размерах, точно созданными талантливым художником».

* Racinet M. A. Le costume historique, VI, Paris, 1888.

Л. Н. Майков в декабре 1876 года представил альбом Болдырева для ознакомления на заседании Совета Географического общества. В своем выступлении он отметил, что в Обществе уже имеется несколько коллекций подобного рода. Несмотря на это, по предложению Майкова, Совет постановил приобрести эту «фотографическую коллекцию видов., типов и сцен этнографического содержания» *.

Серия снимков Болдырева своей документальностью служила убедительным опровержением поддерживавшихся в правящих кругах мнений об «области Войска Донского» как о процветающем крае. Она подтверждала отмечавшиеся объективными исследователями экономические противоречия, разрушавшие былые устои края. Казачий уклад жизни явно хирел. Увеличивалось число бедняцких семейств. Этот процесс оскудения казачьей станицы отражали снимки Болдырева.

Альбом донского фотографа для нас интересен еще потому, что Болдырев фотографировал как раз в тех местах, которые стали ныне ареной героического труда советских людей. На месте станицы Цимлянской, где произведено было много снимков, теперь — дно грандиозного водохранилища. На берегах образовавшегося здесь моря растет новый, социалистический Цимлянск. Мимо него проходят теплоходы из Ростова-на-Дону, из Москвы и самоходные баржи с грузами с Камы и Волги. Потоки живительной воды устремляются по оросительным каналам на земли, так часто страдавшие от засухи. Неузнаваемо преобразуется донской край!

Болдырев совершил несколько поездок по стране. В 1880 году по совету В. В. Стасова он произвел обстоятельную съемку деревянного Бахчисарайского дворца в Крыму — интереснейшего памятника архитектуры XV—XVI веков. Три месяца работал фотограф. Он выполнил 55 снимков: показал общие виды и фрагменты дворца, пристроек, дворов с фонтанами и отдельную фонтанную комнату. Серия вызвала интерес и потому, что сфотографированный дворец неизменно связывался в памяти с известной поэмой великого Пушкина.

Фотографов-путешественников, со времени Левицкого, влекла природа Кавказа. Много побывало здесь фотолюбителей-туристов со стереоскопическими камерами, Испы-

* «Известия РГО», т. 13, 1877, вып. 1. стр. 4.

тивал на Кавказе свою модель «походного снаряда» и фотограф-изобретатель Д. П. Езучевский.

Известно, как много настойчивого труда вложено русскими исследователями в изучение Кавказа. Деятельными сотрудниками этнографов, геологов, географов и археологов выступали местные фотографы.

На заре светописы здесь был создан фотографический отдел Генерального штаба Кавказской армии; этот отдел достиг заметных и быстрых успехов в приложении фотографии к изучению края и к картографическим работам. В шестидесятых годах кавказские фотографы знакомили ученых русских столиц с этнографическим разнообразием края.

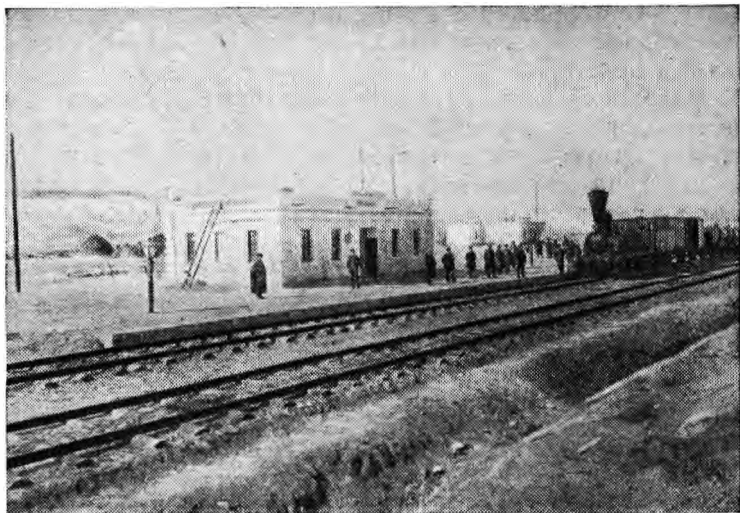
В 1867 году за серию снимков, относящихся к этнографии, отдел светописы Кавказской армии был награжден медалью на Международной выставке фотографии в Берлине.

Местные научные силы группировались вокруг деятельно работавшего Кавказского отдела Русского Географического общества.

В середине шестидесятых годов в Тифлисе (ныне Тбилиси) учреждается Кавказский музей. Директор его, известный географ и путешественник Г. И. Радде, энергично повел дело. Музей пополнялся все новыми экспонатами, в нем собирались и фотографии края. Все это помогало сформироваться значительной группе фотографов — профессионалов и любителей, немало послуживших изучению Кавказа.

Кавказский фотограф А. К. Энгель одним из первых фотографов страны был признан членом-сотрудником Русского Географического общества. Вот интересная выписка из журнала общего собрания Общества в феврале 1879 года.

«Художник А. К. Энгель, уже много лет специально занимающийся фотографией и изучивший Северный Кавказ, представил Географическому обществу прекрасную коллекцию своих артистически исполненных фотографий, изображающих типы и виды Северного Кавказа, в сложности до пятидесяти рисунков. Художественность исполнения фотографий г. Энгеля, умение выбрать характеристические типы народностей Северного Кавказа, удачный выбор пунктов, дающих полное понятие о местности, наконец, технические достоинства работы не оставляют, по

А. К. Энгель. Станция Баба-дурмаз Закаспийской железной дороги.
(Начало 80-х годов).

словам секретаря [Вл. И. Срезневского. — С. М.], желать ничего лучшего и заслуживают самого сочувственного одобрения» *.

Фотограф Энгель сочетал в себе отличного знатока Северного Кавказа и Закаспийского края и опытного художника. Он не раз участвовал в фотографических выставках. О «замечательном художнике Кавказа», как его называли при рассмотрении работ в фотографическом отделе Русского Технического общества, можно встретить много заметок в тогдашних журналах.

Энгель совершил несколько поездок в Закаспийский край. Он исполнил, в частности, превосходный альбом «Закаспийская железная дорога». Сооружать дорогу начали в 1880 году. Это был первый в истории железнодорожной техники опыт строительства пути в глубь песчаной пустыни.

Первый же снимок серии Энгеля «Порт Узун-Ада на Каспийском море» дает образное представление о масштабах этого строительства. Парусные суда заполнили

* «Известия РГО», 1879, т. 15, вып. 6, стр. 117.

бухту, — они пришли с грузом, строительным материалом. Подъездные пути, выделяющиеся на первом плане снимка, ведут к пристани.

Далее в альбоме идут многочисленные виды дороги в пустыне, первые постройки, водокачка среди знойных песков. Барханы окружают дорогу. Пески не раз разрушали то, что создавалось с таким трудом: они заносили выемки; ветром песок выдувался из-под шпал на насыпях.

Русские люди преодолели все трудности и внесли в мировую практику железнодорожного строительства пример проведения дороги через ненадежные, зыбучие пески на сотни километров. Разумеется, теперь паровозы того времени кажутся карликовыми, по-иному выглядят ныне пути этой магистрали. Но в начале восьмидесятых годов строительство такой дороги было поразительным достижением техники.

Вот слова о Закаспийской дороге такого авторитетного свидетеля, как Н. М. Пржевальский. Отправляясь в свое пятое путешествие в Центральную Азию, которое, увы, ему не суждено уже было осуществить, Пржевальский делился в одном письме с дороги из-за Каспия:

«Словно в сказке, несешься в вагоне по сыпучим пескам или по бесплодной и безводной равнине. После первой ночи езды от Каспия является Кызыл-Арват, к вечеру того же дня Асхабад, на завтра утром Мерв и т. д. до Самарканда... Вообще Закаспийская дорога — создание смелое и с большим значением в будущем...» *.

В январе 1879 года Л. Н. Майков на заседании этнографов Географического общества в Петербурге познакомил собравшихся с приехавшим из Тифлиса фотографом Дмитрием Алексеевичем Никитиным. Майков предложил вниманию собрания «коллекцию фотографий», снятых Никитиным «на Кавказе и в Азиатской Турции в течение Восточной войны 1877—1878 годов» **.

Что, казалось, могли дать ученым снимки, сделанные в походных условиях? Никитин в качестве военного фотографа был прикомандирован к штабу группы русских войск Кавказского фронта. Подобно своим товарищам — первым русским военным фотокорреспондентам, — он

* П. К. Козлов. Н. М. Пржевальский, СПб., 1913, стр. 134.

** «Известия РГО», т. 15, 1879, вып. 3, стр. 101.

А. К. Энгель. Порт Узун-Ада на Каспийском море в период строительства Закаспийской железной дороги.
(Начало 80-х годов).

снимал боевые события, бивуаки, передовые позиции, отличившихся в боях солдат и офицеров, службу тыла, полевые лазареты, военнопленных. Снимки Никитина с Кавказского фронта печатались в иллюстрированных журналах. Однако еще до войны пристрастившись к научно-этнографической и ландшафтной фотографии, он и в походных условиях сумел приложить свои навыки краеведа.

Представленный Географическому обществу альбом Никитин так и назвал: «Коллекция этнографических и археологических фотографий». Майковым была показана далеко не полная коллекция, но и в таком виде она была хорошо встречена учеными.

В величественных панорамах фотограф запечатлел виды окрестностей Карса, в частности Карского ущелья, местность русских и турецких позиций до мыса Цихис-Дзири.

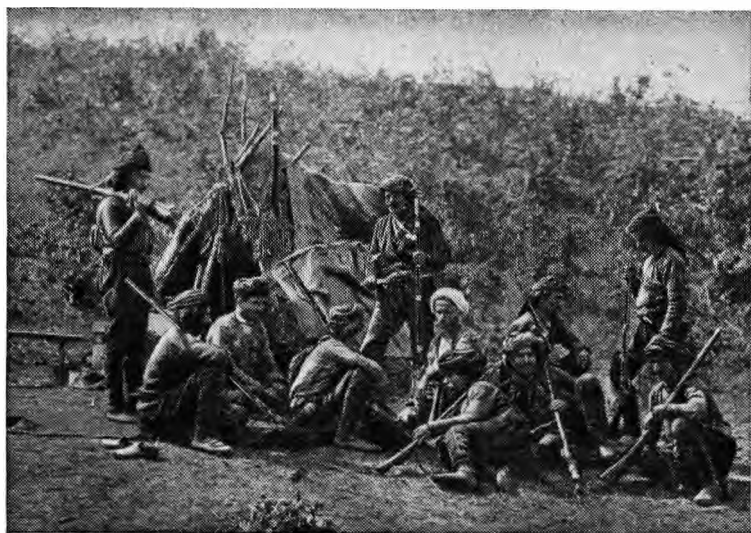
Панорамы сменяются в альбоме снимками турецких позиций на реке Ачхоа, взятых русскими. Потом идут этнографические снимки. В рядах русских войск сражались грузины, дагестанцы, подразделения и части других народностей Кавказа. Они сохранили национальную форму военной одежды и не расставались со своим национальным оружием. Никитин фотографировал их. Он не упускал случая снять разноплеменных проводников и переводчиков. Выискивал интересные для этнографии типы среди пленных (турки, курды).

В результате получилась серия замечательных снимков — портретов и групповых, которые знакомили с народностями Кавказа и Закавказья.

Скомпонованные с большим знанием дела и художественным вкусом, снимки Никитина отвечали всем требованиям наставлений для этнографической съемки. Фотограф умело выбирал фон, вводя в снимки типичные уголки местности: вековые деревья в несколько обхватов, кустарники, лесистые склоны холмов. Со всеми подробностями он показал в снимках костюмы, головные уборы, обувь, даже узоры на тканях и украшения.

Восемь десятилетий назад эти этнографические картины отражали пестроту полуфеодалного Кавказа.

Талантливого этнографа высоко ценили и в кругу фотографов-специалистов. В 1878 году «кавказские виды и группы» Никитина обратили внимание фотографов в Русском отделе Всемирной выставки в Париже, о чем со-

Д. А. Никитин. Этнографический снимок из серии, исполненной на Кавказском фронте в русско-турецкую войну 1877—1878 годов

общил в своей корреспонденции член жюри фотографической части выставки С. Л. Левицкий*.

Спустя десять лет на Всероссийской фотографической выставке в Петербурге никитинские снимки «сцен минувшей войны» (т. е. русско-турецкой), вместе с серией новых его работ, опять вызвали похвалу посетителей и специалистов.

Одновременно с Никитиным начал трудиться в Закавказье фотограф Дмитрий Иванович Ермаков. Это имя знакомо историкам Кавказа. Он фотографировал города Кавказа, многочисленные его снимки служат ценными документами для истории градостроительства. Ермаков снимал селения в долинах Куры и в горах Сванетии. Он запечатлял на снимках развитие всякого рода промыслов в Баку, Тифлисе и других городах. На верховой лошади, а то и пешком по горным тропам он совершал путешествия и экскурсии с фотоаппаратом.

* «Записки Русского Технического общества», 1879, вып. 2, стр. 108.

Близко знакомый с передовыми общественными деятелями и учеными Кавказа, Ермаков получал ценные советы и наставления. Он правильно подходил к оценке ландшафтов, этнографических сцен и археологических памятников. Его снимки были желанным дополнением коллекций научных обществ и музеев. За полувековую деятельность Ермаков создал богатейшее собрание снимков.

Совершал Ермаков путешествия за рубеж, на турецкое побережье Черного моря, в земли Армении, находящиеся во владении Турции. Так, еще в 1870 году он прислал в Петербург Географическому обществу интересную коллекцию видов, снятых в местности северо-восточнее Эрзерума. Большую ценность представляли тщательно отделанные фотографии древней архитектуры и древних дорог.

Будучи уже пожилым, в 1912 году Д. И. Ермаков участвовал в трудном путешествии по горным тропам в Сванетию.

То была пора довольно быстрого развития фотолюбительства. Ермаков вместе с другими фотографами — исследователями Кавказа — проторил путь в горы десяткам туристов с фотоаппаратом. Портативные камеры облегчали съемку. Но мало кому удавались хорошие снимки. Решали дело знание, научный и вместе с тем художественный подход к фотографированию труднодоступных объектов. Альбом Д. И. Ермакова «Сванетия» убедительно подтверждал это. Он и ныне выделяется как подлинное произведение искусства фотографии, отвечающее научным требованиям.

В альбоме несколько великолепно выполненных ландшафтов — Ладжанаурского ущелья, снеговой горы Гунай, горы Дых-тау, видов селений Лечхума, Местии и других. Лучшие снимки этой серии «Ледник и панорама гор Караугома» и «Местия» безукоризненны по передаче воздушной перспективы высокогорного края.

Мастерски сфотографировал Ермаков несколько архитектурных памятников и интересных для археологов предметов сванской утвари. Снимки большого размера с наглядностью передавали все тонкости орнамента старинных металлических изделий.

Деятельным сотрудником кавказского краеведения был фотограф Григорий Иванович Раев. Ныне здравствующий

Д. И. Ермаков. Ледник и панорама гор Караугома.
(Начало 900-х годов).

щий, один из старейших фотографов-художников нашей страны, он в восьмидесятих годах прошлого века начал заниматься портретной съемкой. В Кисловодске у него было ателье, просуществовавшее несколько десятилетий, хорошо известное своим гостеприимством любителям фотографии того времени.

Раев занимался и ландшафтной фотографией. Он совершал поездки по Кавказу. В отличие от Ермакова и Ангеля, это был не столько фотограф-исследователь края, сколько «популяризатор» Кавказа. Он издавал много фотографических серий и открытых писем со своими снимками. Фотографии Раева расходились по всей стране. Как пейзажист он был отмечен наградами на многих выставках — русских и международных.

Деятельность кавказского фотографа не прошла мимо внимательных друзей светописы в Русском Географическом обществе. В январе 1909 года в протоколе заседания Совета Общества отмечено, что «за ту пользу, которая приносится Раевым изданием хороших фотографий Кавказа», ему присуждается серебряная медаль *.

* «Известия РГО», т. 45, 1909, стр. 2.

От Кавказа переведем на карте страны свой взгляд к обширному горному краю, начинающемуся севернее Каспия и уходящему к полярным морям.

Урал — мощная «мастерская горного дела». Еще три века назад там был сооружен первый металлургический завод. В речных долинах, окруженных лесистыми склонами гор, русские люди строили домны, а в чаще жгли уголь для них. Сотни лет уральская руда шла на заводы России и Западной Европы. Издавна Урал славился благородными металлами и камнями-самоцветами, а еще больше — людьми, мастерами-умельцами.

Но богатства недр этого края вплоть до Великой Октябрьской революции лежали почти непочатой кладовой земли. Самодержавный строй не в состоянии был высвободить из-под спуда эти богатства. Царское правительство тормозило развитие Урала, хотя передовые русские ученые, инженеры находили все новые пути, все новые возможности для развития производительных сил этого многообещающего края.

«Вера в будущее России,— писал Д. И. Менделеев,— всегда жившая во мне, прибыла и окрепла от близкого знакомства с Уралом...» *.

Исследования об Урале появлялись на страницах научных журналов и сборников. Хотелось увидеть Урал в фотографиях. Большие возможности сулила фотографическая съемка. Урал, однако, не оказался в центре внимания русской фотографии. Там не было таких научно-общественных центров, как на Кавказе или даже в Сибири (отделений Русского Географического общества). Местные фотографы-профессионалы занимались портретной съемкой в крупных заводских и торговых городах. Они фотографировали и заводы, но по заказу хозяев, и эта «парадная» съемка была мало интересна для исследователей.

Два уральца могут, однако, по праву занять в истории фотографии место среди русских фотографов-краеведов прошлого века. Это — И. А. Терехов и В. Л. Метенков.

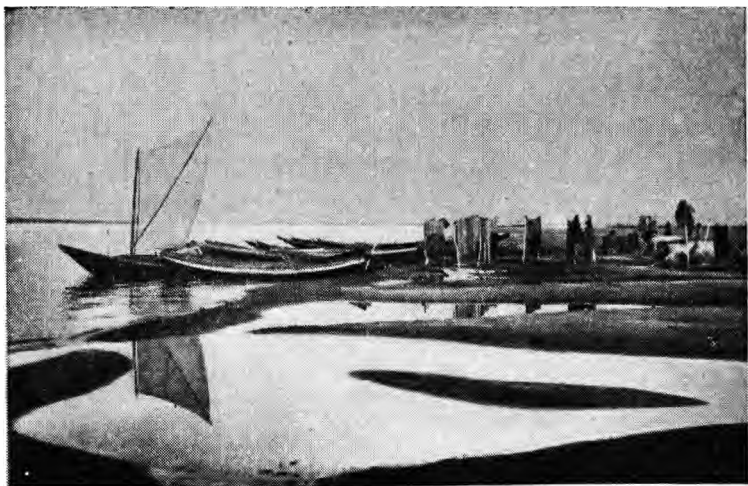
* «Уральская железная промышленность в 1899 г.» Под ред. Д. Менделеева, СПб., 1900, ч. 3, стр. 139. — Д. И. Менделеев был большим любителем фотографии и брал с собой фотоаппарат в научные поездки. Он фотографировал и в путешествии на Урал. Вышедшая под руководством ученого книга об Урале содержит много его снимков.

Д. И. Ермаков. Сванетия.
(900-е годы).

В. Л. Метенков. Река Чусовая. Камень Ермак, в пещере которого,
по преданиям, зимовал Ермак перед походом в Сибирь.
(80-е годы).

*М. П. Дмитриев. Рыбачьи тони на Нижней Волге.
(1896 год)*

*М. П. Дмитриев. Муромские леса. Дорога в бору.
(90-е годы).*

*И. А. Терехов. Удмуртки в национальных нарядах.
(1887 год).*

В 1887 году в Екатеринбурге (ныне Свердловск) состоялась Сибирско-Уральская выставка. На ней были показаны экспонаты, знакомившие с производствами и промыслами. Большим был отдел этнографический. Много фотографировал для выставки и во время выставки И. А. Терехов. За снимки уральских видов и этнографических типов Русское Географическое общество наградило Терехова серебряной медалью.

Особенно удались фотографу снимки, сделанные на выставке. Он сфотографировал несколько групп удмурток, башкир, коми-пермяков, казахов, мари. В снимках тщательно проработаны и лица, и детали костюмов, и национальные узоры нарядов.

Спустя шестьдесят с лишком лет мы рассматриваем эти фотографии. Историк костюма или этнограф найдет в них много интересного для себя. Пристально взглянемся в лица людей. Как ни прикрашивали быт и наряды «иностранцев», нарочно отобранных «напоказ» устроителями выставки, — тяжелую правду о забитости выражают лица людей, послушно позирующих перед аппаратом.

Какая пропасть легла между относительно недавним прошлым и нынешней жизнью этих народностей Урала и Зауралья, выведенных Октябрьской революцией на путь новой жизни! Достаточно сравнить фотографии прошлого века с любой серией снимков советских фотографов из быта этих народностей, чтобы наглядно стали видны коренные изменения, происшедшие в судьбе малых народов нашей страны за последние десятилетия, после революции.

В. Л. Метенков в восьмидесятых-девяностых годах снимал преимущественно ландшафты. Он совершал путешествия по Уралу — Северному и Среднему, по его рекам Белой и Чусовой. Зная, что интересовало географов, Метенков старался сочетать в снимках художественные и научно-познавательные достоинства. Совет Русского Географического общества охотно выдавал фотографу как своему члену-сотруднику «открытые листы».

Серии его снимков восхищали знатоков Урала. Одна из лучших серий Метенкова — виды реки Чусовой, снятые в начале девяностых годов. Река Чусовая, служившая важной транспортной магистралью горного Урала, имела большое экономическое значение. Живописные скалы Чусовой влекли геолога своими характерными наслоениями; ботаника интересовало распределение растительности на скалистых берегах реки; историка занимали народные предания.

Метенков создал серию снимков, замечательных по живописности видов и точности передачи всех особенностей берегов реки. Он сфотографировал скалы — по-уральски «камни». Показал камень «Пещерный» с хорошо видимыми следами выветривания, снял камни «Вино-

*И. А. Терехов. Коми-пермяки.
(1887 год).*

курный», «Сокол» и другие, с отчетливо различными геологическими обнажениями.

Был в серии и снимок утеса «Ермак» высотой свыше шестидесяти метров. На середине высоты этого «камня» есть трудно достигаемая пещера, в которой, по преданиям Ермак провел зиму на пути в Сибирь.

Изучал Метенков и Северный Урал. В отделе редких изданий Библиотеки СССР имени Ленина хранится альбом его снимков, сделанных в трех селах около Чердыни: в Нарепе, Искоре и Покче. Это снимки этнографического характера. Показаны в серии крестьянские дворы, внутреннее убранство избы, виды северных сел. Фотограф снял волокуши и «трясогузку» — примитивный «экипаж» былого края бездорожья. Альбом Метенкова — один из немногих, выполненных на севере Урала фотографом-путешественником. В отдаленные и в ту пору трудно достигаемые местности недоступно было проникнуть фотографу. Только участники хорошо снаряженных экспедиций фотографировали на Северном Урале и в Печорском крае.

Но и Средний и Южный Урал мало фотографировались в прошлом веке. Слабо отражена в фотографии жизнь формировавшегося рабочего класса Урала. Это относится, впрочем, и к деятельности фотографов других областей России: сказывалась в их работе недооценка социально-экономических изменений, происходивших в стране. Эта недооценка имела даже у многих видных ученых-географов и этнографов.

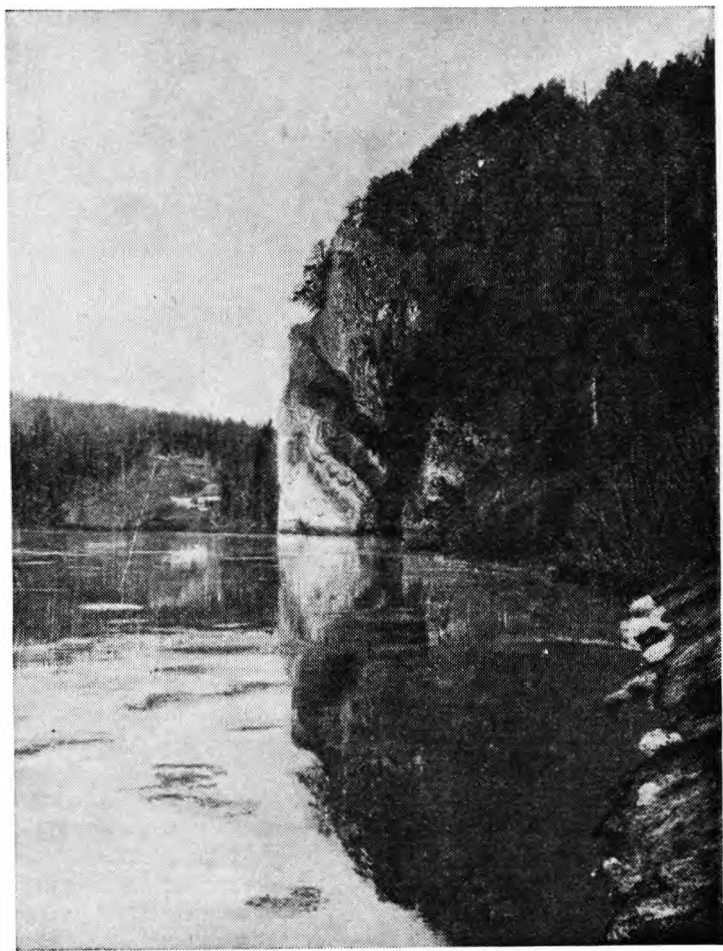
Из редких снимков интересна фотография Терехова, сделанная на Сибирско-Уральской выставке 1887 года. Она названа «Оружейные мастера Ижевского завода». Группа старых мастеров, одетых в парадные кафтаны — длинные, чуть не до пят, в высоких картузах; кафтаны украшены поперечными полосами — застегками. Нет сомнения, на снимке показаны выдающиеся «умельцы», знатоки оружейного дела. К сожалению, фотограф не сохранил в подписи к снимку фамилий ижевских мастеров — прадедов и дедов нынешних тружеников, новаторов производства советского индустриального Урала.

Преимущественно крестьянство интересовало этнографов, изучавших местности центральных областей России и Поволжья, хотя уже в восьмидесятых годах в промышленных городах и фабричных поселках быстро рос рабочий класс. Лишь отдельные фотографы создавали снимки, отображавшие изменения в ландшафте, вызванные промышленным строительством и показывавшие вчерашних крестьян в новых условиях: в труде на заводах, фабриках, на речных пристанях.

Местности центральных губерний и Поволжья издавна фотографировались любителями светописы. Сюда наезжали из столиц и губернских городов и фотографы-профессионалы. Экскурсии не требовали больших затрат и усилий. Составлялись альбомы фотографий. Но в большинстве своем они не представляли сколько-нибудь значительной научной ценности.

В то время как каждый удачный снимок из отдаленных областей страны вносил что-то новое в познание местностей, снимки из Орловской или Симбирской губернии редко подсказывали что-нибудь новое. Эти местности были хорошо и не раз описаны, живописные уголки их и типы жителей зарисовывались художниками.

Чтобы принести пользу науке, завоевать признание, стать полезным сотрудником географов, этнографов, гео-

*В. Л. Метенков. Река Чусовая. Камень Красный.
(80-е годы).*

логов, фотографу нужно было обладать недюжинными способностями, быть зорким наблюдателем, даровитым художником и знатоком края. Знакомое, не раз, может быть, наблюдавшееся надо было показать в снимках по-новому, выявляя особенности ландшафта, бытовой сцены, трудового момента в соответствии с требованиями науки.

Это удавалось немногим фотографам.

В 1870 году по предложению этнографического отделения Русское Географическое общество удостоило серебряной медали художника-фотографа А. П. Шевякова. Он представил всего лишь восемь «фотографических изображений» типов города Галича — древнего города Костромской губернии. Но фотографии были выполнены с таким знанием дела, так полно отвечали целям этнографии, что Совет Географического общества охотно поддержал предложение о награждении Шевякова.

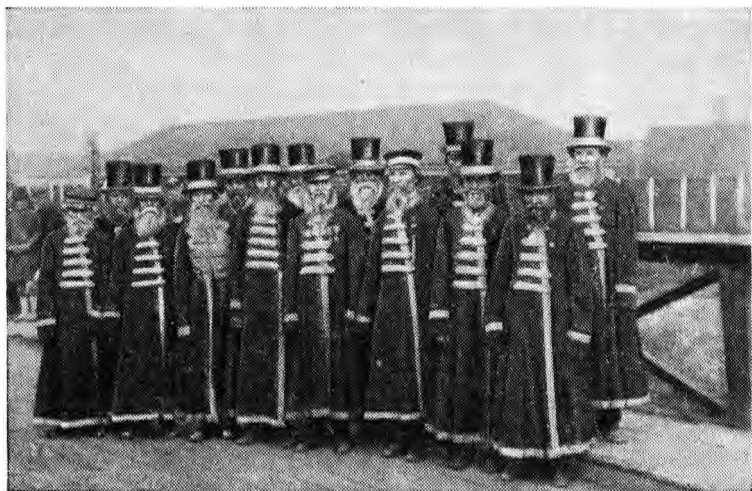
Фотографы вызывали похвалу ученых сериями снимков: виды или типы одного города, одной местности. Но русская фотография знает имена мастеров, которые фотографировали в центральных областях страны с большим размахом, осуществляли свой замысел годами, для которых творческий труд был делом жизни. Десятки, сотни фотографий публиковались в географических изданиях, печатались в монографиях, учебниках, в иллюстрированных изданиях, служили пособиями для преподавателей школ и университетов и «эскизами» для рисунков и картин художников.

Время стерло в памяти имена авторов ценных снимков. Фотографы эти сделали много для краеведения и распространения знаний о своей родине. Их имена заслуживают того, чтобы занять свое место и в истории фотографии, и в истории русской географической науки.

Одно из таких забытых имен неизбежно встает перед исследователем, как только он ознакомится с протоколами заседаний научных обществ семидесятых годов, перелистает журналы той поры и географические издания последующего десятилетия. Это имя фотографа-художника Василия Андреевича Каррика. Его снимки воспроизводят ландшафты среднерусской полосы и Поволжья, русскую деревню семидесятых годов...

Вот несколько черт из биографии В. А. Каррика. Родился он в 1830 году. Окончил Академию художеств. Увлечшись новым в ту пору искусством — светописью, Каррик всецело занялся ею. Портретная фотография не очень захватила его. Он увлекся творческими поисками в совсем новых жанрах — в ландшафтной фотографии и бытовом жанре.

Без всякой материальной поддержки он отправлялся с фотоаппаратом в экскурсии — сначала в окрестности Пе-

*И. А. Терехов. Оружейные мастера Ижевского завода.
(80-е годы).*

тербурга, затем в более отдаленные места. Нелегко было в пути фотографу. Он возил с собой большую камеру, раздвижную палатку для приготовления пластинок, ящик с растворами и стеклянными пластинками да еще один ящик: в него укладывались проявленные и смазанные глицерином пластинки.

У Каррика составила сначала интересная коллекция «народных уличных типов» Петербурга, а позже — собрание «типов и видов» Петербургской и Новгородской губерний и некоторых местностей Финляндии.

В 1871 году Каррик провел лето в Симбирской губернии. Он работал много и с увлечением. К осени получилась замечательная коллекция ландшафтов и этнографических снимков русских крестьян, а также татар, мордвы и чувашей.

Каррик не прибегал к прикрасам. Он показывал сельскую действительность такой, какой она представлялась взору объективного наблюдателя. Фотографии, собранные в единую серию, оказались сильными документами, они свидетельствовали о неприглядной судьбе полукрепостнической деревни.

Труд Каррика был тепло встречен фотографами, художниками, учеными. Но неприязненно отнеслись к энтузиасту-фотографу в официальных кругах.

Это не обескуражило Каррика. В фотографии Каррик «видел цель, а не средство к жизни», как отмечает его биограф. Зарабатывая на существование семьи портретной фотографией, он мечтает о новой поездке, задумывает широкий план съемки видов и этнографических «групп и сцен» в нескольких губерниях Поволжья. Накопив сбережения, в 1875 году фотограф отправляется в большое путешествие. Он побывал в губерниях Симбирской, Ярославской, Тверской.

Много забот стоило сохранить в целости пластинки на трясках дорогах. Чинили преграды местные власти. Однажды он натолкнулся на пристава, который был настолько напуган фотографом из Петербурга с аппаратом на треножке и черным покрывалом, что хотел было уничтожить все его пластинки...

Путешествие прошло благополучно. Сотни снимков обогатили собрание Каррика. Общее число негативов приближалось к тысяче.

Такой силы документальности и такого размаха в работе фотографов не знали еще ни этнографы, ни художники, занимавшиеся изучением центральных областей европейской части России. Каррик слышал похвальные отзывы прогрессивных деятелей искусства и науки. Но чтобы существовать с семьей, ему приходилось распродавать снимки по десяткам. Только Стасов приобрел для Публичной библиотеки несколько сот снимков как «образцы типов и костюмов».

«Это собрание,— отмечал Стасов,— ...отличается не только превосходным техническим выполнением, но и большим разнообразием материала и замечательной художественностью в выборе типов, фигур и поз нашего городского и сельского простонародья. Разнообразные представители их являются здесь то в одиночку, то группами, среди разных занятий и работ своей будничной жизни, то на улицах в городе, то дома у себя, в избе, то на огороде, то в поле, то на жатве, то с ведрами, то с серпами и косой, то с плетеною корзиной, то в самом простом, то в праздничном наряде».

Известный деятель фотографии, секретарь фотографического отдела Русского Технического общества Вяч. И.

Срезневский писал о снимках Каррика: «...Какой прекрасный выбор места съемки, как удачно оживлен каждый ландшафт, и везде русский человек стал сам по-своему, а не поставлен нарочно... Взгляните на его картинки: какую полноту жизни увидите на них... Все отражено в работах Каррика, как в верном зеркале» *.

Хотя в Каррике, как писал другой рецензент, «артист подавлял ученого», среди сотен его работ было много снимков, представлявших интерес для этнографа и географа. Отражая жизнь «в верном зеркале», Каррик давал ценные документы и для статистика, как именовались в те годы географы, изучавшие экономику страны и ее отдельных местностей.

В. А. Каррик умер в 1878 году. Фотографическое наследие художника-путешественника полностью не было сохранено. Но многие десятки фотографий Каррика, отражавшие ландшафты, быт и труд крестьян, вошли в географические издания и позволяют судить о ценности коллекций фотографа. Снимки Каррика печатались и в зарубежных изданиях. Использованы его фотографии в известных сборниках «Живописная Россия», а на рубеже нашего века и в сборниках «Россия», выходивших под руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Иного склада фотографом был Евгений Петрович Вишняков. Фотограф-любитель, член отдела светописы Русского Технического общества и действительный член Русского Географического общества, он выступал как искусный фотограф и образованный географ.

В виде перерисовок первые ландшафтные снимки Вишнякова — водопадов Финляндии и лесных местностей Петербургской губернии — появились на страницах журналов в конце семидесятых годов.

Вишняков печатал свои статьи и снимки в журналах, выступал с докладами о фотографировании в путешествиях. Результатом его труда была книга — «Применение фотографии в путешествиях», вышедшая в 1894 году.

Едва ли не первым из русских фотографов-пейзажистов Вишняков сумел преодолеть трудности цветопередачи одноцветной фотографией. Искусно владея негативным и особенно позитивным процессами, он еще до

* «Записки Русского Технического общества», 1879, вып. 3, стр. 117.

*Е. П. Вишняков. Крестьянин-сеятель в Тверской губернии.
(Начало 90-х годов).*

введения изохроматических негативных эмульсий получал тонкие и изящные оттенки в передаче растительности.

Фотографировал Вишняков на Северном Кавказе, в южных областях страны, но наибольшее число снимков он привез из средней полосы России и Верхнего Поволжья.

Вишнякову удавались зимние ландшафты, что не раз было отмечено на фотографических выставках. Два альбома «Фотографии с натуры», изданные фототипическим способом в 1889 году, где Вишняков собрал лучшие свои ландшафтные снимки, позволяют судить о его недюжинных способностях.

Вишняков положил начало изданию своеобразных литературно-иллюстративных монографий, выступая одновременно и фотографом, и географом. Книги-альбомы имели своеобразный подзаголовок «Наброски пером и фотографиию».

В 1893 году вышла книга «Истоки Волги». Географический очерк сопровождался шестьюдесятью отлично выполненными фототипиями. Затем появилась книга-альбом Вишнякова — «Беловежская пуша».

В первой книге содержится подробное иллюстрированное описание истоков великой реки, во второй — дана характеристика беловежских лесов, описаны и показаны речки, осоковые болота, картины лесного заповедника: чащи, валежники, буреломы, сухостой.

Труды фотографа-географа нашли живой отклик в среде ученых и художников. Вот отзыв известного ботаника Н. И. Кузнецова об «Истоках Волги»:

«Просматривая альбом, вы видите, как начинается великая река и как, мало-помалу, из небольшого ручейка, зачастую пропадающего в болотах и сливающегося с ними, наконец образуется настоящая многоводная и большая река. К альбому приложен текст, составленный кратко, увлекательно и картинно... Шаг за шагом прослежена Волга...

Издание г. Вишнякова, кроме специальных неоспоримых достоинств, заслуживает особого внимания еще как новый метод применения фотографии к географии; этот метод географической характеристики какой-нибудь местности... весьма ценен, нагляден и заслуживает дальнейшего развития. Большинство теперешних путешественни-

*Е. П. Вишняков. Первый нагорный берег истока Волги.
(Начало 90-х годов).*

ков снабжается фотографическими аппаратами, но снимки их имеют большей частью случайный характер. Здесь... мы видим известную определенную программу, известную идею...» *.

По прошествии шести десятилетий книги-альбомы Вишнякова не потеряли своей ценности. Истоки Волги ныне посещаются тысячами советских туристов. Преобразилась жизнь вокруг. Не увидишь теперь крестьянина-сеятеля с лукошком, живо показанного Вишняковым в одном из снимков; исчезли следы бедности и забитости в деревнях. Берега великой реки на всем своем протяжении несут зримые черты величественных перемен, вызванных превращением в жизнь планов преобразования природы. С интересом и волнением перелистываем мы страницы альбома с документальными ландшафтами истоков Волги до Ржева.

Закончим очерк о фотографах, внесших заметный вклад в ценное для географов иллюстративное наслед-

* «Известия РГО», т. 30, 1894, вып. 2, стр. 310—311.

М. П. Дмитриев. Волга у границы Нижегородской и Костромской губерний.

(90-е годы).

ство прошлого века, рассказом о двух талантливейших представителях русской фотографии. Оба эти имени украшают историю светописы в приложении ее к искусству и географическим наукам.

Различен был профиль работ этих фотографов. Один — археолог, историк искусств, ученый-реставратор; другой — портретист и мастер бытового жанра, первый русский фоторепортер-публицист. Один объездил древние русские города, путешествовал по землям Ближнего Востока; другой — летописец и художник Волги, Поволжья; одного влекли памятники русского зодчества, древний орнамент и резьба, другого захватывала ширь жизни народа с ее контрастами и противоречиями.

Один из этих деятелей — Иван Федорович Барщевский, другой — Максим Петрович Дмитриев.

И. Ф. Барщевский родился в 1851 году, в семье обедневшего отставного чиновника, в одном из городков под Петербургом. Он не смог получить среднее образование, но еще мальчиком был приучен к ремеслам, четырнадцати лет уже ознакомился с фотографией. Восемнадцати лет он уехал в Петербург и поступил ретушером к одному из лучших столичных фотографов. Одновременно учился в

рисовальной школе и частных классах Академии художеств. Много занимался самообразованием.

В 1877 году Барщевский поселяется в Ростове-Ярославском и открывает там портретную фотографию. Но это ремесло не удовлетворяет его. Юноша увлекся археологией, изучением ростовского Кремля и его памятников, стал пробовать силы в видовой фотографии. Серия снимков ростовских древностей привлекла внимание исследователей русского зодчества и археологов. Фотография как бы по-новому представила перед ними картину древних архитектурных памятников, частью полуразрушенных.

Снимки Барщевского послужили в свое время убедительным документом для принятия решения о реставрации ростовского Кремля.

Воодушевленный первыми успехами, молодой фотограф поставил перед собой увлекательную задачу — заняться фотографированием памятников архитектуры и древней художественной утвари в Ярославле и других старых городах России. Он приобретает дорожную камеру размером восемнадцать на двадцать четыре сантиметра, партию недавно только появившихся сухих броможелатиновых пластинок отечественного производства и в 1882 году совершает первое путешествие. Его результатом была серия блестяще выполненных снимков. Через год Московское археологическое общество избирает ростовского фотографа своим членом-корреспондентом, а Академия художеств удостоивает недавнего посетителя частных классов звания фотографа Академии.

Барщевский переезжает в Ярославль, делится с друзьями широким творческим замыслом: сфотографировать памятники древнего зодчества — церкви, монастыри, дворцы, ценнейшие художественные изделия — в разных краях отечества. Друзья одобряют задуманное.

И вот каждое лето фотограф совершает все новые экспедиции. Он фотографирует древности Переяславля-Залесского, Юрьева-Польского, Владимира, Суздаля, Вологды, Костромы. Долгое время он работает в Москве и ее окрестностях, едет в Казань, Астрахань. Барщевский побывал в Новгороде и Пскове, снимал монастыри в центральных губерниях, фотографировал на Дону. Он участвовал в зарубежных экспедициях археолога Н. П. Кондакова и других. Верхом на лошади, с проводником, он

проделывает путь по горным тропам Закавказья, фотографируя там древности. Снимки собирает в альбомы.

«Барщевский решился предпринять такое издание, которое было бы в пору разве только человеку с очень большими средствами или, еще скорее, какому-нибудь общественному и правительственному учреждению, или же какому-нибудь ученому обществу», — говорил в своем сообщении на собрании Археологического общества В. В. Стасов в 1887 году.

Археологическое общество в том же году присудило фотографу-путешественнику серебряную медаль за услуги, оказанные археологии. Барщевскому присуждают награды на фотографических выставках. Но издателей его альбомов не нашлось. Бюрократические круги самодержавия, ведавшие наукой, не отпустили средств на издание снимков. В течение пяти лет было куплено только десять экземпляров альбома, отпечатанных самим фотографом.

Барщевский, почти доведенный до отчаяния, хотел бросить любимое дело и вернуться к портретной фотографии. Но страстная любовь к путешествиям, к искусству народа, к съемке памятников зодчества и окружающих эти памятники родных русских далей, лесов и холмов победила! Поддержали Барщевского и друзья.

С годами стала увеличиваться потребность в снимках Барщевского. К его обширным знаниям и опыту обращались виднейшие ученые — академик Ф. П. Литке, П. П. Семенов, археологи А. С и П. С. Уваровы, художники и архитекторы. Огромную коллекцию снимков Барщевского приобрело Строгановское художественное училище, издавшее впоследствии каталог этих снимков.

Барщевский снимал и фрагменты зданий, интересные своими подробностями, и общие виды архитектурных ансамблей, захватывая в снимки и окружающую местность. Снимки изучались историками градостроения и географами, археологами и художниками. Они были интересны и для историков России.

В Ярославле Барщевский прожил до конца девяностых годов. Потом переехал в Смоленск, где создал историко-этнографический музей, собрав в нем богатую коллекцию изделий народного искусства. По инициативе И. Ф. Барщевского незадолго до Октябрьской революции в Смоленске было открыто отделение Московского археологического института. Искусствовед-фотограф сам поступил в

институт и в 1918 году — шестидесяти семи лет! — окончил его с золотой медалью, получив звание ученого археолога. После революции он еще много лет трудился в Смоленске. В 1933 году Барщевский переехал в Коломенское под Москвой, где до глубокой старости занимался реставрационными работами.

За выдающиеся заслуги в воспроизведении памятников древнерусского искусства Президиум Верховного Совета РСФСР в 1946 году присвоил фотографу-путешественнику, археологу и художнику-реставратору звание заслуженного деятеля искусств.

И. Ф. Барщевский скончался в 1948 году. Его творческое наследие составило тридцать тысяч негативов.

Снимки Барщевского вошли в десятки пособий по истории русского искусства и по географии страны.

Наследие, интересное для географов, этнографов и геологов, оставил фотограф-художник Максим Петрович Дмитриев.

Родился он в 1858 году в крестьянской семье, в Тамбовской губернии. Бедствовавшая мать отдала его на воспитание бездетному крестьянину Куприянову в Рязанскую губернию. Но Куприянов вскоре тоже обеднел, и четырнадцатилетнего Дмитриева отвозят в Москву. Начинается жизнь «в мальчиках», пока он не устраивается в фотографии М. П. Настюкова.

Новая работа полюбилась Дмитриеву. По воскресеньям он посещает классы Строгановского художественного училища, обучается рисованию. В 1874 году он попадает на Нижегородскую ярмарку, где был открыт павильон Настюкова, и там знакомится с работой знаменитого фотографа-художника Андрея Осиповича Карелина, основоположника русской жанровой фотографии. Молодой Дмитриев, восхищенный мастерством Карелина, стремится переехать из Москвы в Нижний. Когда кончился срок договора с Настюковым, Дмитриев едет в Нижний, где через некоторое время поступает в фотографию Карелина.

К тому времени Карелин был уже известен не только в России, но и среди фотографов других стран. Его имя как фотографа-изобретателя и художника, добившегося исключительного успеха в съемке бытового жанра, не сходило со страниц фотографических журналов.

Карелин охотно делился своими знаниями и опытом с Дмитриевым, и тот в 1886 году открыл собственную

фотографию, просуществовавшую в Нижнем-Новгороде — ныне Горьком — до конца двадцатых годов нашего века.

Дмитриев не замкнулся в стенах своего павильона. С первых же лет работы он выказал разносторонние интересы. Его влекли картины природы, ландшафты, города и села Поволжья, жизнь великой реки, труд и быт народа.

Фотограф полюбил Нижний-Новгород и его край той восторженной любовью, о какой так хорошо сказал И. Е. Репин в проникновенных строках воспоминаний, описывая посещение со своими друзьями Нижнего.

«Этот царственно поставленный над всем востоком России город совсем закружил наши головы. Мы захлебывались от восхищения от его упоительных далей и прежде всего от его живой истории старой Руси с ее художественностью и теплотой людей, ценивших жизнь, сильных людей» *.

Но так выглядели волжские просторы с живописных холмов. Действительность знакомила и с другой Волгой.

Социальные противоречия капитализма резко отражались в жизни Поволжья. Его города наполнялись обнищавшими крестьянами, которых разорение и голод гнали на заработки. Быстро формировался рабочий класс. В городах, и прежде всего в крупнейшем городе на Волге — в Нижнем, хозяином положения была торговая и промышленная буржуазия. На Волге теперь гудели пароходы, а за буксирами тянулись караваны барж. Исчезнувших бурлаков, гениально изображенных Репиным в его знаменитой картине, сменили в то время грузчики и «босяки».

Но не оскудевала Волга сильными людьми. Притягивали к себе представителей передовой русской науки и общественной мысли просторы Поволжья, его трудовой народ, его недра. Сюда приезжали геологи и почвоведы, лесоводы и техники. Трудился в Нижнем известный статистик А. С. Гацисский, приезжали с экспедициями почвовед В. В. Докучаев, геолог А. П. Павлов, бывали здесь не раз Д. И. Менделеев и К. А. Тимирязев, жил в Нижнем А. С. Попов.

Демократическая интеллигенция Нижнего группировалась вокруг возвратившегося из ссылки писателя В. Г. Короленко; позднее вошел в общественную жизнь города

* И. Е. Репин. Далекое близкое. М.—Л., «Искусство», 1937, стр. 303.

молодой Максим Горький, провозвестник и основоположник литературы рабочего класса.

Дмитриев как фотограф-художник формировался под влиянием передовых представителей интеллигенции. Он был близко знаком с ними.

Свою фотографию он поставил на крепкие экономические устои, это был владелец крупного «фотографического заведения». Но светопись влекла Дмитриева как художника на просторы Волги. Дмитриев поставил перед собой творческую цель: фотографировать ландшафты и виды городов и примечательных селений на всем протяжении Волги — от истоков в Тверской губернии до Астрахани!

И другой еще замысел увлекал его: показать «типы» волжан «всех слоев населения» в портретах, групповых снимках, в фотографиях, отражающих труд. Смелый и широкий план был выполнен Дмитриевым.

Девять лет нижегородский фотограф пополнял свою «Волжскую коллекцию», доведя ее до многих сотен негативов, ценнейшую, единственную в своем роде иллюстративную монографию русской реки.

С громоздкой камерой и пластинками размером от 18 × 24 сантиметра до 50 × 60 сантиметров фотограф путешествовал по Волге. Он делал снимки с борта парохода: примерно через каждые четыре версты — береговые виды; выходил на берег, взбирался на холмы и церковные колокольни, терпеливо ждал, когда выглянет из облаков солнце, чтобы снять волжский ландшафт или общий вид какого-либо города. От глаза фотографа не укрылась ни одна живописная деревенька, украшающая берега реки.

По снимкам Дмитриева можно было сделать интересные наблюдения, как и где возникли первые причалы, какими тропами шли бурлаки, таща на бечеве баржи вверх по реке, как отступали подмываемые водой берега и Волга меняла свое русло. Дмитриев не был геологом, но по многим его снимкам можно было изучать геологические обнажения. Снимки Красного Яра и Жигулей, Царева Кургана и утеса Степана Разина многое подсказывали и геологу, и географу, и историку, и художнику. Дмитриев снимал также архитектурные памятники и места, связанные с замечательными событиями и памятью о волжской вольнице.

Фотограф искал сюжеты из трудовой жизни народа. Он фотографировал кустарей, рыбаков, а больше всего — на пристанях: разгрузку и погрузку барж, грузчиков и «босяков». Дмитриев — один из первых русских фотографов, запечатлевших картины тяжелого труда на заводах, в копиях. Мы видим в его снимках беспросветный труд вчерашних крестьян, ставших поденщиками, рабочими на заводах нижегородских промышленников.

Серию из сотен снимков Дмитриев назвал «Волжские типы».

Даже живя в городе и занимаясь повседневной работой в своем ателье, Дмитриев не пропускал случая привести в фотографию заинтересовавших его людей. Он снимал зажиточных крестьян и бедняков, босяков и странников. Он побывал с фотоаппаратом в ночлежных домах. В серии Дмитриева представлены и знаменитые приволжские села, славившиеся изделиями для пароходства и рыболовства — Работки, Василево (родина Валерия Чкалова), Студенец и другие.

Искусно фотографировал Дмитриев лесные ландшафты в Заволжье, в местах, описанных незадолго до того скончавшимся П. И. Мельниковым-Печерским. В серии снимков показаны сказочные Муромские леса и связанная с народными легендами о невидимом граде Китеже «быстрая и омутная», как поется в песне, река Керженец.

В 1891 году, еще в начальную пору деятельности М. П. Дмитриева, на Поволжье обрушилось стихийное бедствие: страшная засуха, голод. Варварски велось тогда земледелие, истощалась почва, хищнически вырубались леса, крестьянские поля были беззащитны перед стихией, и засуха часто посещала поволжские земли. Неурожай 1891 года был особенно сильным. К тому же царское правительство оставило тогда страну без запасов хлеба, усиленно вывозя его за границу.

Голод привлек к себе внимание честных людей страны. Немало было ими отдано сил и энергии для организации помощи голодающим, хотя царское правительство и рассматривало подчас эту помощь народу, оказывавшуюся демократической частью общества, как проявление «неблагонадежности».

Примеру передовых представителей интеллигенции последовал и М. П. Дмитриев. Он объездил с камерой наиболее пострадавшие уезды Нижегородской губернии.

Составилось сильное по документальной выразительности собрание снимков. Он фотографировал виды деревень, казавшихся вымершими: избы с костяками крыш, солома с которых давно ушла на корм скоту; он снимал жалкие остатки крестьянских стад — в русских и татарских деревнях; фотографировал впалку лежавших в избах тифозных больных...

Незадолго до того Дмитриев открыл в Нижнем свою фототипическую мастерскую, он издавал серии открыток со снимками «видов и типов Поволжья» и альбомы ландшафтов. Одним из первых изданий был напечатан в фототипии Дмитриева его «Альбом сцен неурожайного 1891—92 года в Нижегородской губернии». Издание встретило теплое сочувствие в прогрессивной печати. Ныне, перелистывая страницы этого альбома, советский читатель и зритель видит страшную картину бедствия навсегда ушедшей в прошлое нищенской крестьянской Руси.

В свете героических трудовых дней советского народа, преобразователя природы, навсегда ограждающего Поволжье и другие засушливые земли от угрозы засухи, альбом Дмитриева приобретает большой исторический интерес.

Творчество М. П. Дмитриева как художника неизменно отмечалось на фотографических выставках. Приверженец реалистических традиций, он вместе с другими русскими фотографами-реалистами отстаивал верность этим традициям и в годы, когда фотография, подобно другим искусствам, попала под влияние декаданса, когда многие фотографы отступали от реализма. Публицистически острые и правдивые снимки нижегородского художника нередко вызывали неприязнь со стороны высокопоставленных «шефов» фотографии. Но эти снимки по достоинству оценивались в среде демократической интеллигенции. Высоко отзывался о труде фотографа А. М. Горький, с которым у Дмитриева были долгие дружеские отношения. М. П. Дмитриев живо откликался на общественные начинания и, по словам Горького, «сделал немало доброго революционному движению».

В 1927 году престарелого фотографа в родном городе чествовали в связи с пятидесятилетием его фотографической деятельности. Он продолжал трудиться, снимал стройки первой сталинской пятилетки, пробудившей к жизни производительные силы Поволжья. Свое бога-

тое фотографическое наследие (несколько тысяч негативов) Дмитриев передал в дар городу, оно хранится в местном архиве. К снимкам обращаются люди разных профессий — краеведы, геологи, историки, литераторы, изыскатели недр и площадок для новостроек, художники и архитекторы.

Умер Дмитриев в 1948 году.

Снимки Дмитриева вызвали одобрение и сочувствие со стороны выдающихся деятелей географии. Пожалуй, только коллекции Барщевского по своей ценности могли сравниться с сериями фотографий волжского фотографа.

В конце девяностых годов географами было задумано многотомное издание — описание нашего отечества — под общим заголовком «Россия». Возглавил это издание П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Был приготовлен первый том: «Московская промышленная область и Верхнее Поволжье».

Составители стремились создать такой труд, в котором, по приведенным в первом томе словам Н. В. Гоголя, «должны ниспослать от себя дань и естественная история, и физика, и статистика, и все, что только соприкасается к миру, чтобы мир составил одну яркую, живописную поэму...»

Нужны были верные и убедительные иллюстрации. И тогда во всю силу выступил талант двух мастеров фотографии — Барщевского из Ярославля и Дмитриева из Нижнего-Новгорода. Их снимки украсили издание.

В один день, в январе 1899 года, оба деятеля фотографии — Барщевский и Дмитриев по предложению П. П. Семенова и А. В. Григорьева были избраны в действительные члены Русского Географического общества.

* *
*

В коллекциях фотографических снимков, в альбомах и книгах, отражающих географию нашего отечества, его ландшафты и жизнь народа, находят ценнейшие иллюстрации и документы советские исследователи и историки русской географической науки.

Не все эти коллекции равноценны. Но каждая серия снимков воссоздает какой-то уголок недавнего прошлого нашей родины, облик народностей, ее населяющих.

С иным размахом трудятся ныне, запечатлевая просторы советской страны, наши фотографы и кинооператоры. Шагнула вперед техника фотографии.

Музейными документами стали фотографии прошлого и начала нашего века.

Тысячи фотодокументов, оставленных русскими тружениками фотографии, отражают ушедшее «вчера» нашей страны. Совсем иные зрительные образы запечатлевают в снимках советские фотографы. Разительно меняются и люди, и ландшафты, и города нашей социалистической страны. Еще и еще раз вспоминаются замечательные слова А. А. Жданова:

«Каждый день поднимает наш народ все выше и выше. Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня. Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны» *.

* Газета «Правда» от 21 сентября 1946 г.

ФОТОГРАФИЯ
В НАУЧНЫХ
ЭКСПЕДИЦИЯХ

ФОТОАППАРАТ В РУКАХ УЧЕНЫХ

В марте 1891 года Русское Географическое общество чествовало выступавшего с докладом о путешествии в Западный Китай Г. Е. Грумм-Гржимайло.

Глава русских географов П. П. Семенов в своем вступительном слове сравнил богатые научные материалы, собираемые путешественниками, с драгоценными камнями.

К числу научных даров, пополняющих эту сокровищницу драгоценных трудов русских путешественников, вместе с дневниками ученый отнес и скромные, но ставшие почти обязательной частью экспедиционных работ фотографические коллекции.

В то время географы не довольствовались только снимками фотографов, совершавших самостоятельные экспедиции и экскурсии, хотя бы и по совету или указаниям ученых. Фотографы включались в состав научных экспедиций. Фотографирование нередко поручали кому-либо из ученых — участников экспедиций.

Не только в среде географов приняли фотографию. Она уверенно входила в другие области науки. Как совершеннейший метод наблюдений, уже в шестидесятых годах ее признали астрономы; фотоаппарат, приспособленный к микроскопу, запечатлел неуловимые глазом явления невидимого мира; фотографии анатомических препаратов служили вернейшим пособием в медицинских школах.

Не все исследователи-географы применяли фотографию в своих полевых работах. Но всем им фотодокументы служили ценными пособиями.

Мы говорили уже о внимании к фотографии П. П. Семенова-Тян-Шанского. По его представлению фотографы-путешественники награждались медалями, он поощрял ученых, бравших с собой «походную фотографию». В семье Семенова было много фотолюбителей, их снимки можно было часто видеть на страницах географических изданий.

С любовью собирал коллекции фотографий А. В. Григорьев. Из путешествий он привозил серии снимков, выступал с сообщениями в фотографическом обществе, внимательно следил за успехами отечественной фотографии.

Великий путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай пополнял photographиями свои дневники и материалы исследований на Новой Гвинее, Малайе, Индонезии и Филиппинских островах. Большое количество антропологических фотографий путешественник собрал в 1874 году.

Как ни хлопотны были занятия фотографией, Миклухо-Маклай сам изучил ее технику. В октябре 1878 года он писал из Сиднея секретарю Русского Географического общества: «...Наперекор желанию, приходится сознаться, что для естествоиспытателя, а тем более для путешественника, необходимо быть самому фотографом, и мне волей-неволей приходится учиться этому положительно необходимому искусству» *.

После смерти путешественника в его архиве было найдено немало снимков. В отчете о результатах разбора архива Миклухо-Маклая, опубликованном в 1889 году («Известия РГО», т. 25), указывалось: «Фотографические снимки... относятся ко всем частям путешествий Н. Н. и по большей части изображают разные расы и строение тела различных личностей и племен»; «по тщательности исполнения фотографий и отчасти рисунков,— говорится далее в отчете,— видно, что автор приложил к этому делу большие старания». К сожалению, большая коллекция интересных фотографий осталась не разобранной исследователем и не имела пояснительных подписей.

Из антропологов, трудившихся в пределах родной страны, первым взял в руки фотоаппарат талантливый ученый В. Н. Майнов. Ему в большой степени обязана успехом

* Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений, т. II, М.—Л., 1950, стр. 432.

русская фотография на Парижской географической выставке 1875 года — он был одним из создателей Русского отдела.

Майнов своим трудом показал, какую большую пользу приносит фотоаппарат исследователю. Он подробно рассказывал в ученых обществах о своих фотографических занятиях, сопровождая отчеты об экспедициях собственными снимками. Особенно было интересно и по достоинству оценено учеными его исследование по антропологии и этнографии мордвы, произведенное в 1878 году. Исследовал он — и непременно с фотоаппаратом — другие народности, в частности черемисов (мари) и чувашей. Рано умерший, Майнов не успел завершить свои труды, в которых важное место отводил фотоиллюстрации.

Умело и широко пользовался фотографией Д. Н. Анучин. «Это был целый географический факультет», — говорил о знаменитом деятеле русской науки, ученом-энциклопедисте его ученик и последователь Л. С. Берг. Анучин был обладателем больших фотографических коллекций. К нему стекались снимки, отражавшие вопросы географии в широком понимании этой науки.

Ценные фотографии из собрания Анучина поступали в музеи, на страницы научных и популярных изданий, на выставки. Так, на Московской географической выставке 1892 года, вдохновителем и организатором которой был Анучин, почти во всех отделах находились снимки из его собрания. Виды Севастополя и гор Крыма, Верхней Волги и Кавказа, Египта и Финляндии, Ржева и села Коломенского, приволжских оползней и Девдоракского ледника, — на любую географическую тему у Анучина находился верный снимок.

Д. Н. Анучин искусно иллюстрировал свои лекции и труды. Образцом умелого пользования фотографией может служить его исследование «Рельеф поверхности Европейской России в последовательном развитии о нем представлений». В журнале «Землеведение», руководимом Анучиным, эта статья напечатана со снимками, очень удачно дополнявшими текст. Здесь были приведены фотографии гранитных скал и глыб на берегу Днепра, обрывы Яйлы на юге Крыма, волжских Жигулей.

Стараниями Анучина для выставки 1892 года были получены фотографические коллекции выдающихся русских путешественников. Последнюю экспедицию великого

*П. К. Козлов. Оазис Гуйдуй.
(Экспедиция 1907—1909 годов).*

Пржевальского иллюстрировали снимки продолжателя его дела Роборовского. Снимки Роборовского, Грумм-Гржимайло и других путешественников свидетельствовали о размахе, с каким велись русскими людьми исследования Центральной Азии, Монголии и Тибета.

Московская географическая выставка демонстрировала значительные успехи фотографии в применении ее к землеведению и послужила дальнейшему укреплению ее в обиходе путешественников-исследователей*.

В девяностых годах фотоаппараты приобретались почти для всех экспедиций Русского Географического общества. Ю. М. Шокальский в 1896 году в своей записке о нуждах Общества в инструментах особо оговаривает заботу о пополнении склада «фотографическими приборами».

В среде выдающихся деятелей географических наук, путешественников и исследователей появляются фотографы-любители, чьи снимки не уступают, а иногда и превосходят по техническим и даже художественным достоинствам работы фотографов-профессионалов.

Можно назвать много имен географов и этнографов, для которых фотоаппарат служил постоянным спутником в полевых исследованиях.

Знаток и исследователь Дальнего Востока Д. Л. Иванов был искусным фотографом. За серию снимков «видов и типов из путешествия по Южно-Уссурийскому краю и Сахалину» он получил награду на Петербургской фотографической выставке 1894 года.

Этнографы и антропологи, путешествуя по трудно достигаемым в ту пору местностям северо-востока Сибири, производили интересные антропологические и этнографические съемки. Свои труды и отчеты они иллюстрировали photographиями.

Пользовался фотографией в своих путешествиях выдающийся ботаник и географ, впоследствии президент Академии наук СССР, Владимир Леонтьевич Комаров.

С 1895 года ученый вел исследования в Восточной Азии. Достаточно указать на две экспедиции Комарова, чтобы убедиться в том, как ценил он фотографию.

* Подробное перечисление фотографических коллекций приведено в путеводителе: «Географическая выставка 1892 г. в Москве. Каталог выставки». М., 1892.

В 1902 году В. Л. Комаров с А. А. Еленкиным совершает путешествие в Восточный Саян и район озера Косогол (Хубсугул) *. При них был фотоаппарат. Целью путешествия служили ботанические исследования. Комаров изучал также вопрос о происхождении озера. Со своим спутником он обошел Хубсугул вокруг. Фотографии подтвердили указание Комарова на ледниковое происхождение моренных отложений в близлежащих долинах. Снимки помогли установить, что террасы на берегах образовались не в результате высыхания озера, а прибоем. Снимки осыпей, виды гольцов, ущелий также позволили сделать интересные выводы, подкрепившие наблюдения.

Спустя шесть лет Комаров возглавил ботанический отдел большой экспедиции на Камчатку, организованной при содействии Русского Географического общества. Как всегда, он позаботился о фотографическом снаряжении. Его группа взяла с собой четыре фотоаппарата! Фотографировал главным образом молодой ботаник, помощник Комарова, ныне профессор, заслуженный деятель наук РСФСР, Всеволод Павлович Савич.

Множество снимков Савича было напечатано в книге Комарова «Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг.». Фотографии показывали отдельные картины из походного быта путешественников, знакомили с видами местностей и населением. В снимках отображалась флора Камчатки: растительность тундры, ельник и лиственные леса; снимки отмечали границы различных поясов растительности. Были сфотографированы сопки, грязевые вулканы. Комаров и Савич показали долины, реки, озера. В снимках показывались даже особенности жилищ на Камчатке, в частности постройки на сваях. В целом, серия фотоиллюстраций удачно дополняла отчеты участников экспедиции.

Фотоаппарат служил также верным спутником выдающегося географа Льва Семеновича Берга, впоследствии академика, президента Географического общества Союза ССР.

Значительный интерес представляют снимки Берга, сделанные в путешествии 1903 года по Средней Азии.

Тогда было распространено мнение об усыхании областей Средней Азии. Берг обследовал район озера Балхаш

* В. Л. Комаров. Поездка в Тункинский край и на озеро Косогол в 1902 году. «Известия РГО», т. 41, 1905, вып. 1.

Л. С. Берг. На озере Балхаш. Деревья, затопленные прибывающей водой.

(1903 год).

и опроверг неправильные утверждения. Более того, Берг установил, что вода в Балхаше прибывает. И в качестве доказательства привез фотографии.

Серия этих фотографий познакомила с ландшафтами Прибалхашья. Интересны были виды скалистых берегов урочища Мын-арал, сильно изрезанных узкими и длинными заливами, напоминающими фьорды Скандинавии. Исследователь показал в снимках реку Или, движение барханов на пустынных участках побережья*.

Позднее Берг обстоятельно фотографировал Аральское море, а также другие области Средней Азии. Его

* См. Л. С. Берг. Предварительный отчет об исследованиях озера Балхаш летом 1903 г. «Известия РГО», т. 40, 1904, вып. 4.

снимки украсили страницы многих географических изданий (в том числе «Туркестанский край» в серии сборников «Россия»). Ученый стремился не только к документальной фиксации наблюдений. Многие его ландшафты наделены художественными достоинствами: он умело строил снимок, смело сочетал крупный план с общим планом, вводя в кадр декоративные элементы.

Фотографами-художниками выступали геолог Алексей Петрович Павлов, великий естествоиспытатель Климент Аркадьевич Тимирязев и ботаник-путешественник Василий Васильевич Сапожников. Некоторые их фотографические работы в равной мере ценились и как документы исследования, и как произведения фотоискусства.

А. П. Павлов в своих полевых исследованиях часто применял фотографию. Изучая ландшафты, геологические обнажения, оползни, он запечатлял их либо акварелью, либо светописью. Иногда художник в нем сказывался сильнее, чем ученый, и Павлов тогда целые часы отдавал зарисовкам или фотографированию заповедных уголков природы, поразивших его.

«Он мог воплощать свое чувство и понимание природы в художественных образах», — пишет о А. П. Павлове профессор Варсанофьева.

Отметив любовь знаменитого геолога к искусству, к акварели и маслу, биограф подробно рассказывает о его увлечении фотографией:

«А. П. был... художником-фотографом. Замечательные серии его фотографий Поволжья, прекрасные снимки, привезенные из поездки в Печорский край, безупречны в техническом отношении и сделаны с большим вкусом. При этом надо отметить, что всю работу проявления и печатания он проводил сам и сам составлял себе реактивы. Он знал много рецептов для приготовления проявителей, фиксажа, усилителей и т. д. и достигал замечательных результатов в изготовлении своих художественных снимков. Этот интерес к фотографии можно отметить, просматривая библиотеку А. П., где можно найти ряд книг по фотографии, фотографических журналов и каталогов. Интерес этот к успехам в развитии фотографии сохранился до самых последних лет жизни А. П.» *.

* В. А. Варсанофьева. А. П. Павлов и его роль в развитии геологии. Изд. 2-е, М., 1947, стр. 362.

*Л. С. Берг. Река Или при впадении в озеро Балхаш.
(1903 год).*

У Павлова составила́сь большая коллекция фотографий, интересных в геологическом отношении. Его снимки Урала, Кавказа, Поволжья были показаны еще на Географической выставке 1892 года в Москве. Ученый часто пользовался фотографиями на лекциях в университете. Снимки и диапозитивы помогали ему раскрывать перед слушателями те или иные научные положения. С большой наглядностью Павлов приводил снимки как иллюстрации в своих печатных трудах. Образцом может служить его статья «О рельефе равнин и его изменениях под влиянием работы подземных и поверхностных вод», напечатанная Д. Н. Анучиным в журнале «Землеведение» за 1898 год. Автор рассказывает о разрушающем действии воды, приводящем к эрозии. Он печатает прекрасную фотографию оврага, прорывшего верхнюю часть делювиального склона, сложенного из меловой брекчии. Помещает снимок Лысой горы с ее склоном из брекчиевидного делювия, изрезанным оврагами, знакомит читателя с видами оползней и различными формами оврагов.

Летом 1897 года в России состоялся VII Международный геологический конгресс. Павлов был членом организационного комитета и бюро конгресса.

В сборнике трудов русских геологов, выпущенном к конгрессу, Павлов удачно применил снимки. В книге были показаны разнообразные горные ландшафты нашей страны: местность возле Златоуста, Большой и Средний Таганай, гора Благодать, геологическая структура Казбека, Цейский ледник. Были приведены снимки геологических обнажений на Волге с интересно выполненными схемами, наложенными на фотографии. Так фотография служила талантливого русскому геологу.

Яркий след оставил в истории русской фотографии и применил ее к изучению ландшафта и растительности К. А. Тимирязев.

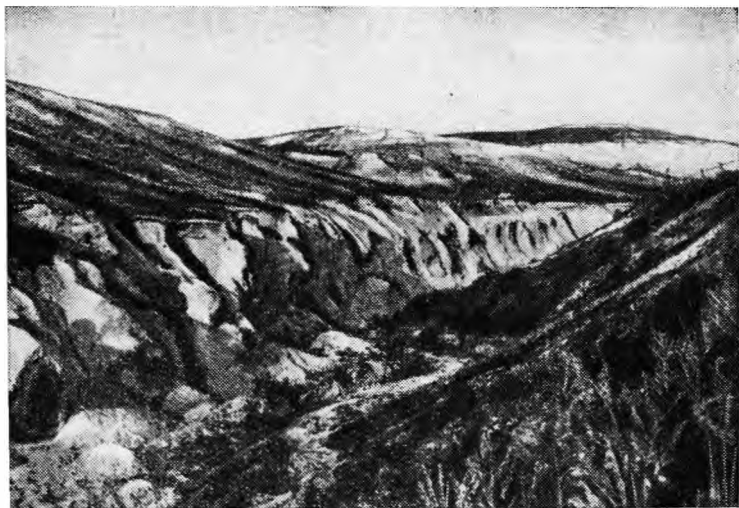
Уже в своих ранних исследованиях Тимирязев наблюдал явления «фотографии в природе». Процессы, происходящие в листе растения, аналогичные фотографии, привлекли внимание ученого к технике и химии светописы. В середине девяностых годов Тимирязев занялся практикой фотографии, сделал быстрые успехи в съемке ландшафтов и посвятил молодому искусству несколько работ и публичных лекций.

В 1896 году итоги своих увлечений фотографией, которой Климент Аркадьевич Тимирязев занимался вместе с сыном, студентом (ныне профессором А. К. Тимирязевым), он показал на фотографических выставках в Москве и Нижнем-Новгороде. Это была серия ландшафтных фотографий на прозрачных стеклах.

Журналы с восхищением отзывались о работах Тимирязевых. «Диапозитивы работы московских фотографов-любителей А. и К. Тимирязевых — вне всякой похвалы, — говорилось в статье журнала «Фотографическое обозрение» (1896, № 10). — Каждое маленькое стеклышко представляет собой вполне законченную, строго обдуманную картину». «Тут можно простоять долго, перед этими маленькими вещами и эффектами», — писал автор другой статьи в журнале «Фотограф-любитель» (1896, № 3).

За свои снимки ландшафтов ученый-фотограф получал на выставках почетные награды.

Тимирязев искусно и с тонким знанием дела снимал лесные пейзажи под Москвой. Он много фотографировал растительность для своих исследовательских работ. Поразительны по тщательности отделки и передаче подробностей снимки папоротников. Эти коллекции снимков хранятся в музее К. А. Тимирязева в Москве.

Из коллекции снимков А. П. Павлова. Овраг, прорывший верхнюю часть делювиального склона, сложенного из меловой брекчии.

Член Совета, а затем почетный член Русского фотографического общества, К. А. Тимирязев, верный идеям передовой науки и реалистического русского искусства, в публичных выступлениях и статьях ратовал за фотографию как самое демократическое искусство, доступное массам. Предвосхищая время, когда наука, искусство и техника станут общим достоянием, ученый-публицист и революционер видел в фотографии одну из возможностей сочетания занятий наукой, искусством и техникой для множества людей, стремящихся к творчеству.

Только в советской стране, спустя четверть века, фотография действительно стала самостоятельным массовым искусством.

Много сделал Тимирязев для пропаганды техники ландшафтной фотографии среди фотолюбителей. В девятидесятых годах сказывалась еще слабая сторона ранней светописы: пластинки были чувствительны преимущественно к голубым лучам солнечного спектра. Зелень часто выходила на снимках сплошными черными пятнами, трудно различимы были тональные переходы, нарушалась правильная цветопередача.

Ботаникам и специалистам по ландшафтоведению нужны были снимки с правильным соотношением цветов и тонов. И хотя сенсбилизация, то есть техника очувствления эмульсий к зеленым и другим участкам спектра, достигла к тому времени заметных успехов, в продаже таких пластинок было мало, а фотографии не всегда пользовались достижениями науки и очувствлением пластинок не занимались. Тимирязев выступил авторитетным знатоком сложных вопросов фотографии.

«Еще недалеко то время, — говорит Тимирязев в лекции «Фотография природы и фотография в природе», — когда фотографический ландшафт представлял нам под однообразно белым небом еще более сплошную черную массу растительности, то есть лишал природу всей ее обычной прелести: этих облаков, бесконечно разнообразных в своих формах и переливах света и тени, этих мягких оттенков зелени» *.

«Еще А. Гумбольдт совершенно верно заметил, что главным мотивом, определяющим физиономию ландшафта, является растительность, — говорит Тимирязев в другой своей работе, — а между тем именно фотографирование растительных масс долгое время составляло камень преткновения для фотографа. В настоящее время, благодаря широкому распространению превосходных сухих орто- или изохромных пластинок, этого препятствия более не существует...» **

Тимирязев делится своим опытом фотографирования растительности, дает теоретическое объяснение явлений, получающихся при съемке зелени на разных светочувствительных слоях. Он популярно излагает технику правильной цветопередачи в ландшафтных снимках, разъясняет вопросы очувствления эмульсии к цветам спектра и действие светофильтров; рассказывает, как он изготавливает сам желтые светофильтры (еще редкость в те годы!) из коллодия, подкрашенного ауранцией.

К. А. Тимирязев своими работами и лекциями оказывал влияние на молодых естествоиспытателей и натуралистов; многих из них он приобщил к фотографическому методу научного наблюдения и исследования.

Примером удачайшего применения фотографии ученым-путешественником служат труды талантливого иссле-

* К. А. Тимирязев, Соч., т. 1, 1937, стр. 316—317.

** «Фотографическое обозрение», 1895, № 3, стр. 118.

дователя Алтая, профессора Томского университета Василия Васильевича Сапожникова. Ботаник, ученик Тимирязева в совершенстве владел фотографической техникой. У Сапожникова был дар художника; не отклоняясь от исследовательских целей фотографирования, он заботился о композиции ландшафтных снимков. Во всех экспедициях обязанности фотографа ученый брал на себя. Он сам проявлял негативы и печатал снимки. Зимой, несмотря на занятость, не жалел времени на расцветку диапозитивов от руки прозрачными красками. Фотограф-ученый достигал исключительной тонкости в передаче полутонов. Его публичные лекции и доклады, сопровождавшиеся диапозитивами, собирали всегда большую аудиторию.

Путешествия Сапожникова на Алтай знаменуют собой замечательную пору в исследовании этой обширной и интереснейшей для географов области. Он изучил весь Горный Алтай, открыв там три ледниковых центра, исследовал Белуху и другие вершины Катунских и Чуйских белков. Изучение Монгольского Алтая в 1905—1909 годах позволило русскому ученому открыть новый крупный центр оледенения.

В 1897 году в Томске вышел из печати дневник путешествия В. В. Сапожникова «По Алтаю» с сорока фотоиллюстрациями. Это было первое насыщенное фотографиями научное издание, посвященное Алтаю. Русские ученые и круг людей, интересующихся географией, впервые, после выхода в 1879 году альбома Полторацкой, увидели достоверные снимки местностей далекого Алтая.

Вот что писал В. В. Сапожников о фотографии в предисловии к книге: «В течение всего путешествия я довольно широко пользовался фотографическим аппаратом, — этим для путешественника незаменимым орудием. Не говоря уже о том, что при помощи фотографии наглядно передается характер природы в описании, но и для самого автора значительно облегчается процесс передачи виденного; иногда даже на фотографии потом случалось увидеть какую-нибудь подробность, упущенную при непосредственном, нередко спешном, осмотре».

В этих словах точно определена роль фотографии в путешествиях.

Серия алтайских фотографий (их выполнил Сапожников в 1895 году около ста) была очень хорошо встречена в среде географов. Снимки были помещены в журналах,

сопровождали статьи автора или заметки о его путешествии. По приглашению Русского фотографического общества, в 1896 году Сапожников показал свои ландшафты на выставке фотографии в Москве. Лучшие его работы «Телецкое озеро», «Золотая гора» и другие оценивались как большая удача русской пейзажной фотографии.

В следующем году Сапожников совершает новое путешествие на Алтай для изучения ледниковых узлов. Экспедиция прошла блестяще. Ученый в своем отчете упоминает о фотографической работе как самостоятельном разделе исследований.

Сапожников со своими спутниками первым в мире взойшел на седло знаменитой Белухи. По меткому выражению одного из спутников Сапожникова, при взгляде с седла Белухи «все горы оказались под горой». С высоты четырех тысяч метров впервые в истории фотографии были сняты виды Алтайских гор.

Сапожников приезжал после этой экспедиции в Петербург и Москву. В докладе Русскому Географическому обществу он сообщил об открытии новых ледников. В дневнике заседания отмечалось, что отчет сопровождался «проложением на экране фотографических видов, которых за путешествие сделано до ста пятидесяти» *.

«Демонстрацией коллекций фотографических снимков и туманных картин на экране» сопровождался доклад Сапожникова и в Московском обществе любителей естествознания, как сообщал о том журнал «Землеведение» (1898, кн. 4, стр. 210).

Коллекция снимков Сапожникова росла с каждым годом. Отчитываясь об очередном путешествии летом 1902 года в Джунгарский Ала-тау и сырты Тянь-шаня, исследователь сообщает о метеорологическом журнале, ботанических и зоологических коллекциях и о пятистах фотографических снимках **.

О снимках он говорит, что «для многих местностей [они] являются первыми и в общем послужат хорошей иллюстрацией к описаниям».

Путешественник умело пользовался фотоаппаратом. «Фотографии в книгах В. В. Сапожникова,— замечает редактор недавно вышедшего сборника его трудов «По

* «Известия РГО», т. 34, 1898, вып. 2, стр. 220.

** «Известия РГО», т. 39, 1903, вып. 6, стр. 620.

Алтаю» В. В. Обручев,— составляют неотъемлемую часть текста, являясь документальным, а не только иллюстративным материалом, и переплетаются с описанием пути».

Фотоархив Сапожникова составлял тысячи снимков. Это «коллекция-монография». Здесь и знаменитые алтайские вершины, «белки», панорамы ледников, виды долин горных рек Катунь, Бухтармы и других. Среди снимков виды горных озер. Перевалы и горные тропы, морены и горячие источники, водопады и тихие уголки заповедных чаш, лесные массивы и крупным планом снятые экземпляры алтайской флоры, улицы поселков и групповые фотографии семей жителей Алтая.

И ныне снимки Сапожникова не потеряли познавательного значения. Их можно встретить на страницах многих изданий.

Труды ученых-фотографов оправдали надежды, которые возлагала на фотографию еще на заре ее развития географическая наука.

СРЕДИ ГОР И ЛЕДНИКОВ

Долгое время недоступным фотографии было царство вечных льдов — вершины горных областей страны. Восходители делились на страницах журналов своими впечатлениями, в ученых трудах обсуждались волнующие вопросы молодой науки о ледниках — гляциологии. Удивляли воображение читателей масштабы, грандиозность ледниковых массивов, захватывающие дух просторы мира горных пиков.

Редкие рисунки, которые удавалось набрасывать отважным путешественникам на высокогорных бивуаках, давали слабое представление о действительной картине ледникового царства. Рисунки не имели силы документа, и фантазия художника мало что прибавляла к знаниям ученого.

Наука о ледниках требовала точной фиксации наблюдений, тем более что проверить рисунки можно было не скоро, только в следующую экспедицию: то были местности, иногда вовсе не знавшие человека. Ледники между тем живут — они меняют форму и структуру, наступают и отступают... Фотография могла послужить непогрешимо объективным документатором для гляциологии.

Пока господствовало фотографирование на мокроколлоидонных пластинках, ученому, отправлявшемуся на штурм высот, приходилось брать с собой и поднимать на тысячи метров по скалам и льдам целую лабораторию. Обременял же каждый килограмм поклажи. Ценою больших усилий удавалось достигать вершин лишь с самыми необходимыми приборами.

Только с появлением сухого броможелатинового способа светописы и относительно удобных и легких камер отважные исследователи ледников и вершин включили в свой труд фотографирование.

Изучение ледников в России в конце прошлого века велось под руководством известного геолога Ивана Васильевича Мушкетова.

С первых же лет в этих обширных работах нашла применение фотография.

В самом деле, какой метод наблюдений мог бы еще убедительнее подтвердить ответы на следующие вопросы, поставленные перед гляциологами Мушкетовым в «Известиях Русского Географического общества»: *

1. Насколько изменяется наружный вид и положение нижнего конца ледника (отступает ледник или наступает)?

2. Изменяется ли толщина ледника у нижнего конца?

3. Производит ли ледник завалы, обвалы или нет?

4. Каков характер нижнего конца ледника (крутизна, морены и пр.)?

5. Каков характер льда — видна полосчатость или слоистость, или лед представляет собой сплошную однородную массу?

6. Есть ли озера на леднике или ниже его и постоянны ли они?

Не все путешественники были специалистами по ледникам. Но если с ними был фотоаппарат, — он раскрывал точную картину состояния ледника, заменял собой сообщение знатока-наблюдателя. *

Мушкетов тщательно собирал снимки. Дневники заседаний Географического общества хранят много записей об этом:

От действительного члена Федченко получен фотографический снимок ледника Щуровского в Южно-Коканских горах и верховьев реки Испары, — гласит протокол одного из заседаний Общества.

В 1892 году сделано сообщение «об огромном завале, бывшем на р. Зеравшане», были показаны фотографии, снятые с этого завала» **.

Ученые не раз обращаются к снимкам интересного Зеравшанского ледника: «Председательствующий в отделе географии физической И. В. Мушкетов доложил, — гово-

* «Известия РГО», т. 28, 1892, вып. 2. Приложение, стр. 1—4.

** «Известия РГО», т. 28, 1892, стр. 315.

рится в дневнике заседаний 1897 года, — что доставлена фотография Зеравшанского ледника студентом Масловским, совершившим поездку в Туркестан...» Фотография указывает, что ледник продолжает отступать, — утверждает ученый.

«Действительный член Д. Д. Иванов сказал, что у него есть картинка, иллюстрирующая положение Зеравшанского ледника 1870 года, — сообщается в «Известиях РГО». — Сравнивая ее с последними фотографиями, можно видеть, что ледниковый грот, из которого берет начало река Зеравшан, передвигается с правого к левому краю долины» *. Этот вывод живо обсуждался на заседании.

Специалистам был дорог каждый фотодокумент о ледниках.

И ныне, когда советские высокогорные экспедиции обставляются со всею возможной тщательностью, путь к вершинам сопряжен с опасностями и требует не только самоотверженности и твердой воли, но и специальной подготовки. Можно представить, каких усилий стоило путешествие к ледниковым вершинам первых восходителей с фотоаппаратом!

Три области оледенения занимали ученых: Кавказ, Тянь-шань и Алтай.

О крупнейшем русском исследователе ледников Алтая В. В. Сапожникове говорилось в предыдущем очерке. Он обогатил гляциологию ценными исследованиями. Коллекция же его снимков алтайских ледников до сих пор остается одной из самых полных.

Примерами мужества изобилует история покорения русскими людьми вершин Кавказа.

Ярким и цельным образом пытливого русского землепроходца, талантливого исследователя и художника ледового царства кавказских вершин встает перед нами фигура одного из первых покорителей Эльбруса — Андрея Васильевича Пастухова.

Родина Пастухова — Харьковская губерния. Он родился в 1860 году. Окончил коннозаводское училище, но пошел по другой трудовой тропе. Восемнадцатилетний юноша поступил рядовым в корпус военных топографов и через три года получил первый чин. Дальнейшая его жизнь

* «Известия РГО», т. 45, 1909, стр. 54.

связана с Кавказом: он отдался увлекательной работе — топографической съемке высокогорных районов*.

Пастуховым была проведена топографическая съемка вершин Эльбруса, Казбека, Арарата, были составлены точные карты этих вершин. Он исходил сотни километров по ущельям и ледникам, побывал в Дагестане, Кабарде, Осетии, Грузии и Армении. Разносторонние интересы были у Пастухова. Он выступал не только топографом, но и метеорологом, не упускал случая произвести и геологические наблюдения, его знали на Кавказе как этнографа и археолога. Гляциологи ценили его как знающего ледников.

Присущий многим русским исследователям размах увлечений Пастухова в новую область техники — фотографию. Он стремился отобразить вершины и ледники Большого и Малого Кавказа в фотографических снимках и панорамах. Он включил фотоаппарат с принадлежностями в свое походное снаряжение. Вместе с топографическими и метеорологическими приборами фотокамера всегда была при нем в поездках по высокогорным местностям и в восхождениях на знаменитые вершины.

Пастухов знал, лишает его биограф, что с высоты Эльбруса, Казбека, — «воздвигнутых самой природой панорамных пунктов, ему открывается широкая картина хребтов и ущелий»... Отсюда он и фотографировал.

В сопровождении казаков и местных жителей Пастухов совершил шесть восхождений на «пятитысячники» Кавказа. С чтениями, сопровождавшимися показом фотографических снимков, он выступал на собраниях Кавказского отдела Географического общества.

Первым из альпинистов Пастухов взшел на обе вершины Эльбруса, первым — в 1889 году — совершил подлинно научное исследование Казбека, подъем на который длился больше трех суток.

Свои путешествия Пастухов описывал в статьях и отчетах, иллюстрируя их фотографиями.

Вот выписка из отчета топографа-альпиниста о восхождении на Эльбрус 31 июля 1890 года. После рассказа о пути к вершине Пастухов говорит о своем пребывании на ней:

* Е. Д. С и м о н о в. Военный топограф Андрей Пастухов. Ежегодник «Побежденные вершины». Год 1949. М., Географиз.

«На самой высшей точке Эльбруса мы поставили флаг из красного кумача... В двух саженях от флага воткнули палку и в шести саженях к северу на камнях поставили бутылку с запиской; затем я фотографировал восточную вершину Эльбруса и часть Главного Кавказского хребта, сделал топографическую съемку восточной и западной вершин и перевала...» *

Пастухов пробыл на вершине 3 часа 40 минут.

Пользуясь мимолетным улучшением погоды, Пастухов фотографировал громады гор на обратном пути: «...Я фотографировал начало ледника Азау и часть Главного Кавказского хребта». 4 августа он снова «фотографировал Эльбрус с близлежащих скал», затем отмечает еще два раза: «фотографировал виды Эльбруса».

Журнал Анучина «Землеведение» в 1894 году напечатал, сопроводив снимками, статью Пастухова «Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шах-даг».

Автор особенно был доволен пунктом наблюдения с вершины горы Шуну-даг. «С нее виден буквально весь Дагестан, представляющий собой дивную картину; открывающийся же вид на снеговую цепь Главного Кавказского хребта с его ближайшими отрогами — просто очарователен».

В 1896 году Пастухов совершил трудное восхождение на восточную вершину Эльбруса.

Три раза подымался он на Арарат. Ему принадлежит серия снимков этой горы, часть из них была напечатана в журналах девяностых годов.

«Первый русский неутомимый кавказский альпинист», как назвал Андрея Васильевича Пастухова С. Н. Никитин **, умер рано, в 1899 году, не достигнув и сорокалетнего возраста. В Пятигорске, на склоне горы Машук, обращенном к Эльбрусу, поставлен памятник Пастухову. Его именем названа гряда скал на Эльбрусе, а «Приют Пастухова» знаком тысячам советских альпинистов, изведавших путь к вершине Эльбруса.

Много сделал для изучения ледников Кавказа Николай Адольфович Буш, ныне видный советский ботаник. В своих путешествиях он неизменно применял фотографию.

* «Записки Кавказского отдела РГО», кн. 15, Тифлис, 1893.

** «Ежегодник РГО», т. 8, 1898, стр. 27.

В первых экспедициях на Северном Кавказе фотографировал спутник Буша, студент-ботаник. В 1896 году были исследованы ледники и флора верховьев Теберды и Марухи, в следующем году — ледники Чхалты, северного и южного склонов Главного хребта между Тебердой и Эльбрусом.

Фотографировали много. В первом путешествии были исследованы тридцать новых, до тех пор никем не описанных ледников; «почти все они сняты фотографией», — отмечал Буш в своем отчете *. Редким по удаче снимком был вид горы Псыш с висячим ледником. Фотографии были изучены Мушкетовым, который бывал в этой местности раньше. Знаменитый геолог в итоговой статье об изучении ледников за год сделал ценные выводы.

Результаты следующего путешествия Буша были еще интереснее. И. В. Мушкетов докладывал, что Н. А. Бушем «всего осмотрено 50 ледников, с которых сняты фотографии». На всех ледниках отмечалось общее отступление. Снимков привезли более ста, хотя условия путешествия и съемки были очень трудные. Дожди и туманы скрывали даль. Подходящую минуту, чтобы сфотографировать тот или иной вид, приходилось ждать часами и сутками **.

Н. А. Буш, овладев искусством фотографии, с каждой экспедицией все более умело применял ее. Изохроматический материал и светофильтры обеспечили успешную съемку растительности. Ботаник по специальности, Буш умело передавал оттенки в окраске зелени. Осины, березы, ели, азалии в цвету — все эти виды флоры отчетливо различаются в его ландшафтных снимках.

Примерами удачного иллюстрирования отчетов могут служить статьи Буша, печатавшиеся в «Известиях Русского Географического общества».

Накапливался немалый опыт высокогорных съемок. Ландшафты Пастухова, Буша, Сапожникова и других исследователей не только правильно передавали местность и характер ледников: фотографии вводили в снимки фигуры людей, всадников и давали ясное представление о размерах ледовых напластований, источников, водопадов, гротов и морен.

Участники экспедиций делились опытом фотографирования на страницах журналов.

* «Известия РГО», т. 33, 1898, вып. 1, стр. 32.

** «Известия РГО», т. 34, 1898, вып. 5.

То были годы заметного развития русского альпинизма. Во главе его, однако, стояло немало людей, преклонявшихся перед иноземными горными клубами. В альпинизме они видели аристократический вид спорта; лишь снисходительно отмечалась самоотверженность отечественных исследователей-альпинистов, подобных Пастухову.

Участникам высокогорных походов приходилось приобретать снаряжение — и в том числе дорогостоящие фотоаппараты — на свои сбережения. Вопреки равнодушию со стороны правящих чиновничьих кругов, энтузиасты, покорители вершин, достигали своей цели.

Талантливой исследовательницей вершин Кавказа, совершившей несколько интереснейших экспедиций с фотоаппаратом, была Мария Павловна Преображенская.

Скромная учительница владикавказского епархиального училища с юности мечтала о походах к высям вздымавшегося вдали Кавказского хребта. Она экономила копейки из своего жалованья, чтобы летом совершать экспедиции в горы.

В 1900 году Преображенская первой из русских женщин-альпинисток поднялась на одну из самых высоких вершин — на пяти тысячный Казбек. Она обучилась фотографии, и снятые ею ландшафты ни по технике, ни по художественным достоинствам не уступали снимкам профессионалов. Любительский аппарат не годился для походов, денег на приобретение другой камеры у нее не было. Приходилось договариваться с местными фотографами: брать напрокат аппарат. Негативы оставались в собственности его владельца, а для Преображенской делались отпечатки. Один комплект снимков путешественница непременно посылала в Русское Географическое общество*.

Летом 1901 года М. П. Преображенская проделала путешествие вокруг Казбека. Рассказ исследовательницы-фотографа был напечатан в «Ежегоднике Русского горного общества» за 1902 год.

Наблюдения излагаются в рассказе Преображенской в тесной связи с фотографированием. Исследовательницу-фотографа постигла неудача в пути. На бивуаке, «пока готовился чай, — пишет она, — я взяла фотографический

* См. очерк В. и Е. Зариных. Отважная русская исследовательница Казбека. Ежегодник «Побежденные вершины», М., Географиз, 1950.

аппарат, чтобы переменить пластинку, и тут заметила огромное несчастье: без того уже плохой аппарат оказался окончательно испорченным, так как прорвался мешок». *. Фотограф, у которого был взят напрокат аппарат, даже не удосужился привести его в порядок.

Надо было искать выход из положения. «Говорят, нужда учит, так и вышло со мной, — делится альпинистка своими невзгодами в письме Русскому Географическому обществу. — Я решила, что буду каждый раз залезать под бурку и менять таким образом пластинки».

Так Преображенская и поступила: «Ладить с моим аппаратом было очень трудно: пока залезешь под бурку, добьешься, что свет не проникнет, и переменишь пластинку, смотришь, при быстрых переменах тумана в горах, момент снимания уже пропущен».

А погода не баловала путешественницу. На трудных участках пути было разбито несколько ценных заснятых пластинок. Но страстное желание во что бы то ни стало обследовать и запечатлеть горные ландшафты побеждало, Преображенская записала в своем дневнике:

«Нам виден в тумане какой-то ледник, но пойти по нему я не могла, названия же его мои проводники не знали. За ледником временами виднеется Казбек. В этот раз сначала мы шли по хребту, который казался мне не чем иным, как старой ледниковой мореной: так типично обрывался он у слияния двух ледниковых потоков... Потом мы шли по склону хребта, вершина которого имеет снежные пятна; шли на высоте 3 300 метров под густым туманом. Настроение духа было скверное, являлась даже какая-то лень... В 11 ч. 50 мин. дня мы сделали привал; на минуту рассеялся туман, и показалось вдали Сионское ущелье. Идя далее уже в более прозрачном тумане, мы достигли фирнового поля. Тут-то началась награда за трудное и невеселое утро. Нам начали открываться одно чудо природы за другим...

Достигнув Куртинского перевала, мы очутились на высоте 3 600 м, и перед нами опять картина, не поддающаяся описанию. Мы в заколдованном царстве ледников и фирна. Как описать и сосчитать ледники! Я сделала несколько снимков, из них уцелели два. При виде чудес природы невольно забываются и усталость, и холод».

* Кожаный мешочек составлял принадлежность аппарата и оберегал пластинку от засвечивания.

К статье Преображенской были приложены фотографии ледников и вершин. Великолепны снимки из этой серии: «Казбек (5 044 м) и Девдоракский ледник с гребня Барт-Корта».

Рассматривая эти снимки, разделяешь чувство восторга и заслуженного удовлетворения, которое охватывало отважную альпинистку, запечатлявшую на снимках эти высокогорные ландшафты.

После путешествия вокруг Казбека, в августе 1903 года Преображенская совершила поход к западным истокам Арагвы.

Преображенская дала ценное описание Кистинского ущелья. Во время этой экскурсии впервые сфотографировала живописные берега извилистой речки Кистинки, показала вершины Шино. Особенно интересны были панорамы Казбека и других гор, снятые с вершины Малой Куру на высоте 3 620 метров. Лучший из снимков исследовательницы напечатан вместе со статьей в «Ежегоднике Русского горного общества» за 1903 год.

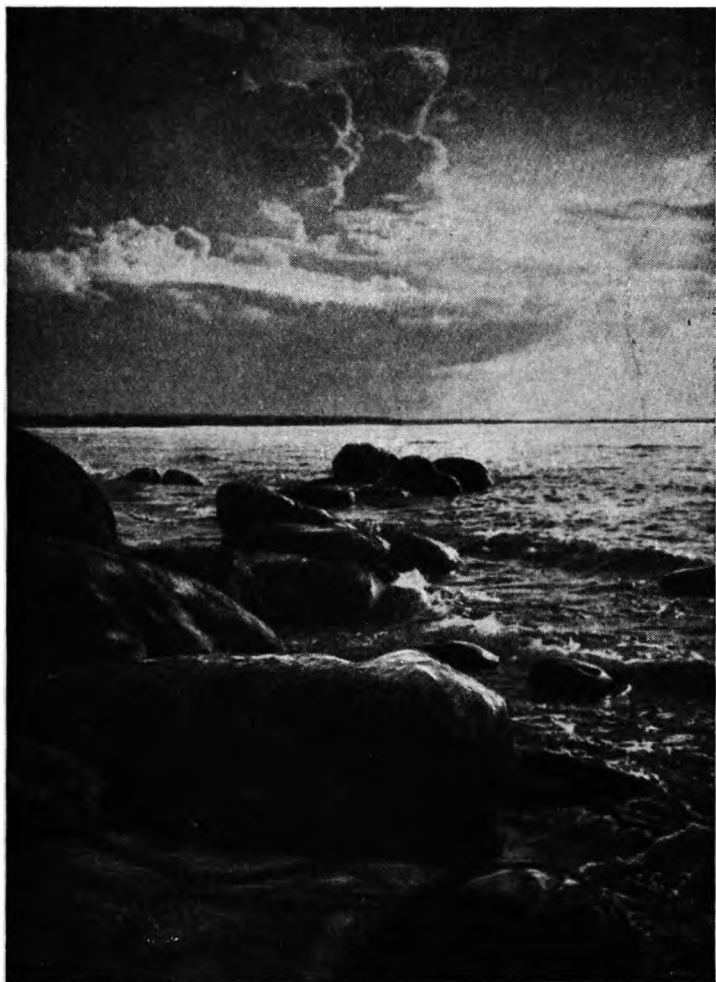
Двадцать лет посвятила владикавказская учительница изучению гор.

В 1912 году очередное восхождение на Казбек она совершила по поручению Геофизической обсерватории. В сопровождении носильщиков М. П. Преображенская выполнила трудное задание: установила на вершине Казбека метеорологическую будку с приборами. Она возвратилась с новой серией негативов, в которых была, в частности, показана самая высокая в то время в Европе горная метеорологическая станция.

В годы своих путешествий к вершинам и ледникам Кавказа талантливая исследовательница держала постоянную связь с географами. Ее трудами интересовался еще И. В. Мушкетов, которому она вместе с отчетами об экспедициях и экскурсиях отсылала десятки фотографий, главным образом видов ледников.

Преображенская читала публичные лекции по горному туризму, знакомила своих слушателей с Кавказом, его ледниками и флорой; лекции она иллюстрировала своими снимками и диапозитивами с них.

С 1920 года М. П. Преображенская состояла хранителем музея Северо-Кавказского института краеведения. Скончалась она в 1932 году. Имя исследовательницы ледников и вершин Кавказа достойно занять видное место

*К. А. Тимирязев. Берег Балтийского моря.
(1895 год).*

*Л. С. Барцевский. Тянь-шань. Ледник Мушкетова.
(90-е годы).*

*М. П. Пресображенская. Казбек и Девдоракский ледник.
(1901 год).*

и в истории альпинизма, и в истории отечественной фотографии.

Русских исследователей ледников привлекали также горные массивы на азиатских границах страны — Тянь-шань и Памир.

Последовательное наступление на вершины Средней Азии развернулось лишь после революции. Только советской географической науке и советскому альпинизму оказалось под силу покорение хребтов, ледников и вершин «Небесных гор». Слава этого подвига связана с именами советских ученых, путешественников, мастеров восхождения. Картины суровых пиков и ледников, виды ущелий и высокогорных рек запечатлены на сотнях фотографий и на киноплёнке. У каждого из нас живет зрительное представление о царстве льдов и высочайших вершинах Средней Азии.

Не так было полвека тому назад.

Неизведанные верховья Нарына, величественные массивы Тянь-шаня, мощный Хан-тенгри, десятки безыменных ледников и пиков, водопадов и ущелий, — в эти и другие заповедные местности еще не заглядывал тогда исследователь. Надо было изучить и показать ученому миру громады горных гряд и ледников.

Один из первых исследователей горных областей Средней Азии — Н. А. Северцов не расставался в экспедициях с альбомом, карандашом и акварелью. Еще в 1867 году, проникнув в неизученный район верховьев Нарына, он жадно набрасывал акварельные этюды Тянь-шаня. Северцов писал в Петербург:

«...С 4 октября до 20-го я почти ни разу не спускался ниже 8000 футов, я поднимался два раза до 11000 и до вечных снегов... Морозы, по ночам, бывали от десяти до двадцати градусов... к холоду привык; только руки не очень его терпели, что мешало писать. Рисунков наготовил довольно; теперь у меня всего 25 видов; иные рисовались так, что краски на кисти мерзли и на бумаге мерзли, а не сохли; оттаивал дыханьем, грел воду на огне из сухой травы в жестяной чашке, а рисунки все-таки выходили исправно» *.

Спустя одиннадцать лет Северцов применил в своем очередном путешествии на Памир фотографию. Зани-

* «Известия РГО», т. 4, 1868, № 2, стр. 188.

мался фотографированием Август Иванович Скасси, топограф, в будущем — спутник Потанина.

В отчете об итогах «памирских исследований и общих научных результатах Ферганской ученой экспедиции» Северцов говорит о фотографии: «Орографические и вообще географические описания экспедиции существенно дополняются, относительно наглядности в характеристике посещенных местностей, коллекцией более шестидесяти фотографических видов, прекрасно исполненных в Ферганских горах и на Памире членом экспедиции г-м Скасси — несмотря на множество его других работ»*.

Под влиянием Северцова формировался как знаток Средней Азии и ее исследователь Л. С. Барщевский, однофамилец известного фотографа-археолога И. Ф. Барщевского.

Барщевский еще в семидесятых годах вместе со многими другими образованными офицерами русской армии стал помогать ученым в исследовательских работах. Отказываясь от перевода в другие воинские части, он остается служить в одном из туркестанских линейных батальонов в Самарканде, отдавая бо́льшую часть времени изучению края.

Барщевский слыл знатоком Средней Азии и особенно юго-западного Тянь-шаня. Он путешествовал по Бухаре, совершил поездку в Афганистан.

Барщевский положил начало областному музею в Самарканде. Изучивший местный язык и обычаи, внимательный и приветливый, русский исследователь становится желанным гостем в кишлаках, аулах и горных селениях. Его имя было хорошо известно узбекам и таджикам.

Художественные наклонности Барщевского проявились в занятиях фотографией. Он снимал и по собственному почину, и по поручению ученых. В своей лаборатории он проявлял пластинки путешественников, печатал снимки; охотно делился своими знаниями и опытом.

У Барщевского был ученик и помощник, юношей страстившийся к путешествиям, Якуб Исмаилджанов. Он выучился у Барщевского русскому языку и оказался способным переводчиком. А иметь постоянного переводчика из местных жителей — это была редкость в Средней Азии того времени.

* «Известия РГО», т. 15, 1879, вып. 2, стр. 76.

Л. С. Барщевский. Верховья реки Ак-су и ледник Северцова.
(90-е годы).

Путешествия стали потребностью Якуба. По поручению Барщевского он производил в пути всякого рода наблюдения и неизменно помогал в занятиях фотографией: раскладывал и приготавливал аппарат, иногда производил съемку, затем бережно укладывал пластинки в походный ящик.

Вместе с Барщевским Якуб Измаилджанов участвовал в экспедициях.

В 1894 году фотограф-любитель Барщевский совершил поездку в горную часть Бухары и Самаркандской области с И. Л. Яворским.

Экспедиция изучала горные озера, верховья рек и ледники. Путешественники пользовались помощью местных жителей, навыки передвижения которых в высокогорных условиях нередко выручали.

Барщевский побывал в верховьях реки Ак-су, у озера Искандер-куль и произвел там серию снимков. Это была первая коллекция видов красивейших мест Таджикистана, выполненная опытным фотографом-путешественником. Снимки запечатлели несколько — в те времена еще безыменных — пиков и ледников. Отдавая дань уважения памяти знаменитого исследователя Тянь-шаня Н. А. Север-

цова, Яворский и Барщевский, пользуясь правом первооткрывателей, назвали его именем могучий ледник у истоков реки Кашка-дарьи. Снимок ледника Северцова, исполненный Барщевским, был напечатан Анучиным в журнале «Землеведение».

Через два года Л. С. Барщевский был приглашен в большую экспедицию для изучения ледниковых областей Средней Азии. Возглавлял экспедицию Владимир Ипполитович Липский, известный ботаник, путешественник, впоследствии президент Академии наук Украинской ССР.

Экспедицию направило Русское Географическое общество по инициативе И. В. Мушкетова. Целью путешествия было изучение «всех трех царств природы». Особо выделялось исследование ледниковых явлений.

Существовало предположение, что в Средней Азии ледники не имели и не имеют такого распространения, как в других горных странах — в Альпах и на Кавказе. Наблюдения русских путешественников опровергали это мнение. Экспедиции Липского предстояло внести ясность в сложный вопрос.

Мушкетов, готовя экспедицию, предвидел большое значение «фотографических исследований». Липский стремился представить выводы из наблюдений «по возможности в точном фотографическом виде».

«Я лично склонен считать большим достоинством и даже до известной степени талантом суметь передать фотографически все, что приходится наблюдать, даже то, что самому наблюдателю кажется не стоящим особого внимания», — писал исследователь, излагая программу своих работ*.

Географическое общество снабдило Липского отличной фотокамерой с принадлежностями. Нужно было выбрать фотографа. Лучше самаркандского краеведа Барщевского нельзя было найти. Тот охотно согласился и взял на себя не только обязанности фотографа, но и производство других исследований: сбор зоологической коллекции и производство топографической съемки.

Помощником Барщевского отправился, как всегда, Якуб Измаилджанов, на попечение которого были отданы обе камеры экспедиции — петербургская и собственная Барщевского с пластинками размером 18 × 24 санти-

* В. И. Липский. Горная Бухара, т. 1, СПб., 1902, стр. 8.

метра. Вместе с принадлежностями и запасом пластинок камеры были искусно навьючены Якубом на лошадь. Но даже при таком верном хранителе «походной фотографии» значительное количество пластинок со снятыми видами не перенесло тяжелого путешествия: они были разбиты или испорчены.

Экспедиция шла неизведанными тропами; часто, как писал Липский, на снежных путях попадались щели, неожиданные гроты «в виде дыры в преисподнюю». Барщевский и Липский непременно брали фотографический аппарат всегда с собой во все экскурсии.

Для обширного отчета Липский использовал географический, метеорологический и гипсометрический дневники, разнообразные коллекции и собрание фотографий. Серия снимков была позже сдана в библиотеку Географического общества. Помощнику Барщевского Якубу Измаилджанову в Петербурге была вручена награда Общества — бронзовая медаль.

Липским было задумано — а впоследствии и осуществлено — издание трудов экспедиции. К первому тому он намерен был приложить лучшие фотографии Барщевского, относящиеся, главным образом, к науке о ледниках.

О плане задуманного издания Липский писал:

«Из числа более 150 фотографий я считаю нужным поместить около двадцати, иллюстрирующих места наиболее интересные и притом нередко настолько труднодоступные, что пройдут десятки лет прежде, нежели они дождутся нового исследователя и художника» *.

Среди снимков Барщевского были редкие по удаче, — например вид ледника Каратегин, который был назван путешественниками ледником Мушкетова. Фотография давала точнейшую характеристику ледника, рассеченного множеством больших и мелких трещин, позволяла наглядно судить о грандиозности ледяного массива.

Интересна фотография геологических обнажений — сильно изогнутых песчаников, в натуре розоватых, с прослойками зеленоватой глины. Превосходны по выполнению виды ущелья реки Варзоб и водопада в верховьях реки Гульбас, низвергаемого с высоты в несколько сажен.

По свидетельству Липского, иногда они ожидали по нескольку часов, чтобы снять нужный ландшафт. И,

* «Известия РГО», т. 34, 1898, вып. 6, стр. 768.

наоборот, нередко фотографу оставались короткие минуты, чтобы успеть захватить лучи солнца, — так быстро надвигаются в горах тени, скрывая чудесные виды. А путь к таким местам часто пролегал через суровые препятствия.

Путешественников манил цирк ледника Галагана, огромный, в несколько десятков квадратных километров. Липскому нужно было иметь фотографию этих горных и ледовых массивов. Спутники рассчитывали еще засветло достичь цели. «Но доступ к этому леднику был так затруднен, — вспоминал Липский, — что мы взошли уже вечером» *.

Что делать? Ждать утра, устроив здесь бивуак, было невозможно. К радости путешественников, небо прояснилось, полная луна ярко осветила величественную панораму. Якуб расставил аппарат, и Барщевский при большой выдержке сфотографировал захватывающие просторы ледника при свете луны. Снимки удались.

Пластины Барщевский обрабатывал в своей лаборатории, возвратившись в Самарканд. Сам он и напечатал несколько комплектов снимков.

За время экспедиции 1896 года Л. С. Барщевский поделился своим опытом фотографа с начальником экспедиции. Фотограф-любитель В. И. Липский усвоил особенности техники высокогорной съемки.

Свои исследования Липский продолжил в последующие годы — 1897 и 1899. Барщевский в этих поездках не участвовал. Фотографировал сам Липский.

Экспедиция исследовала Алайский хребет и хребет Петра Первого. Местности, исхоженные Липским за вторую и третью экспедиции, давали еще больше простора для фотографирования. Достаточно перелистать второй и третий томы труда Липского «Горная Бухара» и просмотреть приложенные снимки, чтобы убедиться в превосходном качестве работ автора как фотографа.

Причудливые конгломераты в долине Як-су и котлы вымывания на берегу Вахша, верховья ледника Шагазы, берега реки Мук, будто испещренные резьбой и украшенные балконами, со стрельчатыми осыпями, отточенными дождевой водой, — эти, как и многие другие, снимки Липского и ныне служат наглядными пособиями при изучении геологии этой горной страны.

* В. И. Л и п с к и й. Горная Бухара, т. 1, СПб., 1902, стр. 270.

*В. И. Липский. Перелом ледника Бадрут.
(1899 год).*

Наблюдениями Липского было доказано наличие ледников, залегающих — в сравнении с альпийскими и кавказскими — на значительно большей высоте. Разъяснялось многое в роли ледниковых явлений. Были запечатлены на снимках ледники, в том числе необычайной формы — Бадрут. Редкий снимок в серии Липского — перелом бокового ледника Бадрут с водопадами.

«Я называю всю эту картину *ж и в о ю*, — писал Липский о леднике, — ...она вся находится в движении. Снег (а внизу, очевидно, и лед) постоянно обрывается и падает сверху, с большой высоты, попадая отчасти на лежащую под ним темную скалу. Падая сверху и разбиваясь о нижний пьедестал, снег падает далее вниз, и здесь формируется боковой ледник».

«Картина эта была до такой степени неожиданной и вместе с тем захватывающей по своей грандиозности, заняла у меня так много времени на фотографию, записи и другие наблюдения...», — замечает Липский, отсылая

читателя к своей фотографии «этого замечательного явления природы».

В. И. Липский проявил не только много настойчивости в фотографировании, он показал себя искусным художником горного ландшафта.

Путешественник-ученый не раз вспоминал добрым словом своего спутника по первой поездке — фотографа из Самарканда. Именем краеведа-фотографа Барщевского Липский назвал ледник южного склона Гиссарского хребта.

Липский был прав, говоря, что пройдут годы, пока ледники и пики Тянь-шаня дождутся нового художника...

Только после Октябрьской революции изучению горных массивов Тянь-шаня, Памира и других был придан размах, присущий советской исследовательской работе. Были впервые пройдены и полностью изучены величайший в стране ледник Федченко, ледники хребта, носящего имя Академии наук, Дарвазского и хребта Петра Первого. Изучено оледенение Заалайского и северной оконечности Сарыкольского хребтов. Ныне разрешена загадка узла Гармо.

Карта заполнена новыми географическими названиями, данными советскими исследователями.

Высочайшая вершина СССР носит имя великого вождя советского народа товарища Сталина. Другие вершины названы в честь руководителей Коммунистической партии, многие пики носят имена русских ученых — Шокальского, Вавилова, Липского.

Панорамы тянь-шанских хребтов и ледников, пики и ущелья запечатлены в кинофильмах. Один из пиков хребта Петра Первого назван именем Кинохроники.

В 1936 году на карте Тянь-шаня появилось имя Сапожникова — страстного исследователя гор и ледников, первого ученого — фотографа Алтая. Это имя дано одному из пиков группой советских альпинистов, руководимой ученым Августом Адреевичем Летаветом.

Летавет — виднейший деятель высокогорного туризма — один из советских фотографов-художников, специалистов высокогорной съемки. И его имя — имя продолжателя творческих традиций русских путешественников-фотографов — запечатлено на карте Тянь-шаня: седловина на хребте Петра Первого (4 800) называется перевалом Летавета...

Штурм вершин продолжается. Без участия фотографии или кино не обходится теперь ни одна высокогорная научная экспедиция.

Совсем недавно, в 1944—1946 годах, фотография помогла советской гляциологии сделать выдающееся открытие. Новое применение ее, быстро вошедшее в обиход науки, — аэрофотосъемка позволила обнаружить третье по величине в стране оледенение. В верховьях реки Индигирки, на северо-востоке Сибири, открыты обширные области ледников, самые большие после среднеазиатских и кавказских.

Документальные снимки позволили советским ученым уточнить сложные вопросы происхождения, развития и будущего крупнейших районов оледенения.

Фотография по достоинству оценена как верная помощница в высокогорных исследованиях.

В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Широчайший размах в деятельности русских географов приняло изучение «сопредельных России стран», и больше всего — Центральной Азии.

Жизнь многих из передовых деятелей русской географической науки была всецело посвящена исследованию почти неизвестных Европе колоссальных центральноазиатских пространств. В географию, геологию, этнографию Центральной Азии, в изучение истории ее народов, ныне начавших новую светлую эпоху своей жизни, русские ученые внесли немало решающих исследований.

Пржевальского и Потанина, Певцова и Грумм-Гржимайло, Роборовского и Козлова отличала широта научных наблюдений. Ландшафт неведомых земель, флора и фауна, быт, верования, нравы народов, особенности костюма и древние сказания — все внимательно изучалось русскими путешественниками, открывшими Европе многие земли Центральной Азии.

Русские творцы географии Центральной Азии сочетали талант исследователей с даром рассказчиков. Их увлекательные книги читались и читаются с волнением и специалистом, и молодым любителем литературы о путешествиях.

Направляясь в Центральную Азию с широко задуманной программой исследований, ученые-путешественники, разумеется, заботились и о зрительной документации своих наблюдений. В ту пору — с конца семидесятых годов — быстро крепла техника фотографии. Мимо нее не прошел ни один из русских исследователей Азии.

Еще до знаменитых «научных рекогносцировок» Пржевальского фотография была применена в большом путешествии в Китай и Монголию Ю. А. Сосновского.

Экспедиция была отправлена для изыскания нового торгового пути из Китая в Россию, к долине Иртыша. Осенью 1874 года путешественники направились из Ханькоу по реке Ханцзян, проводя исследования этой реки. Затем через Ланьчжоу, Хами, Баркуль и Гучен экспедиция дошла до русского пограничного поста Зайсан, сделав четыре тысячи верст, из них тысячу двести верст по воде*.

В числе участников путешествия были врач, натуралист и художник Пясецкий, топограф Матусовский и фотограф Боярский.

По возвращении путешественников начальник экспедиции сделал несколько отчетных докладов. Участие в русско-турецкой войне помешало ему довести до конца обработку наблюдений. Интересным итогом путешествия оказались коллекции рисунков Пясецкого и большое собрание снимков Боярского с обстоятельным пояснением.

До поездки в Китай А. Э. Боярский был московским фотографом-портретистом. Он внимательно следил за развитием техники светописы и одним из первых фотографов овладел сухим броможелатиновым способом.

Серия из полутора ста снимков Боярского получила хорошую оценку петербургских географов.

По предложению П. П. Семенова «фотографу русской учено-торговой экспедиции в Китай за составление доставленной в Общество прекрасной фотографической коллекции видов и типов Китая в местностях до того времени совершенно неизвестных», — как гласит протокол заседания Совета РГО от 29 декабря 1876 года, — была присуждена серебряная медаль**. В тот день такой же наградой был отмечен известный исследователь Восточной Сибири И. Д. Черский.

Снимки Боярского были сначала показаны в зале Русского Географического общества в день общего собрания. А затем вместе с другими экспонатами путешествия они составили выставку, привлечшую массу посетителей. По словам П. П. Семенова, экспедиция посетила «многие

* «Известия РГО», т. 12, 1876, вып. 2. См. также Э. М. Мурзаев. Географические исследования Монгольской Народной Республики, М.—Л., 1948, стр. 62—63.

** «Известия РГО», т. 13, 1877, вып. 1, стр. 6.

местности, до сих пор еще не видевшие европейских путешественников» *.

Коллекция снимков содержала преимущественно этнографические сцены, достопримечательности, виды улиц в китайских и монгольских городах и селениях. Были показаны уличные сцены, представления китайского театра и даже учение войск. Собственно ландшафтов было мало. Портретисту-фотографу Боярскому они, очевидно, не удавались.

Работал он в путешествии очень быстро и снял более трехсот фотографий. Начальник экспедиции Сосновский отметил: «Боярский, надо отдать ему справедливость, сумел устроить свою походную фотографию таким образом, что ни разу не был причиной специально-вынужденных остановок, не нарушал общего плана движения» **.

К выставке снимков Боярского был издан единственный в своем роде отчет: на семидесяти страницах убористым шрифтом давались развернутые пояснения к фотографиям. Эта книжка, представляющая теперь большую редкость, включает много живых наблюдений и описаний отдельных местностей Китая семидесятых годов прошлого века.

Кроме того, Боярским был издан в Москве фотографический альбом из 184 листов большого формата. Это был первый фотографический труд, посвященный путешествию в Китай и Монголию.

В 1879 году фотография была применена в Северо-западной Монголии известнейшим путешественником Григорием Николаевичем Потаниным. Ему сопутствовал в этой экспедиции фотограф, снимавший на бумажных пленках с перенесением потом слоя негативной эмульсии на стекло. Ценная фотографическая коллекция, однако, погибла: она была уничтожена пожаром в помещении Иркутского отделения Географического общества.

Знаменателен период в истории исследований Центральной Азии 1883—1886 годы, когда там побывали две большие русские экспедиции — Г. Н. Потанина и Н. М. Пржевальского. В планах обеих экспедиций, наряду с обширными исследовательскими работами, было предусмотрено и фотографирование. Обязанность фотографов

* «Известия РГО», т. 12, 1876, вып. 2, стр. 72.

** Ю. А. Сосновский. Экспедиция в Китай 1874—1875 гг., т. 1, ч. 1, М., 1882, стр. 401.

исполняли выдающиеся путешественники: уже знакомый нам спутник Северцова, а теперь Потанина — ученый-геодезист А. И. Скасси и молодой спутник Пржевальского В. И. Роборовский.

Скасси был верным помощником Потанина в организации каравана, в руководстве движением экспедиции. Целыми днями он был занят топографическими работами и выполнил их блестяще. У него хватало времени и на обременительные в ту пору занятия фотографией.

Весной 1884 года Потанин со своими спутниками прибыл морем в Китай. Затем он отправился по Великой Китайской равнине, отделяющей плоскогорье Северного Китая от моря. Их путь шел к знаменитому городу-монастырю Утаю. Этот город — ансамбль архитектурных памятников, расположенных среди гор. Здесь Скасси произвел съемку.

О работе Скасси осталась интересная запись в дневнике участницы экспедиции жены Г. Н. Потанина — Александры Викторовны:

«...А. И. Скасси целый день был занят приготовлением пластинок и приведением в порядок фотографических аппаратов. На четвертый день нашего пребывания он отправился снимать фотографии с утайских достопримечательностей и пригласил меня сопутствовать ему. Мы поехали тотчас после утреннего чая, взяв с собою мула, нагруженного аппаратами... Скасси снял общий вид на монастыри и отдельный вид большой ступы [колоссальная белая башня высотой шестьдесят метров. — С. М.]... верхушка ступы была окружена бахромой из колокольчиков, мелодичный звон которых доносился до нас при каждом порыве ветра» *.

Дальше Потанина рассказывает, как, заметив фотографа, из всех окрестных овражков на гору полезли многочисленные зрители — дети и подростки, они обступили Скасси со всех сторон. Потребовалось много изобретательности от его «ассистентки», чтобы отвлечь любопытных и дать возможность довести до конца фотографическую съемку.

Во время экскурсии в Утай Скасси снимал лепные фигуры в храмах, медную кумирню — самую интересную

* А. В. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. Сборник статей. М., 1895, стр. 169—170.

достопримечательность этого города. Ламы были поражены смелостью русских мужчины и женщины; толпа же, которая все возрастала, — по словам Потаниной, — была больше занята наблюдениями за действиями Скасси, чем заботой о том, будут или нет сняты изображения богов. Увлеченный своими занятиями, Скасси перенес камеру внутрь одного из храмов и при стечении народа сфотографировал там старинную статую — изображение девушки.

К сериям снимков достопримечательностей Центральной Азии относится коллекция фотографий Скасси, произведенных в Ордосе, в частности снимок юрты с останками Чингис-хана.

Из снимков древностей нужно еще отметить виды развалин монастыря Пилинсы в теснине Желтой реки. Этот монастырь замечателен тем, что выстроен на скалистых обрывах берегов, где скалы подобны колокольням и башням. На обрывах, часто на большой высоте, были высечены ниши с изваяниями богов огромных размеров — до двадцати метров.

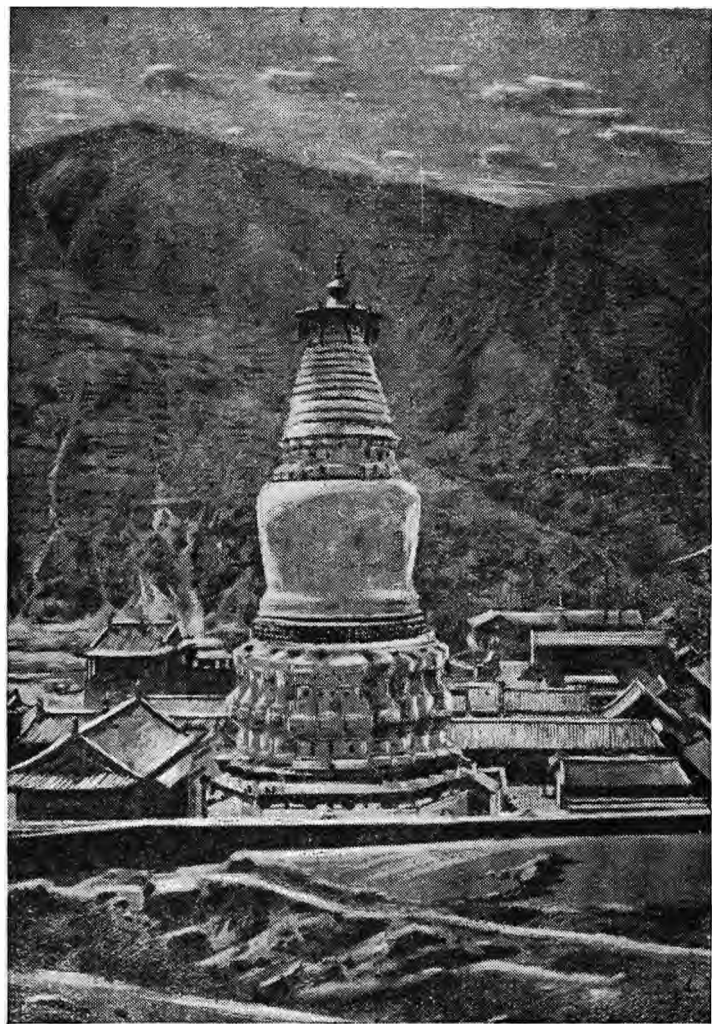
На выбор объектов съемки, на характер фотографий Скасси повлияли особенности Потанина как исследователя.

«Для Потанина страны Центральной Азии являлись своеобразным музеем, в котором хранились памятники материальной и духовной культуры народов, частью уже исчезнувших, и в которых можно собрать богатые материалы по народному эпосу и этнографии вообще», — писал о Потанине В. А. Обручев*. Эта черта Потанина нашла отражение и в иллюстративных коллекциях Скасси. Лучшие его снимки — это виды памятников материальной культуры народов Центральной Азии.

Ландшафты занимали меньше места в коллекции Скасси. Самая интересная серия этого рода — виды долины реки Ксерной, расположенной у подошвы снежной горы Сюе-шань.

Это своеобразная река. Кажется, что русло ее местами сооружено искусственно. Воды реки падают с уступа на уступ бурными каскадами, затем успокаиваются, разливаясь и наполняя множество как бы сообщающихся один с другим бассейнов, огороженных невысокими стенками из туфа. Далее, еще ниже, идет новый ряд бассейнов, имеющих дно, как у котлов.

* См. предисловие к книге: Г. Н. Потанин. Путешествия по Монголии. М., Географиз, 1948, стр. 16.

*А. И. Скасси. Башня в Утае.
(Экспедиция Г. Н. Потанина 1884—1886 годов).*

По поручению Потанина Скасси производил антропологические снимки в провинциях, через которые проходила экспедиция. Снимки делались в фас и в профиль, как требовали антропологи. Эти фотографии были высоко оценены в Петербурге.

А. И. Скасси — один из первых фотографов-путешественников, проводивших обработку пластинок и даже печатавших снимки в пути. Он занимался этим одновременно с обработкой геодезических сведений. Облюбовав какой-нибудь подвал, он устраивал там лабораторию. Печатали снимки на солнечном свете. Потанин и Скасси одаривали снимками местных жителей. Спустя много лет Потанин, путешествуя, находил бережно хранимые фотографии, сделанные некогда его спутником.

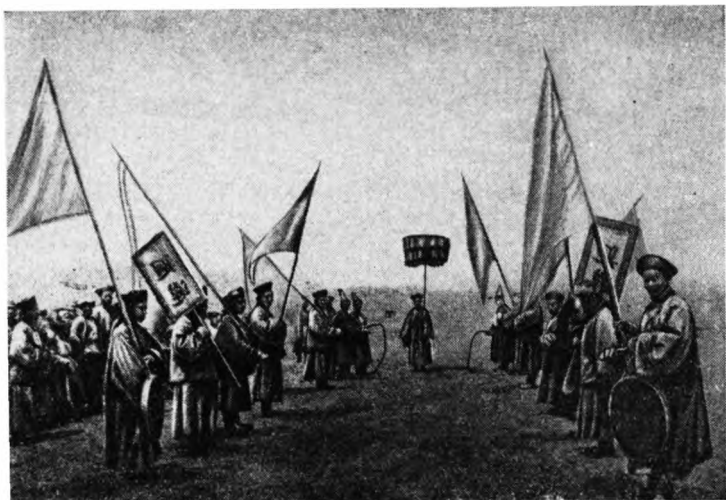
В своем отчете об экспедиции 1884—1886 годов Г. Н. Потанин сообщал, что Скасси произвел топографическую съемку местности протяжением 6 600 верст, а «фотографических снимков с видов и типов» сделал до двухсот. Русское Географическое общество, присудившее Г. Н. Потанину Константиновскую медаль, наградило Скасси за участие в экспедиции золотой медалью*.

Лучшие снимки Скасси были показаны им на фотографической выставке в Петербурге в 1889 году.

В одной из последующих экспедиций Г. Н. Потанин фотографировал Н. А. Чарушин. Владела техникой фотографии и А. В. Потанина. Позже занялся фотографией и сам знаменитый путешественник. Вот один лишь пример из его походной жизни. В 1892—1893 годах он путешествовал в Сычуань и на восточную окраину Тибета. При нем был фотоаппарат. Однажды Потанин провел день в ожидании конвоя тибетских солдат, который должен был провести путешественников через перевал, где разбойничала какая-то шайка. Ученый занялся фотографией. Его внимание привлек облепиховый лес.

«Я воспользовался этим днем, — пишет Потанин, — чтобы съездить по долине вниз и сфотографировать оригинальный облепиховый лес. Я снял две фотографии, одну с высоты на верхушки леса., другая же снята с отдельного дерева с характерною пинияобразною вершиною...» «Облепиховые деревья имеют стволы до 5 сажен высоты и при основании до 5 метров в окружности;

* «Известия РГО», т. 23, 1887, стр. 79, 290 и 311.

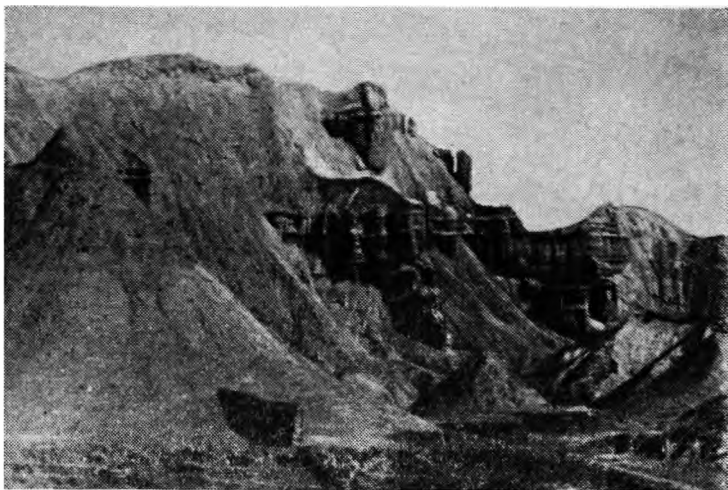
Г. Е и М. Е Грумм-Гржимайло. Западный Китай. Почетный
эскорт, встретивший русских путешественников в Юньане.
(1889 год).

Г. Е. и М. Е. Грумм-Гржимайло. Западный Китай.
Дунганский оркестр.
(1889 год).

В. И. Роборовский. Река Дычю (верховье Голубой реки) при
устье р. Кон-чюн-чю.
(Экспедиция Н. М. Пржевальского 1883—1885 годов).

В. А. Обручев. Башни, карнизы и осыпи гобийских отложений,
покрытых лёссом.
(Экспедиция 1892—1894 годов).

верхушки их плоские, напоминающие итальянские пинии», — так пояснил путешественник снимок, приведенный в его очерке путешествия, опубликованном в «Известиях РГО» *. Этот очерк иллюстрировали шесть фотографий Потанина.

Но возвратимся к 1884 году. Когда Потанин начал экспедицию из восточных провинций Китая, из Кяхты к истокам Желтой реки совершал уже свою очередную «научную рекогносцировку» великий исследователь Центральной Азии Пржевальский.

Еще в 1876 году, готовясь ко второй экспедиции по маршруту от Кульджи на Лобнор, Пржевальский вписал в программу этого путешествия, что «если это окажется возможным», будет производиться фотографирование **. Он обязал своих помощников Эклон и Повало-Швыйковского обучиться светописи у столичного фотографа, «художника-академика» Досса, «с целью во время экспедиции снимать виды местности», как объяснял Пржевальский в одном из своих писем (Фатееву от 12 марта 1876 года).

Осуществить замысел, однако, не удалось. Оказалось, что «фотографические приборы» с принадлежностями, химикалиями и большим запасом пластинок весили семнадцать пудов! Брать с собой такой груз было невозможно. Фотография была оставлена; сказало в решении Пржевальского и то, что, по его наблюдениям, занятия его молодых спутников шли не настолько успешно, чтобы можно было ожидать от них хороших и изящных работ *** (письмо Фатееву от 31 марта 1878 года).

В третьем путешествии фотографии также не было. А новый помощник Пржевальского Всеволод Иванович Роборовский, который — по оценке великого путешественника — «порядочно рисовал», занимался зарисовками в пути. «За сопровождение почетного члена Пржевальского и прекрасные рисунки этнографического содержания», сделанные в этой экспедиции, Русское Географическое общество наградило Роборовского малой золотой медалью.

В четвертом путешествии от Кяхты к истокам Желтой реки фотографирование было включено в план работ.

* «Известия РГО», т. 35, 1899, вып. 4, стр. 392.

** «Известия РГО», т. 12, 1876, вып. 2, стр. 59.

*** Н. Ф. Дубровин. Николай Михайлович Пржевальский, СПб., 1890, стр. 213, 214

Была взята портативная камера, специально сконструированная Вяч. И. Срезневским. Мокроколлодионный способ был заменен сухим. «При IV путешествии, — писал Пржевальский в отчете об экспедиции, — мы имели с собой небольшую фотографию с пятьюстами запасных сухих пластинок».

«Рисование в путешествии, конечно, удобнее, хотя для типов лишь фотографические снимки имеют научную ценность... — замечает Пржевальский. — Неудобна же фотография тем, что, во-первых, не всегда и не везде может быть применима (жары, морозы, лёссовая пыль в воздухе, дурная вода, недружелюбие и подозрительность туземцев), а во-вторых, легко может подвергнуться порче в пути и даже совсем погибнуть» *.

Первый помощник начальника экспедиции Роборовский занимался, кроме фотографии, сбором ботанических коллекций, что было главной его обязанностью. Формируя в Кяхте конвой, Пржевальский включил в его состав в помощь Роборовскому «обывателя города Троицкосавска» Михаила Протопопова. Как отмечал Пржевальский, он был взят «для собирания насекомых, растений и для прислуживания при небольшой фотографии» **.

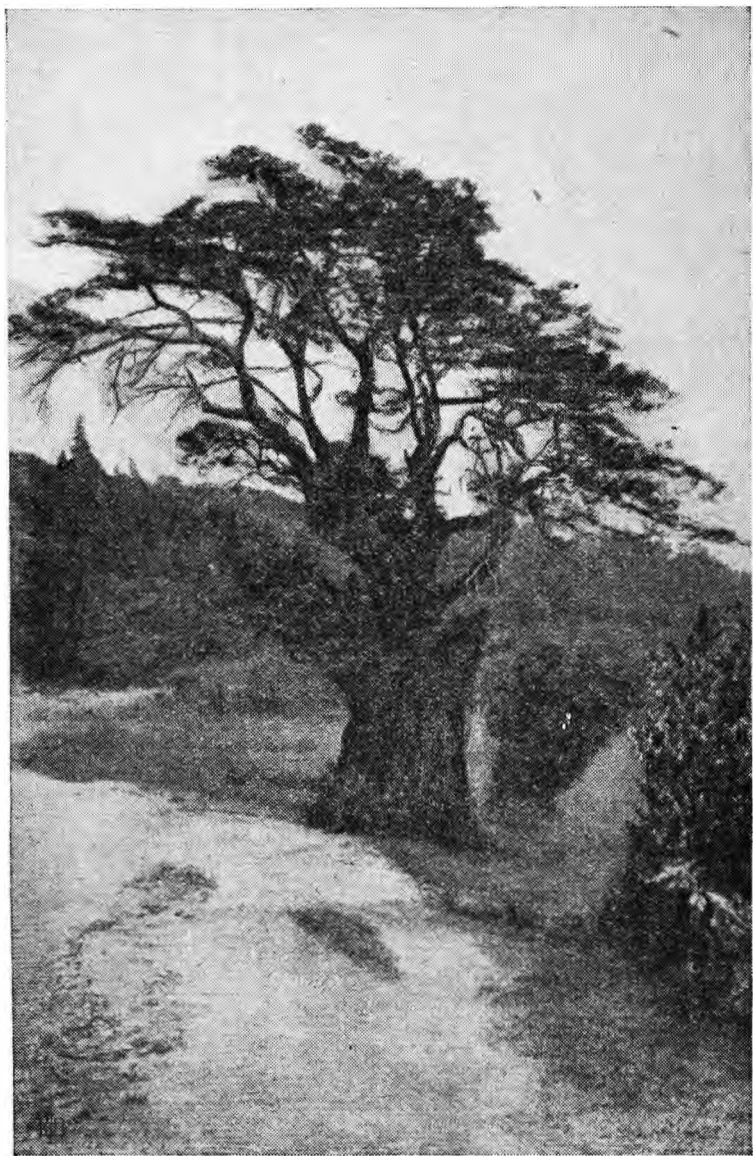
Экспедиция 1883—1885 годов прошла путь от Кяхты через Ургу (ныне Улан-Батор), озеро Кукунор к истокам Желтой реки (Хуанхэ) и верхнему течению Янцзыцзяна, затем повернула на запад с выходом в район юго-восточнее озера Лобнор. Потом отправилась к Керии, по бассейну Тарима, и дальше — к границам России.

Много испытаний пережили путешественники. Самоотверженно выполняли свои обязанности участники экспедиции. С каждым переходом обогащалась ботаническая коллекция Роборовского. Увеличивалось и содержимое ящика, где хранились заснятые пластинки с видами местностей и типами жителей.

Трудным делом было фотографирование в пути. Нельзя было снимать в сорокаградусные морозы с ветрами. Сильная жара портила эмульсию пластинок. Путешественников настигали страшные ураганы в пустыне. Песком заносило все снаряжение экспедиции. Пыль

* Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Желтой реки, СПб., 1888, стр. IV и 62—63.

** Там же, стр. 70.

Г. Н. Потанин. Облепиховое дерево на восточной окраине Тибета.
(1893 год).

пробивалась в механизм аппаратов. Сказывалась и недостаточная опытность Роборовского. Непростое испытание выпало на его долю: едва обучившись технике фотографирования, оказаться на ответственных съемках в центре Азии, где каждый день менял условия съемки и открывал новые виды, требовавшие от фотографа быстрого выбора нужных технических приемов.

В отличие от спутника Потанина Скасси, снимавшего эффектные виды или достопримечательности китайских провинций, Роборовский как фотограф не сосредоточивал внимания на какой-либо одной задаче съемки. Он фотографировал типичные виды местностей, даже если они не были внешне эффектны. Он снимал города, селения и не очень выигрышную для фотографии растительность полупустынь.

Мало привлекательной для фотографа местностью оказались озеро Лобнор и его окрестности, где экспедиция провела зиму.

За несколько лет до этого Пржевальский блестяще разрешил загадку Лобнора: это озеро изображалось на картах в разных местах; Пржевальский открыл, что озеро действительно перемещается вследствие того, что река, питающая его водой, часто меняет направление своего русла. «Кочующее» озеро поэтому и обозначалось в разных местах на картах Центральной Азии.

«Немного найдется во всей Центральной Азии местностей, столь заманчивых для путешественника издали и, в сущности, так мало оправдывающих его надежды, как Лобнор», — писал Пржевальский *.

О характере местности вокруг этого «кочующего озера» можно было теперь судить не только по описаниям путешественников, но и по снимкам Роборовского, обстоятельно сфотографировавшего Лобнор.

Были в серии Роборовского и снимки, в которых эффектность показанной местности сочеталась с научно-географической ценностью ландшафта. Таков снимок реки Дычю в верховьях Голубой реки — одной из самых южных местностей, которых достигал Пржевальский в своих путешествиях по Центральной Азии.

«Эта река, в том месте, где мы на нее вышли, т. е. при устье маленькой речки Кон-чюн-чю, стеснена горами...

* Там же, стр. 320.

*В. И. Роборовский. Женщины из оазиса Черчена.
(Экспедиция Н. М. Пржевальского 1883—1885 годов).*

Течение весьма быстрое, хотя большею частью ровное; лишь местами вода бешено скачет по камням, загромождающим русло. Плавание вдоль по реке, хотя бы в лодках, почти невозможно», — писал Пржевальский о реке Дычю *.

Снимок верховьев Голубой реки стал достоянием русской географии.

Удались Роборовскому и ландшафтные снимки — «священные ивы» в оазисе Ясулган, вид сыпучих песков около того же оазиса, лёссовые жилища.

Много времени Роборовский уделял фотографированию этнографических групп и отдельных представителей народностей Центральной Азии. Серию таких снимков он сделал во время зимовки у озера Лобнор и затем на протяжении дальнейшего пути: снимки кара-курчинцев, жителей оазиса Черчен, мачинцев. Очень часто в книгах и журналах воспроизводился снимок Роборовского «Танцы мачинцев в горах Керийских».

Итог «рекогносцировки» Пржевальского был очень велик. Экспедиция провела на большом протяжении пути

* Там же, стр. 178.

топографическую съемку местностей, проделала астрономическое определение широт и долгот главнейших пунктов и барометрическое определение высот. Велись метеорологические наблюдения. Были собраны богатые коллекции — зоологические, ботанические и отчасти этнографические. Русское Географическое общество получило от экспедиции, кроме того, более ста негативов, снятых Роборовским. Значительная часть снимков была воспроизведена в труде Пржевальского об этом путешествии.

Не суждено было Роборовскому и Козлову совершить с Пржевальским следующее, пятое, его путешествие в Центральную Азию. В городе Караколе, ныне носящем имя великого путешественника, 20 октября 1888 года Н. М. Пржевальский скончался.

Но завет учителя был выполнен. Экспедиция, хотя и по укороченному пути, состоялась в 1889 году под руководством М. В. Певцова. Роборовский, как предполагалось и ранее, взял с собой фотографический аппарат.

Экспедиция охватила огромную территорию Джунгарии, Кашгарии, исследовала Кунь-лунь, точнее, западную окраину Северного Тибета, и закончила путь у пограничного поста Зайсан.

Роборовский — помощник Певцова — был занят самостоятельными исследованиями, совершая трудные экскурсии. Фотографии он уделял меньше времени, хотя и успел запечатлеть важные пункты, в которых побывали исследователи.

Немало снимков впервые показывали места, служившие предметом догадок и предположений. Карта Центральной Азии с каждой сотней километров пути русских путешественников теряла «белые пятна»; описания посещенных местностей документировались новыми фотографическими видами.

Опытный исследователь Роборовский был поставлен Географическим обществом во главе следующей экспедиции в Центральную Азию 1893—1895 годов. Предстояло изучить Восточный Тянь-шань, посетить никем еще не исследованный Большой Юлдус, побывать в Люкчуне, пройти Нань-шань, откуда отправиться в китайскую провинцию Сычуань. Помощником Роборовского был Козлов.

На фотографию Роборовский возлагал большие надежды. Снимки, как документы, тесно связывались с записями дневника Роборовского.

*В. И. Роборовский. Танцы мачинцев в горах Керийских.
(Экспедиция Н. М. Пржевальского 1883—1885 годов).*

Фотографировал Роборовский много, хотя экспедиция проходила в очень сложных условиях. Резкие изменения температуры, неистовые ливни, оводы, донимавшие людей и животных, наконец трудность самого пути — все это требовало большого напряжения сил.

Вот, например, приведенное Роборовским описание одной из бурь, испытанных путешественниками.

«...Натруженные глаза не выдерживают напора встречного ветра, и слезы неудержимо катятся. В такие бури кожа на лице обветривается, лопается и слезает, в особенности на носу... За день лицо успевает так сильно обветрить, что ночью, несмотря на мороз —15°С, от прикосновения лица к подушке развивается в нем страшный жар...» *.

Далее Роборовский описывает густую пыль, которая проникает всюду, в малейшую щель футляров, и засоряет приборы.

Разумеется, в такие и подобные им дни немалых усилий стоило производство постоянных и обязательных

* Труды экспедиции Русского Географического общества по Центральной Азии... в 1893—1895 гг., ч. I, вып. 1, СПб, 1900, стр. 257.

научных наблюдений. Фотографировал Роборовский только в относительно ясные и спокойные дни.

Экспедиции не довелось завершить маршрут. Путешественники прошли Нань-шань, немного оставалось до Сычуани, где они должны были соединиться с экспедицией Г. Н. Потанина. И вот путешественников постигла беда. Недомогавшего Всеволода Ивановича Роборовского в ночь на 28 января 1895 года поразил недуг, паралич. Болезнь приняла затяжной характер. Было решено прервать путь в Сычуань и повернуть обратно. Мужественный путешественник упорно боролся с болезнью. И успешно: больной, он вскоре смог снова руководить экспедицией, даже совершал экскурсии и фотографировал примечательные местности.

Научные плоды экспедиции были очень обильны. Коллекции и дневники изучались много лет. Серия негативов Роборовского была передана им на хранение в Географическое общество; фотографии составили отличные иллюстрации к трехтомному отчету, блистательно доведенному Роборовским до конца, несмотря на развивавшуюся болезнь. В серии снимков Роборовского были и этнографические сюжеты, и разнообразные ландшафты; фотографии обстоятельно знакомили с оазисами в пустынях Центральной Азии.

Например, в Люкчунской впадине Роборовский сфотографировал своеобразные мельницы и интересную систему орошения: подземные каналы (каризы) выводят грунтовую воду на пашни. Здесь же были сняты пруды, обсаженные деревьями, «которые защищают воду от испарения под жгучими лучами солнца», — как пояснял Роборовский.

Удачной получилась серия снимков оазиса Сачжоу на фоне гор. «В этом живописном уголке, отрезанном от мира барханами песков, мы провели почти весь день», — замечает автор.

Из ландшафтов следует упомянуть еще виды реки Данхэ, окрестностей озера Каранор, перевала Урунхайши («Мы перешли этот перевал на абсолютной высоте 13 540 футов», — пояснял Роборовский), долины Сыртын со снежным хребтом Анембар-ула.

Всеволод Иванович Роборовский не мог больше участвовать в исследовательских работах. Экспедиция 1893—1895 годов была последней в его жизни.

*В. И. Роборовский. Люкчун. Пруд на каризе.
(Экспедиция 1893—1895 годов).*

Неизменно включал фотографию в план своих путешествий известный исследователь Азии Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло.

Грумм-Гржимайло был большим любителем фотографии, он свободно и легко владел ее техникой. В его трудах фотографирование неразрывно связывалось с описанием посещенных экспедицией местностей, быта народов, с исследованиями геологическими, ботаническими и этнографическими.

Еще до экспедиций в Центральную Азию, во время поездки по Туркестану, Г. Е. Грумм-Гржимайло пристрастился к походной фотографии. Его коллекция туркестанских снимков отличалась художественностью исполнения. Эта черта характеризует и дальнейшую его работу как фотографа.

В плане первой своей экспедиции (1887 год) на Памир Грумм-Гржимайло предусмотрел фотографирование малоизученных местностей Центральной Азии. П. П. Семенов-Тянь-Шанский сообщал Совету Русского Географического общества о плане исследователя: в путешествии, — сказал он, — «предположено сделать фотографические сним-

ки со всех сколько-нибудь характерных ландшафтов или местностей, интересных в геологическом отношении, а также снимки этнографического и антропологического содержания» *.

«Заведывание фотографическими работами» возлагалось на спутника Григория Ефимовича, его брата Михаила Ефимовича. Однако как в этой, так и в следующей экспедиции много и плодотворно фотографировал Григорий Ефимович.

Начало экспедиции 1887 года ознаменовалось крупным успехом путешественников. Они открыли неизвестную группу ледников. Один из этих ледников они прошли, а два других — значительно больших размеров — были сняты на планшет и обстоятельно сфотографированы. Грумм-Гржимайло не удалось, однако, углубиться в Центральную Азию. На реке Ак-су их нагнал китайский патруль, передавший распоряжение русского консула в Кашгаре возвратиться на родину. На обратном пути к городу Или путешественники продолжали исследования, сбор коллекций и фотографирование. Всего было произведено сто пятьдесят этнографических и ландшафтных снимков.

Следующее путешествие — в Западный Китай — состоялось спустя два года. В разработке маршрута и в подготовке экспедиции исследователю помогли многие деятели географии, в том числе и путешественник-фотограф А. И. Скасси.

Экспедиция обогатила географическую науку ценнейшими открытиями, в частности горной области Бэй-шань, исследования которой опровергли господствовавшее представление о существовании в третичную эпоху на просторах Центральной Азии большого средиземного моря. Открытая путешественником Турфанская впадина стала объектом исследования других ученых, ее посетил и фотографировал В. И. Роборовский.

Братья Грумм-Гржимайло — первые путешественники-европейцы, посетившие «Священную гору» — Богдо-ола восточнее города Урумчи.

Открытые местности и неисследованные ландшафты были запечатлены на снимках, выполненных мастерски и составивших одну из лучших русских географических фотоколлекций.

* «Известия РГО», т. 23, 1887, вып. 3, стр. 370.

Г. Е. Грумм-Гржимайло был географом в самом широком смысле слова. Он давал и всестороннее описание посещенных стран, касался и вопросов геологии, почвоведения, проводил метеорологические наблюдения, исследовал растительный покров и животный мир. Внимательно изучал он жизнь народов, собирал этнографический материал.

Эта широта интересов нашла отражение и в фотографической работе путешественника.

Вот примеры ландшафтных снимков.

«Долина реки Бабо-хэ». В снимке отлично показан характер гор, окаймляющих долину, и первый крупный план удачно сочетается с далью, что выразительно передает масштаб, пространство.

«Вершина Богдо-ола». Впервые стал достоянием фотографии этот редкий ландшафт. В снимке тщательно проработаны и темные склоны, и светлые снеговые пики трехглавой горы. «Колоссальный Богдо... кажется гигантской трапедией — престолом, прикрытым серебристым покровом», — писал Грумм-Гржимайло о впечатлении, производимом этой горой *.

Спустившись с Богдо-ола, путешественники проделали экскурсию в Центральную Джунгарию. Они решили поохотиться на дикую лошадь Пржевальского. Разумеется, был взят фотоаппарат. Охота прошла успешно, но сфотографировать животных даже в отдалении не удалось. Удовольствовались только снимком: охотники у убитой лошади.

На пути из Джунгарии в Турфанскую область Грумм-Гржимайло произвел интересные для геологов снимки выветривающегося песчаника.

Удачно дополняли описания ущелья Люкчунской реки снимки глинистых цветных песчаников: «...местами стены его сложены из пестрых, вероятно юрских, глинистых песчаников — бурых, красно-бурых и голубых, которые, чередуясь между собой, образуют необыкновенно красивые ленты», — пояснял путешественник содержание своих снимков *.

Братья Грумм-Гржимайло фотографировали и флору исследуемых местностей; некоторые растения они снимали

* Г. Е. Грумм-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай. СПб., 1896—1899, т. 1, стр. 285.

крупным планом. Фотографировали в пути интересные строения и достопримечательности, особенно в Турфанской области, где на каждом шагу встречались остатки древней культуры народов Центральной Азии: полуразвалившиеся крепостные стены городов, каналы, стены храмов и зданий.

На реке Гаиб путешественники изучили и сфотографировали интересные развалины древнего Уйгурского монастыря и другие памятники древности.

Фотоаппарат всегда был при исследователях. И когда однажды, отправившись в экскурсию для изучения развалин города Ассашар, Г. Е. Грумм-Гржимайло не захватил аппарата, он отметил это как промах. Пришлось делать зарисовки.

Фотографии убедительно дополнили описание любопытного китайского военного укрепления Цзя-юй-гуань у Великой Китайской стены.

«Сероватое небо, серые горы, серая почва и серые стены... как все это выглядело красиво в своем сочетании! Как изящны были эти деревянные башни, венчавшие высокую стену Цзя-юй-гуаня! Во всем пройденном нами Китае мы не встречали стен выше и массивнее этих. Но, подъезжая к ним, невольно спрашиваешь себя: к чему они?»

Путешественник. отмечает бесцельность подобных укреплений в эпоху дальнобойных орудий. Крепость поддерживалась в порядке.

Казалось, путешественники попали в окружение эпохи «существования лучного боя и фитильного гладкоствольного ружья».

В Юньане Грумм-Гржимайло пополнил серию снимков типами солдат с примитивными ружьями на подставках.

Здесь же путешественник сфотографировал церемонию встречи их почетным эскортом, посланным китайскими властями.

«...Почетный эскорт вдруг окружил нас волной знамен и людей в каких-то фантастических костюмах...» — вспоминал Григорий Ефимович этот день, сопровождая свой рассказ отличными снимками *.

* Г. Е. Грумм-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай. СПб., 1896—1899, т. 2, стр. 306.

В Сучжоу было сфотографировано театральное представление труппы китайских артистов. Эти снимки Грумм-Гржимайло много раз печатались в журналах и книгах.

С большим умением Грумм-Гржимайло фотографировал «типы населения» — дунган, китайцев, тангутов.

Собрание фотографий Грумм-Гржимайло составило ценную научно иллюстративную коллекцию. Было изготовлено несколько десятков диапозитивов, которыми он сопровождал свои сообщения.

Исключительный интерес вызвал его доклад на экстренном общем собрании Географического общества 13 марта 1891 года. В большом зале городской думы собралось около шестисот человек. Такого многочисленного собрания не было со времени Пржевальского. И этот доклад, как сообщалось в отчетах, сопровождался «туманными картинками». В тот же день в конференц-зале Академии наук была открыта выставка богатых коллекций экспедиции.

В течение всей своей многообразной деятельности энергичный и талантливый географ, немало потрудившийся и на благо советской науки, внимательно относился к фотографии.

Плодотворно применял фотографию в своем знаменитом путешествии 1892—1894 годов по Китаю и Центральной Азии ныне здравствующий академик Владимир Афанасьевич Обручев.

И в ранних экспедициях и в последующей исследовательской деятельности фотоаппарат верно служил ученому-путешественнику.

Два тома труда В. А. Обручева «Центральная Азия, Северный Китай и Нань-шань», вышедшие в Петербурге в 1900 и 1901 годах, могут служить прекрасным примером научного издания, иллюстрированного фотографиями автора-путешественника. Несколько десятков фототипически воспроизведенных снимков наглядно, убедительно, образно дополняют описания ландшафтов и геологические наблюдения исследователя.

Во вступлении к своему труду В. А. Обручев подробно рассказывает о фотографическом снаряжении, дает много советов будущим путешественникам-фотографам.

Путь Обручева начался в Кяхте, откуда уже отправлялись в путешествия Пржевальский и Потанин. Здесь ему

оказал немалую помощь известный забайкальский фотограф Н. А. Чарушин.

Маршрут путешественника захватывал Восточную Монголию, несколько китайских провинций, затем продолжался по Ордосу, Ала-шаню и Восточному Нань-шаню.

Фотографировал В. А. Обручев вначале аппаратом, взятым на время в Иркутске. В Пекине он дождался аппарата с принадлежностями, высланного морским путем из Петербурга Русским Географическим обществом.

Не все прошло гладко с фотографированием. Часть пленок, купленных в Пекине, оказалась невысокого качества. Многие негативы вышли передержанными. Партия очень ценных пленочных снимков совсем погибла. Однако серия удавшихся снимков вполне оправдала труд путешественника. Иллюстрации оказались полезнейшим пособием в работе над книгой.

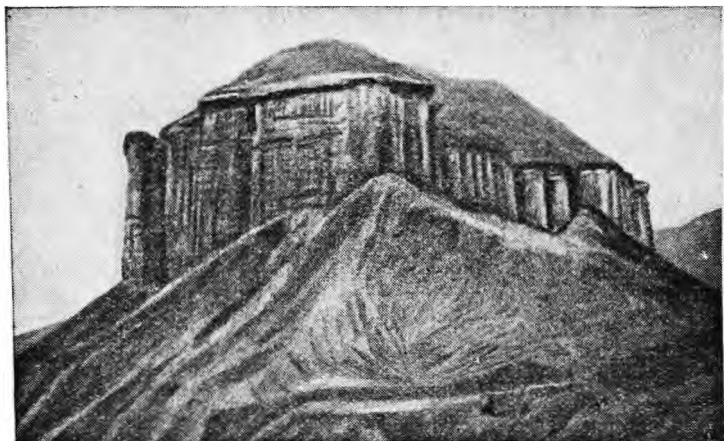
Геолога интересовали преимущественно горные ландшафты. Отлично получились снимки гранитных и порфировых гор, отдельно стоящих утесов и скалистых кражей, обрывов песчаников. Путешественник выискивал и фотографировал встречавшиеся на пути овраги, оползни, обнажения горных пород. Снимал он снеговые пики и покрытые растительностью горы.

Много внимания уделил В. А. Обручев фотографированию лёссовых склонов. К редким снимкам, привезенным из этого путешествия, можно отнести вид террасированных склонов в лёссовом плато Восточного Ганьсу. К северо-западу от Ланьчжоу удалось снять затейливой формы замкоподобную гору из гобийских отложений, покрытых лёссом.

Книга В. А. Обручева была первой, в которой фотография столь неразрывно связывалась с геологическими описаниями местностей Центральной Азии.

В последующих своих полевых исследованиях, в путешествиях и при обработке научных трудов В. А. Обручев всегда стремился к фотографическому документированию наблюдений. И ныне маститый ученый заботливо относится к иллюстрированию фотографиями трудов по географии и геологии.

Интересна по размаху работ и по выдающимся научным результатам экспедиция Академии наук, снаряженная для археологических исследований бассейна реки Орхон в Монголии.

*В. А. Обручев. Замкоподобная гора из гобийских отложений,
покрытых лёссом.
(Экспедиция 1892—1894 годов).*

Известный исследователь Николай Михайлович Ядринцев в 1889 году в нескольких десятках километров от Кяхты, на территории Монголии, открыл развалины древнего города Каракорума. То была столица монгольских ханов XIII века.

В бассейне реки Орхон исследователь обнаружил памятники с надписями на одном из древнетюркских и на китайском языках. Надпись относилась к VIII веку. Открытие центра древней культуры вблизи русских границ вызвало живейший отклик в научном мире. В 1891 году под руководством знатока тюркских языков академика В. В. Радлова, с участием Ядринцева, в Монголию была отправлена большая, хорошо снаряженная экспедиция. В программу ее входило составление карты местностей, производство раскопок, составление планов развалин, съемка «рисунков и фотографий с древних городов, строений и памятников», изготовление «точных снимков всех надписей» *.

Фотография была принята как основной метод документации открытий. Владело техникой фотографирования несколько сотрудников экспедиции. По совету участника

* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М.—Л., 1940, стр. 251—252.

исследований Д. А. Клеменца и фотографа-краеведа Н. А. Чарушина, в качестве художника и фотографа был включен в состав экспедиции С. М. Дудин.

Дудин был учеником Чарушина. Высланный за участие в революционном движении с юга России в Забайкалье, молодой человек поселился в Селенгинске. Чарушин взял его в свою фотографию. Имея незаурядные способности к рисованию и живописи, Дудин быстро освоился с фотографией. В экспедиции Радлова он оказался ценным сотрудником, произвел множество снимков и зарисовок. Успешная работа в экспедиции помогла ему впоследствии поступить в Академию художеств. Участвовал в Орхонской экспедиции и другой ученик Чарушина — Федоров.

Сотни снимков, произведенных в экспедиции, позволили создать коллекцию документов, точнейшим образом воспроизводившую и местности, и развалины, и древние памятники с надписями.

Фотографий в альбомах-атласах экспедиции было воспроизведено немного. «Привезенные нами фотографии, — писал В. В. Радлов, — по большей части не могли быть прямо утилизированы для Атласа отчасти потому, что негативы дорогой сильно пострадали, отчасти же потому, что однообразный колорит монгольского ландшафта и неопределенный рисунок развалин не позволили разнообразить построение снимков» *.

Большую работу проделал Дудин: по фотографиям и эскизам, исполненным на месте, он изготовил массу документально точных рисунков, которые и были помещены в альбомах. Несколько фотографий были использованы без перерисовки, например ворота Великой Китайской стены, большие каменные изображения черепахи, стоявшие около Каракорума.

Снимки воспроизводили множество надписей и трудно объяснимых знаков на скалах и на могильных памятниках. Они знакомили с сохранившимися стенами зданий, с планировкой строений, с лестницами и скульптурными украшениями некогда цветущего города — арены многих исторических событий из жизни кочевых народов Центральной Азии.

Коллекции Орхонской экспедиции изучались много лет. Впоследствии был найден и ключ к разбору древних

* «Труды Орхонской экспедиции». СПб., 1901, вып. 1. Предисловие.

*Из альбома орхонской экспедиции В. В. Радлова.
Ворота Великой Китайской стены в Монголии.
(1891 год).*

надписей, раскрытие которых дало ценные материалы для истории азиатских народов.

Набор фотографических снимков был послан китайскому правительству. Произошел небывалый до той поры случай: фотографии памятников с надписями произвели сильное впечатление на китайских ученых. Ревниво оберегавшие тайны своей науки, китайские знатоки древностей были так поражены документами, что дали восторженный отзыв о коллекции и благодарили за дар. Они извещали о готовности вступить в сношения с учеными России.

В истории применения фотографии к путешествиям ярким событием был труд исследователя Тибета Г. Ц. Цыбикова.

Воспитанник восточного факультета Петербургского университета, уроженец Забайкалья, бурят Цыбиков по поручению Русского Географического общества в 1899 году направился в Лхасу. Исследователь владел техникой фотографии и создал ценнейшую коллекцию снимков с неизвестных и почти не виданных европейскими учеными местностей и архитектурных памятников Тибета.

Двадцатишестилетний ученый Гонбочжаб Цэбекович Цыбиков оделся бурятским ламой-паломником и с партией монголов, приехавших в Ургу продавать рис и просо, в конце ноября 1899 года отправился в далекий путь. Караван верблюдов долго тянулся по пустыне, прошел Алашань и достиг буддийского монастыря Гумбум, расположенного восточнее Кукунора, где не раз уже бывали русские экспедиции. Затем Цыбиков направился с партией паломников в Лхасу, посетив по дороге другой город-монастырь — Лавран.

Тибетцам были известны происки англичан, старавшихся окончательно отторгнуть Тибет от Китая, чтобы захватить тибетские земли, подобно тому, как были уже захвачены Индия и другие страны Азии. Это вызывало в Тибете недружелюбие к европейцам. Английские империалисты всеми способами оказывали давление на тибетских правителей, с уважением относившихся к русским путешественникам. Английским дипломатам удалось добиться того, что не был допущен в Центральный Тибет русский исследователь Пржевальский, позже — Козлов.

С большой предосторожностью Цыбикову приходилось делать даже путевые заметки. О фотографировании в пути и думать было нельзя!

«Пускаясь в путешествие как простой бурят-паломник, я должен был особенно считаться с предубеждением местного населения, — писал Цыбиков. — Поэтому нечего было и думать о собирании каких-либо естественно-научных коллекций, съемке местностей, ведении правильных наблюдений и т. п. Взятый с собою фотографический аппарат и термометр Реомюра пришлось держать под замком в сундуке вплоть до Лхасы» *.

Не так-то легко оказалось даже буряту-паломнику попасть в столицу Тибета! В караване, к которому примкнул он, были почти исключительно амдоские и монгольские ламы. К буряту относились с подозрением.

Но вот и Лхаса! С первого же дня стало ясно, как трудно будет провести исследования и наблюдения.

Цыбиков твердо решил выполнить поручение Русского Географического общества. Он вел наблюдения, делал подробные записи, фотографировал...

* Г. Ц. Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета. П., 1919.

Из альбома орхонской экспедиции В. В. Радлова.

Каменное изваяние черепахи у развалин древнего города Каракорума.
(1891 год).

В сентябре 1901 года молодой ученый отправился в обратный путь, на родину. Он вез с собой подробный дневник, триста томов различных тибетских сочинений и несколько десятков заснятых пластинок.

«Результаты этого путешествия самым удовлетворительным образом заполняют пробелы в знакомстве с Тибетом», — сообщал как важнейшее известие Совету Географического общества известный востоковед С. Ф. Ольденбург, ознакомившийся с итогами путешествия. — «Цыбиков привез серию превосходных фотографий, ценный отчет и чрезвычайно умело подобранное собрание ценных тибетских книг», — отметил Ольденбург*.

В мае 1903 года с успехом прошел содержательный доклад Цыбикова, сопровождавшийся хорошо выполненными диапозитивами.

Опубликованные фотографии были встречены с большим интересом. То были, по свидетельству Ольденбурга, первые фотографии, когда-либо снятые в Лхасе. Цыбиков

* «Известия РГО», т. 39, 1903, стр. 683.

дал подробный научный очерк этнографии населения Тибета, но, разумеется, этнографических снимков, которые знакомили бы с жизнью и бытом тибетцев, Цыбиков исполнить не мог.

Путешественник сумел, однако, снять даже улицы Лхасы с процессией в день праздника. Судя по снимку, фотографировал Цыбиков, очевидно, из окна какого-то здания. Мы видим празднично наряженную толпу, в которой преобладает тибетское духовенство, видим зонты и прочие украшения церемонии; снял Цыбиков также группу женщин в праздничных нарядах. Как бы то ни было, фотография впервые отразила картину праздничного дня тибетской столицы.

Представлены в коллекции Цыбикова архитектурные памятники и значительнейшие здания Лхасы и других городов Тибета, где он побывал.

Были сфотографированы Потала — дворец далай-ламы и окрестности этого громаднейшего здания, господствующего над Лхасой. Потала занимает склон скалистой горы, дворец больше четырехсот метров в длину и состоит почти из тысячи комнат.

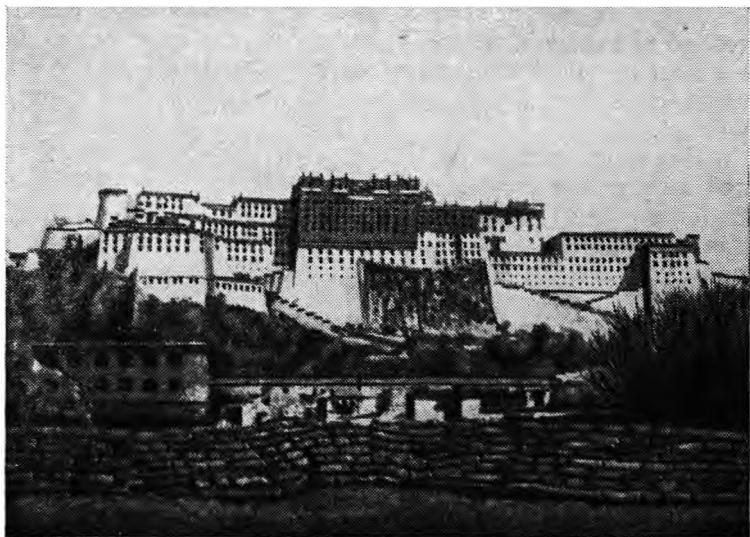
Фотографировал Цыбиков также развалины крепостей, дороги, ландшафты. Снимки иллюстрировали дневники Цыбикова, изданные в Петрограде в 1919 году.

В истории русских путешествий по Центральной Азии, Тибету и Монголии ярчайшие открытия связаны с именем талантливого ученика и последователя Пржевальского — Петра Кузьмича Козлова.

Козлов выступал одновременно географом и этнографом, натуралистом и археологом. Он привозил с собой из экспедиций обширные сведения о странах Центральной Азии, с каждой экспедицией обогащая открытиями русскую географическую науку.

В начале своей деятельности П. К. Козлов участвовал в экспедициях Пржевальского, Певцова, Роборовского. Затем он совершил несколько самостоятельных экспедиций и поездок в Центральную Азию и Монголию. В путешествиях он брал на себя, кроме выполнения главных исследовательских обязанностей, и труд фотографа.

Козлов был не просто любителем фотографии. Он отлично владел техникой съемки и обработки снимков. В его руках перебивало много аппаратов — от камер большого размера до портативных. Фотографию он считал само

Г. Ц. Цыбилов. Потала — дворец далай-ламы в Лхасе.
(1900 год).

собою разумеющейся, необходимой частью экспедиционных работ. Путешественник брал с собой походную лабораторию и часто проявлял пластинки и печатал снимки на бивуаках.

В 1899 году П. К. Козлов отправился в трехлетнюю экспедицию в Монголию и Кам. Фотографическими работами, как всегда, занимался сам Козлов.

«Для фотографирования имелось три камеры, — сообщал Козлов в отчете, — одна стативная на 13×18 сантиметров и две ручных с магазинами для 12 и для 18 стекол в $6,5 \times 9$ сантиметров с 20 дюжинами пластинок к ним. Было взято и некоторое количество материалов для проявления и закрепления негативов на месте. Фотографическое снаряжение завершалось маленькой светонепроницаемой палаточкой из черной материи с складным красным фонарем, при свете которого заряжались и разряжались кассеты и магазины и упаковывались экспонированные пластинки» *.

* П. К. Козлов. Монголия и Кам, т. I, ч. 1, СПб., 1905, стр. 4—5.

Достаточно бегло ознакомиться хотя бы с той, относительно небольшой, частью фотографий, что воспроизведена в отчете путешественника об экспедиции, чтобы убедиться, сколь свободно и уверенно владел техникой фотосъемки ученых.

Начав путешествие с Русского Алтая, Козлов запечатлел интересные горные и речные ландшафты. Сравнивая фотографии путешественника с видами Алтая, снятыми двадцать лет до него Полторацкой, можно наглядно увидеть, каких успехов достигла за это время русская фотография.

Когда горные картины сменились видами пустыни Гоби, иной путешественник упаковал бы фотоаппарат: что увидит здесь объектив в этом царстве сыпучих барханов! Козлов сумел, однако, и здесь произвести ценные снимки. Он искусно строит кадр, используя чуть заметные полутени, и на фотографиях отчетливо передается рябь песков, даль, перспектива. Чувствуется движение песков, будто погребаяющих остатки чахлой растительности пустыни. Козлов не раз фотографировал пески. Он умел подметить суровую красоту в пустынных ландшафтах:

«Иногда пески тянутся длинными змееобразными грядами, с резко выраженными гребнями, поднимающимися до пятидесяти-семидесяти или даже до ста футов. С вершин подобных барханов песчаное море представляется замечательно красивым. Местами яркожелтые волны, словно в настоящем море, располагаются одна за другой в строгом порядке, местами, наоборот, несколько волн группируются вместе и поднимаются одна на другую, причем в конце концов образуются характерные бреши или воронкообразные углубления».

Сопровождаемое отлично выполненными снимками, это точное и вместе с тем образное описание дает ясное представление о характере ландшафта.

Панорамы пустыни сменяются видами оазисов, за ними следуют фотографии городов и монастырей.

Выдающийся по исполнению снимок «Гора Шахэр» на правом берегу Тэтунга. Средняя часть горы скрыта на снимке большим облаком.

К выразительным горным ландшафтам надо отнести снимки: «Скалы Ниэрчи», «Ущелье Бар-чю» (у Нанчинского хребта в Восточном Тибете), «Ущелье на северном склоне хребта Русского Географического общества»,

*П. К. Козлов. Караван в песках Восточного Нань-шаня.
(Экспедиция 1899—1901 годов).*

Приводя снимки, Козлов — исследователь и художник — делится с читателем чувством, которым он был охвачен при виде открывающейся перед ним картины природы:

«Долго я стоял на перевале и не мог налюбоваться этим ущельем, гармонически сочетавшим в себе отвесные каменные кручи, густые леса ели и древовидного можжевельника и темную извилистую речку, положительно тонувшую среди причудливо нависших над нею гигантских скал и цеплявшихся по ним хвойных зарослей».

Козлов фотографировал и местности, которые он несколько лет назад посетил вместе со своим учителем Н. М. Пржевальским. Таков снимок «Конвой экспедиции за трапезой на берегу реки Тэтунга в Чортентане». Пояснение этого снимка Козлов сопровождает значительным отступлением:

«...Сколько лучших воспоминаний вновь пробудил во мне Тэтунг. На этих самых берегах я впервые понял высокую прелесть путешествия по Центральной Азии; на этих самых берегах я прислушивался к заманчивым рассказам моего незабвенного учителя о Каме... Теперь я вновь на этих берегах, еще более чарующих меня обаятельной лаской природы и отрадно воскрешающих во мне на месте живой образ ее первого исследователя».

Козлову удавалось иногда сфотографировать сценки из быта населения. Таковы моментальные снимки, сделанные незаметно во время остановки в хошуне дунзасцев у речки Дэн-чу. Таковы, как теперь принято говорить, репортажные снимки учения военного отряда в Восточном Тибете. Козлов снял атаку всадников, скачки со стрельбой (из кремневых ружей!) и джигитовку.

Выдающимися открытиями ознаменована следующая экспедиция Козлова в нагорную Азию — Монголию и Амдо в 1907—1909 годах. Фотография оказала тогда путешественнику неоценимую помощь.

Русский исследователь Азии открыл столицу народа си-ся, расцвет жизнедеятельности которого относится к XI—XIV векам.

Лишь смутные сведения были у ученых о погребенном в песках пустыни Гоби мертвом городе Хара-хото. Местные ламы и феодалы — правители Центральной Азии — тщательно скрывали от путешественников, даже отрицали существование развалин этого якобы мифического города. Отважный русский исследователь и его спутники нашли путь к месту, где должна была, по их расчетам, стоять некогда столица народа си-ся.

Козлов в пути запечатлял фотоаппаратом новые и новые признаки некогда населенной местности. Высокие субурганы — надмогильные памятники, будто посланцы из мира мертвых, предстали перед путниками; все чаще попадались черепки битой посуды.

«По мере приближения к заветной цели волнение наше все увеличивалось, все росло..., — вспоминал Козлов эти дни и часы. — Вот, наконец, показался и самый город Хара-хото, расположенный на низкой террасе из грубозернистых, твердых ханхайских песчаников; над северо-западным углом крепости возвышался главный шпицеобразный субурган, из ряда меньших, соседних, устроенных также на стене, и рядом со стеною, вне крепости...» *.

Путешественник сфотографировал представший перед ним город с северо-запада.

Караван идет дальше. Город заслонился высокими песчаными буграми.

«...Но вот мы поднялись на террасу, и нашим глазам

* П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото, М.—П., 1923, стр. 103—104.

представился Хара-хото во всей внешней прелести», — пишет Козлов. И с этой точки, с запада-юго-запада был также произведен очень выразительный снимок с разрушенным зданием, похожим на мечеть, на первом плане.

Еще несколько минут — и путешественники вошли в мертвый город, в западные его ворота...

Открытие Хара-хото имело мировое значение для науки. Козлов дважды за время этой экспедиции побывал здесь и производил раскопки. Наука обогатилась древними скульптурными изображениями, книгами, письменами, денежными знаками, образцами предметов буддийского культа и другими ценностями.

Развалины города были со всех сторон сфотографированы. Это оказалось тем более важно, что по проторенному русским исследователем пути к Хара-хото потянулись экспедиции из других стран. И Козлов, побывавший здесь несколькими годами позже, увидел лишь следы разрушений.

В экспедицию 1907—1909 годов Козлов со своими спутниками долгое время провел в оазисе Дынь-юань-ин и особенно в Гуйдуге; там экспедиция зимовала. Участники экспедиции проводили научные наблюдения, собирали коллекции. Козлов обрабатывал дневники, готовил материал для отчета, сортировал коллекции, собранные в Хара-хото. И, как он отмечал в своей книге, «в свободное время занимался фотографией, тщательно изучая аппарат и самостоятельно проявляя снимки». Козлов здесь и печатал снимки.

Пребывание в оазисах, богатых растительностью, дало возможность Козлову сделать несколько великолепных ландшафтных фотографий, лучшие из них могли соперничать с пейзажами виднейших фотографов-художников. Таков, например, общий вид оазиса Гуйдуй, с живописным деревом на первом плане и развернувшейся вдали характерной картиной местности.

Интересна серия видов хребта Ала-шань; в снимках много света, солнца, хорошо переданы тонами краски природы.

Козлов с увлечением работал в своей походной фотолaborатории.

«...Ланьчжоуские снимки..., — записал он как-то в дневнике, — и многочисленные виды, а также новые работы, как, например, оригинальное изображение барун-

сунайской монголки в национальном костюме, — удались прекрасно, и проявление этих пластинок доставляло одно только удовольствие».

Русский исследователь в глубине Центральной Азии пользовался большим авторитетом. Его обстоятельные знания земель и народов удивляли местных знатоков Китая и Монголии. С какими только вопросами не обращались к Козлову! Приходилось ему давать советы и местным фотолюбителям.

Петру Кузьмичу Козлову пришлось выступить в роли наставника по искусству фотографии при дворе самого далай-ламы!

Путешественник встречался с далай-ламой дважды. Первый раз в Урге. Далай-лама оказался в этом городе, недалеко от русской границы, в результате следующих событий.

За год до того, в 1904 году, английские империалисты, давно зарившиеся на китайские владения в Центральной Азии, направили из Британской Индии в Тибет большой военный отряд. Английские захватчики не посчитались с протестами тибетского правительства и, применив грубую силу, оккупировали значительную территорию Тибета и вторглись в его столицу — Лхасу. Духовный и светский глава Тибета вынужден был покинуть страну и выехал в Монголию.

Два летних месяца 1905 года Козлов виделся с далай-ламой в Урге (ныне Улан-Батор). Между русским путешественником и главой тибетцев завязались добрые отношения. Далай-лама проникся еще большим уважением к России и в русском ученом-гуманисте, исследователе, видел испытанного друга народов Центральной Азии. Далай-лама, между прочим, еще в Урге дивился искусству Козлова, достигнутому в фотографии.

Следующая встреча Козлова с далай-ламой состоялась через несколько лет в буддийском монастыре Гумбуме. Тибетский правитель возвращался в Лхасу, а Козлов совершал свое путешествие, озаглавленное открытием Хара-хото.

Почти ежедневно и подолгу виделся Козлов с далай-ламой, беседуя на разнообразные темы, о политических событиях мира, о научных новостях. Бывая у далай-ламы, Козлов заметил в одной из комнат семь фотоаппаратов. Оказывается, после встречи с ним в Урге, далай-лама вме-

нил в обязанность своему личному секретарю Намгану обучиться фотографии. Дела у того шли, очевидно, неважно, и правитель Тибета решил воспользоваться любезностью русского гостя.

«Далай-лама очень интересовался фотографией вообще и просил меня обучить Намгана разным фотографическим приемам: снимкам, проявлению и печатанию, равно уметь обращаться со всякими большими и малыми, простыми и сложными аппаратами, — вспоминал Козлов впоследствии. — Несколько дней мы усердно занимались фотографией как практически, так и теоретически... Нашей общей работы снимки представлялись самому далай-ламе...» *.

Этот интересный штрих из деятельности П. К. Козлова дополняет характеристику занятий и трудов русского исследователя в Центральной Азии.

Монгольско-Сычуанская экспедиция Козлова прошла блестяще. Еще с пути ее начальник прислал несколько ценных и увлекательно составленных писем-отчетов. Эти письма неизменно сопровождались его снимками, которые тотчас же публиковались.

По возвращении из путешествия П. К. Козлов делал доклады, иллюстрируемые превосходными диапозитивами. Посетители этих вечеров знакомились по диапозитивам с местами, посещенными русскими исследователями, и с мертвым городом Хара-хото.

Козлов как путешественник-фотограф поделился своим опытом и на заседании Русского фотографического общества. Значительная часть его снимков из этой экспедиции была помещена в книге «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото», выпущенной в 1923 году.

Выдающийся деятель русской географической науки П. К. Козлов плодотворно трудился после Великой Октябрьской социалистической революции. По поручению Государственного Русского Географического общества в 1923—1926 годах он совершил новую монголо-тибетскую экспедицию. Это путешествие обогатило отечественную науку материалами для изучения Центральной Азии и возрожденной ныне к цветущей жизни Монголии — Монгольской Народной Республики.

На одном из притоков верхнего течения Орхона Козлов

* П. К. Козлов. Тибет и Далай-лама, П., 1920, стр. 84.

открыл водопад. В горах Бичиктэ-дулан-хада были сфотографированы надписи на скалах, являющиеся ценнейшим памятником монгольской старины. В горах Хангая экспедиция открыла развалины китайского города Шюа-уй-чжэн.

Попрежнему фотографии отводилась видная роль. В отчете экспедиции говорилось, что ее начальником было снято «до 300 с лишком фотографических пластинок, с наиболее характерных из которых изготовлено 150 диапозитивов» *.

До конца своих дней Петр Кузьмич Козлов интересовался фотографией в приложении ее к географической науке. Наставник молодых советских исследователей, он передавал им и любовь к фотографии.

* *
*

В мировом землеведении имена русских исследователей Центральной Азии занимают почетное место. Русскими путешественниками были нанесены на карту огромные пространства, описана их природа; по-новому были освещены происхождение, жизнь многих народов, населяющих азиатские земли. В их книгах даны проникновенные очерки, воссоздающие облик разноплеменного населения Центральной Азии.

В отличие от многих путешественников из других стран Европы и Америки, относившихся и относящихся часто с высокомерием, пренебрежительно и грубо к жителям посещаемых ими местностей, русские исследователи приходили в Центральную Азию с неизменным дружелюбием.

Н. М. Пржевальский в 1878 году писал: «русское имя в самой глубине Азии пользуется симпатиею». Эту симпатию чувствовали и русские путешественники-фотографы. Им приходилось подчас разбивать чудовищное представление о фотографах, распространенное когда-то в Азии. Например, был пущен слух, что «заморские люди, приносящие зло», — речь шла о западноевропейских миссионерах, преимущественно католиках, — «для снятия фотографии» вливают в аппарат жидкость из человеческих глаз! Фотографы-иностранцы якобы похищают детей и вы-

* П. К. Козлов. Северная Монголия, Л., 1928.

калывают им глаза. В этом уверял Пржевальского в 1871 году один из князей Ала-шаня.

С таким предубеждением встречались русские фотографы и позже, в восьмидесятых и даже девяностых годах. Сколько нужно было проявить выдержки, такта, доброй воли, чтобы расположить к себе людей, оказывающихся перед фотоаппаратом где-нибудь в пустыне Гоби или у Кукунора!

Русские путешественники умели расположить к себе население. Они отмечали в своих книгах любознательность местных жителей. Китайские и монгольские феодалы, всемогущая ламаистская знать держали народ в невежестве. Князья и монастыри безраздельно владели землями, пастищами, скотом. Голод, нищета, болезни, медленное вымирание были уделом народов Центральной Азии. Самоходки — выходцы из народа — скульпторы и резчики, художники и искусные ремесленники оказывались в стенах монастырей; они работали на ламаистскую церковь, на феодалов.

Русские путешественники — представители передовой науки — своими исследованиями обращали внимание всего цивилизованного мира на мало изученные страны и народы Азии. Они смотрели на свой труд как на самоотверженное служение прогрессу. В дневниках и отчетах они выражали надежду на изменение в будущем судеб народов Центральной Азии.

Прошло несколько десятилетий — ничтожно мало в многотысячелетней истории Центральной Азии. И путешественник наших дней, обозревая земли Монголии, видит новую страну. Трудно представить, что еще так недавно здесь царили рабство и нищета. Осуществились казавшиеся несбыточными надежды русских путешественников, робко высказывавшихся о том, что будет внесен свет на земли народов Центральной Азии.

Великая Октябрьская социалистическая революция, по словам товарища Сталина, «разбила вековую спячку трудовых масс угнетенных народов Востока...» *. Она дала мощный толчок революционному движению трудящихся Монголии.

Победоносная народная революция помогла обрести национальную независимость и свободу монгольскому

* И. В. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 164.

народу. Хозяин своей страны, монгольский народ, благодаря бескорыстной помощи Советского Союза достиг знаменательных успехов в государственном, хозяйственном и культурном строительстве.

Меняется и ландшафт страны. Шахты, фабрики, шоссе и железные дороги, аратские хозяйства преобразуют облик страны. И это новое в географии Монгольской Народной Республики каждодневно запечатляется монгольскими и советскими фотографами и кинооператорами.

Изменяется облик и других стран Центральной Азии. Провинции, испещренные маршрутами русских путешественников, ныне объединены властью народно-демократического Китая и приобщаются к передовой культуре. Могучий китайский народ повседневно чувствует помощь великого друга — народа Советской страны.

Воссоединен с великой родной страной Тибет, служивший краем вождельных надежд империалистов Англии и затем Америки.

Перед народами Центральной Азии раскрываются пути к быстрому и всестороннему хозяйственному и культурному развитию.

В многочисленных фотоиллюстрациях, на экранах кинотеатров, в трудах ученых мы видим меняющийся облик земель и народов Центральной Азии.

Историческое значение трудов русских исследователей Центральной Азии и Монголии огромно. В этот труд внесла свои дары и фотография. Сотни снимков русских путешественников ныне принадлежат истории. Русская фотография в Азии верно послужила передовой географической науке.

ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

На карте нашей Родины мы видим четкие очертания северных границ материка, арктических островов и архипелагов. Творческими усилиями советских исследователей стерты последние «белые пятна» с карты Севера и Арктики.

О любом пункте Заполярья не раз рассказывалось в трудах географов, в литературных очерках и путевых дневниках исследователей. Местности Севера и Арктики мы видели на экране кинотеатров, на многочисленных фотографических иллюстрациях в газетах, журналах, альбомах и учебниках.

Заполярные виды и ландшафты Арктики фотографировались участниками различных советских экспедиций. Помнятся десятки снимков, познакомивших нас с подвигом челюскинцев; много фотографировали участники знаменитого дрейфа лагеря-станции «Северный полюс». Мы знаем арктические ландшафты, снятые из кабин самолетов и с борта ледоколов. Заполярье теперь — это обжитая советскими людьми земля.

А еще полвека назад и географы смутно представляли картины далекого Севера, его ледовые просторы, флору и фауну Заполярья. Лишь по литературным описаниям и недостоверным рисункам можно было тогда воссоздать зрительные образы сурового Севера.

Фотография позволяла увидеть волнующие воображение ландшафты.

Одиночки-фотографы не решались на поездки в пустынные места. Не было возможности одному или вдвоем

с помощником противоборствовать силам стихий. К тому же при мокроколлодионном способе фотографирования недоступным по тяжести своей было и снаряжение для путешествий на Север. Только архангельские любители фотографии совершали изредка экскурсии в тундру, в леса и на Белое море.

Экспедиция инженера Лопатина в Туруханский край в шестидесятых годах XIX века была первой научной экспедицией, сопровождаемой фотографом. Но только в восьмидесятых годах, с появлением бромжелатиновых сухих пластинок, фотография стала последовательно применяться в полярных экспедициях.

Одним из первых ученых — полярных фотографов — был зоолог и врач Александр Александрович Бунге.

1882—1883 год был объявлен первым международным полярным годом. Бассейн Арктики опоясывался сетью метеорологических станций. Две из них были русские: на Новой Земле и в дельте реки Лены. В составе Усть-Ленской полярной станции и находился тридцатилетний исследователь Бунге.

Всесторонне образованный молодой ученый был большим любителем фотографии. Он провел в устье Лены две зимовки, занимался разнообразными исследованиями и составил ценную коллекцию снимков. Около двухсот фотографий передал Бунге по возвращении из экспедиции Русскому Географическому обществу. Фотографировал Бунге со знанием дела, стараясь показать примечательные явления из жизни полярной природы.

А. А. Бунге доказал ценность для исследователя Арктики фотографических снимков. С той поры фотография становится признанным методом документации в русских арктических экспедициях.

В 1884 году Бунге отправляется в новую экспедицию, теперь на Ново-Сибирские острова. Он путешествует с двадцатилетним исследователем Э. В. Толем.

Это была трудная экспедиция. Мужественные молодые ученые блестяще справились с заданиями, возложенными на них Академией наук.

В плане работ Бунге и Толя отводилось место и фотографии. Бунге привил любовь к фотографии своему спутнику.

Снимать было что! Недаром Б. Ляховский остров называли «музеем ледниковой эпохи», — каждая фотогра-

А. А. Бунге. Постройка дома для нового поселения в устье реки Анадырь.
(1889 год).

фия, подобно обстоятельной записи в дневнике, служила убедительным документом и помогала делать научные выводы из наблюдений.

Коллекции снимков полярных путешественников были хорошо приняты учеными. Спустя несколько лет, в 1894 году, на очередной выставке фотографии в Петербурге, устроенной отделом светописы Русского Технического общества, за снимки Ново-Сибирских островов Э. В. Толь получил награду — медаль.

Бунге и Толь не расставались с фотоаппаратом в поездках по Северу. Так, например, Толь в 1893 году путешествовал в Якутии. Он проехал за год 25 тысяч верст, провел гипсометрическую съемку, привез с собой богатые палеонтологические и геологические коллекции и множество фотографических снимков.

Интересна серия снимков Бунге из путешествия к устью реки Анадырь. В 1889 году было решено создать на северо-востоке Сибири новое русское поселение. В значительной степени это вызывалось необходимостью оградить местное население, чукчей, от хищнической эксплуатации заезжими иностранными стяжателями, главным образом

американцами, которые хозяйничали на побережье Берингова моря.

В устье Анадыря был направлен из Владивостока парусно-паровой корвет «Разбойник». Корабль доставлял туда личный состав управления новым округом и грузы. В экспедиции участвовал научный наблюдатель А. А. Бунге. Одновременно со сбором коллекций он занимался и фотографией.

«Во время плавания доктором Бунге снято много фотографических видов во всех посещенных клипером пунктах, а также составлено несколько хороших коллекций по части зоологии, ботаники и антропологии... Все эти коллекции будут представлены в Академию Наук», — докладывал об итогах плавания командир клипера *.

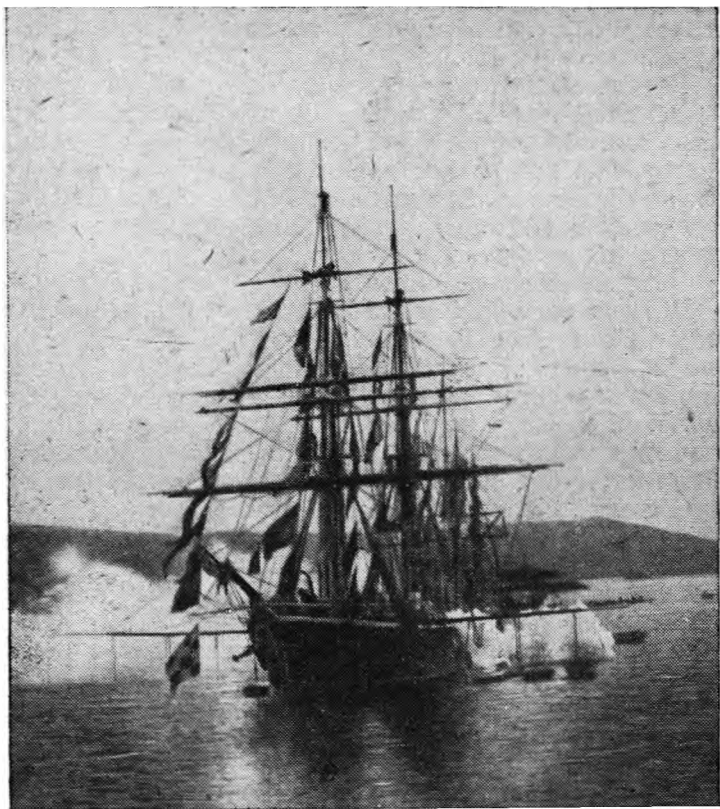
Несколько десятков снимков Бунге составили альбом, один экземпляр которого хранится в Библиотеке СССР им. Ленина. В нем подобраны снимки, знакомящие с плаванием; показаны встречи участников экспедиции и команды клипера с чукчами. Чукчи хорошо приняли русских гостей, они помогали в разгрузке корабля, ездили на корабль почти каждый день.

На берегу моря с невиданной в ту пору быстротой вырос деревянный дом. «Это первое русское поселение на берегу Берингова моря, — писал в отчете командир корабля, — принесет и для государства, и для науки, и для местного населения большую пользу... Чукчи, видя, что их не обижают, а, снабжая всем необходимым, часто еще и помогают им в излечении многих недугов, поймут разницу между нами и иностранцами...»

В июле работы команды закончились. Открытие поселения Ново-Мариинского было ознаменовано салютом из всех орудий корабля. Этот торжественный момент запечатлен в волнующем снимке Бунге: русский парусно-паровой клипер, расцвеченный флагами, окутан дымом выстрелов...

В альбоме Бунге интересны несколько ландшафтных снимков, сделанных на обратном пути в Петропавловске. Дни пребывания здесь корабля совпали с тридцатипятилетием победы петропавловского гарнизона над англо-французским десантом, высадившимся было на камчатских сопках во время Крымской войны. Бунге сфотографи-

* «Морской сборник», 1890, № 3, стр. 39.

А. А. Бунге. Салют из орудий парусно-парового клипера в день открытия нового поселения в устье реки Анадырь.

(1889 год).

ровал сопку, где высадились иноземные захватчики и где они потерпели поражение от горсточки отважных петропавловцев.

Не только северное и северо-восточное побережья Сибири, не только Ново-Сибирские острова или Новая Земля были мало известны в науке. Даже об относительно близких к столицам северных областях, как Печорский край или Кольский полуостров, не было ясного научного представления. На месте нынешних оживленных советских

городов — Мурманска, Мончегорска, Кировска — расстилалась тундра. В снежных пустынях и топких болотах терялись селения Печорского края и Северного Урала.

Передовые деятели русской науки, начиная с великого Ломоносова, пытливно всматривались в просторы Севера; предрекая большую будущность этим малоизученным землям, они искали там природные богатства, полезные ископаемые, и каждая экспедиция, снаряженная усилиями передовых людей науки, давала все новые подтверждения правоты их предвидений.

Немалое значение имели наглядные иллюстрации.

В то время когда Бунге и Толь путешествовали по северу Сибири, на Северном Урале большой исследовательский труд проделала экспедиция Горного департамента. Фотографией в этом путешествии занимался инженер Л. А. Лебедзинский. В октябре 1886 года коллекция снимков «типов местности» и этнографических снимков из жизни населения северного края, выполненная Лебедзинским, была выставлена в зале Русского Географического общества. О достоинствах ее высказался И. В. Мушкетов, отметив ее «этнологическое значение» *.

Вскоре под руководством известного русского геолога, впоследствии академика Ф. Н. Чернышева, была снаряжена геологическая экспедиция для исследования Тиманского края, проходящего к западу от реки Печоры к берегам полярных морей. Экспедиции поручалось также проверить данные о минеральных богатствах края, о месторождении нефти и руд.

В путешествии была широко применена фотография. Снимки всесторонне характеризовали бассейны рек Вишеры, Вычегды, Индиги, Печоры, Большеземельскую тундру. Дополняя отчеты и карты топографической съемки, фотоснимки наглядно доказывали возможность приобщения посещенных местностей к экономике и культуре страны.

С большим интересом был заслушан доклад начальника экспедиции собранием Географического общества.

«Сообщение Ф. Н. Чернышева, — говорится в отчете собрания, — было иллюстрировано подлинными съемками экспедиции и массой фотографических видов, прекрасно дополнявших картины природы этого отдаленного края» **.

* «Известия РГО», т. 22, 1886, вып. 4, стр. 488.

** «Известия РГО», т. 27, 1891, вып. 3, стр. 216.

В последующие годы несколько экспедиций побывало на Полярном Урале, в Большеземельской тундре, на Кольском полуострове, на севере и северо-востоке Сибири. Почти все они имели «походную фотографию». Интересные коллекции снимков были выполнены в экспедициях О. О. Баклунда (1909 год) и других ученых, исследовавших Север.

Северные морские границы и острова Арктики изучались в тесной связи с давним стремлением русских моряков и ученых проложить морской путь вдоль северных берегов нашего материка. Это была подлинная страсть, не угасавшая со времен Ломоносова: отыскать надежный путь, кратчайшую морскую дорогу из Европы в Тихий океан.

Лучшие люди русской науки второй половины прошлого века во главе с Д. И. Менделеевым поддерживали исследователей Арктики. Менделеев сам готов был отправиться в экспедицию для отыскания северного пути.

Журналы заседаний ученых обществ содержат одухотворенные патриотическим чувством заявления прогрессивных деятелей науки о важности для России теоретического и практического изучения Арктики. Вот одна из записей в протоколах заседаний Русского Географического общества за 1895 год. Собрание выставило как важную задачу всего русского общества добиться того, чтобы «морской путь в Сибирь, надлежаще исследованный и обставленный русскими людьми и средствами, был исключительно русский» *.

Царское правительство глушило инициативу ученых-патриотов; низкопоклонствуя перед иностранцами, оно пренебрежительно относилось к талантам и трудам русских исследователей. Только после Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря заботам Коммунистической партии и советской власти, нашим научным экспедициям удалось планомерно исследовать Арктику и Север. Северный морской путь стал ныне действующей транспортной магистралью.

Несравнимы с прошлым масштабы советских арктических экспедиций. Но советские люди бережно хранят память о самоотверженных трудах наших соотечественников. В неблагоприятных условиях царизма они плодотворно

* «Известия РГО», т. 31, 1895, вып. 2, стр. 201.

исследовали ледяные пространства Арктики. Эти труды отражены в ценных коллекциях фотографий. Фотографирование же само по себе требовало большого напряжения усилий, искусства и самоотверженности от энтузиастов-любителей фотографии, участников арктических экспедиций.

Применял фотографию в экспедициях выдающийся деятель русской науки, исследователь морей, флотоводец адмирал Степан Осипович Макаров.

Еще в своих океанографических работах на корабле-лаборатории в годы изучения морских течений Макаров прибегал к помощи фотографии. Он позаботился о фотографической съемке «вступления в жизнь» своего детища — ледокола «Ермак». Фотографировалось каждое плавание ледокола, его пребывание во льдах Арктики. Наконец, были запечатлены на снимках работы по снятию с камней у острова Готланда броненосца «Генерал-адмирал Апраксин».

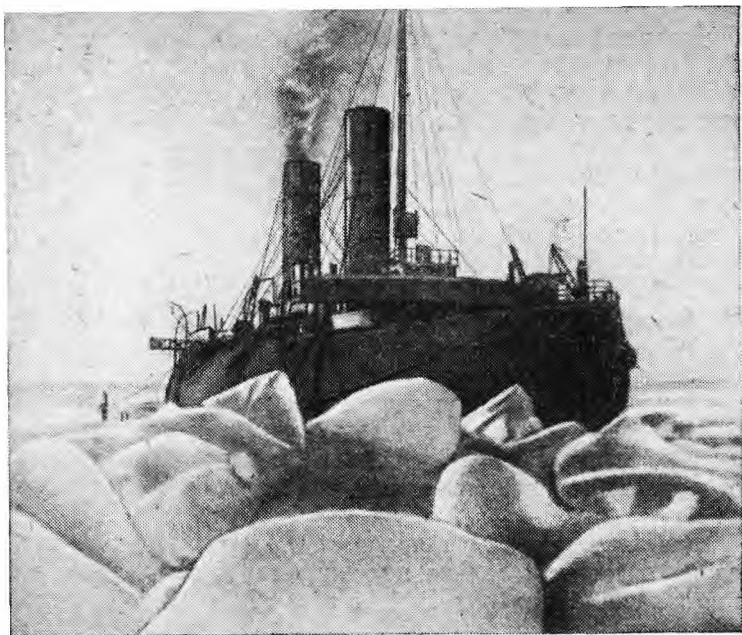
В истории освоения Арктики особенно интересна серия снимков, показывающих «Ермака» в пробных полярных плаваниях.

Перед походом в полярные льды Макаров изучил не только литературу, но и иллюстративный материал, знакомивший со структурой торосов и ледяных полей. Разделяя мнение видных исследователей Арктики, Макаров отмечал, «что все рисунки, представляющие торосы Ледовитого океана, несколько преувеличены» *. Фантазия художников-рисовальщиков, очевидно, для эффекта неизбежно преувеличивала размеры льдов. Только фотография могла дать точную картину.

Готовя ледокол к пробному плаванию в высокие широты, Макаров позаботился о снаряжении экспедиции фотоаппаратами. Съемка производилась по личному указанию Макарова. Нужно было привлечь фотографию для доказательства правоты взгляда на великую будущность ледоколов в арктических плаваниях. Фотография хорошо послужила ученому!

Вот пять снимков: ледокол в тяжелых льдах во время сжатия ледяных полей. Под рукой у Макарова лежат собранные им снимки нансеновского «Фрама» в таких же тяжелых льдах. Снимки наглядно и доказательно позво-

* С. О. Макаров, «Ермак» во льдах. СПб., 1901, стр. 47.

*Снимок из плавания С. О. Макарова.
Ледокол «Ермак» в тяжелых льдах.*

ляют отдать предпочтение ледоколу в этих условиях. Макаров иллюстрирует подобными снимками свои труды, доклады.

В плавание был взят и аппарат для съемки «движущихся фотографий» — только что появившийся в те годы кинематограф.

Когда ледокол в высоких широтах подошел к торосистому полю, где гряды торосов вздымались в среднем на три-четыре метра, а в глубину уходили до десяти метров, Макаров решил проверить работу ледокола кинематографической съемкой.

Приложение кинематографа к науке было новостью. Предвидя, что не все читатели его отчета об экспедиции имеют представление о «движущейся фотографии», Макаров объясняет: «Кинематограф есть обыкновенный фотографический аппарат, приспособленный для снятия последовательно большого числа снимков в фильме».

Макаров подробно рассказывает о подготовке и технике съемки, сообщает, что в секунду аппарат производит двенадцать снимков (только-то!). Он объяснил, как обрабатывалась и сушилась пленка, как изготавливали позитив.

Ученый сам принимал участие в съемке. С аппаратом, пишет Макаров, пришлось довольно много заниматься, потому что «добрых наставников неоткуда было взять».

«Люди профессиональные держат для себя свои познания», — замечает Макаров, давая резкую и правдивую характеристику нравов, царивших и царящих поныне среди кинодельцов буржуазных стран.

«Я хотел взять одного профессионала, — продолжает ученый, — но он требовал, чтобы снимки принадлежали ему, и не соглашался итти за деньги. Я вовсе не хотел дать материал для показывателей в *café chantant* и потому решил, что мы сами займемся этим делом» *.

Аппарат установили в четырехстах метрах от корабля. Ледокол отошел назад на половину своей длины. Затем дали полный ход вперед. Была в подробностях зафиксирована работа ледокола.

«При быстром проектировании кинематографических снимков на экране получается весьма эффектная картина...

...На экране отчетливо видно, как глыбы льда вылезают из воды и ныряют под воду, вследствие раздвигания щели. После этого ледокол начинает забирать ход вперед и быстро проходит по экрану...»

«Кинематограф, однако же, дает не только одну эффектную картину, но и материал для научного изучения движения ледокола на льду», — говорит Макаров. И действительно, эта первая киносъемка работы ледокола, то, что в наши дни кажется обычным явлением, полвека с небольшим назад послужила основой для научного труда выдающемуся русскому теоретику кораблестроения, впоследствии советскому академику А. Н. Крылову: «Наблюдения над крепостью льда и сопротивления его движению ледокола «Ермак».

По положению ледокола на снимках Крылов рассчитал «усилия, действовавшие на ледокол», что позволило сделать ценные выводы кораблестроителям.

* С. О. Макаров. «Ермак» во льдах. СПб., 1901, стр. 280.

С. О. Макаров был доволен применением «движущейся фотографии» в полярных плаваниях. Как бы отражая мнение передовых деятелей науки и путешественников, он записал в своем труде «Ермак» во льдах» ясный и определенный итог: «Нахожу, что кинематограф должен составлять принадлежность каждой ученой экспедиции...»

После походов «Ермака» фотография и кинематограф все чаще стали отражать Север.

Трагически сложилась судьба пытливых исследователей Арктики Э. В. Толя, В. А. Русанова, Г. Я. Седова.

Научное наследие, документы и коллекции их экспедиций тщательно изучены. Тщательно изучены и фотографические снимки. Фотографии неодинаковы по своей научной ценности, но они интересны тем, что характеризуют условия, в каких путешествовали в Арктике эти замечательные русские исследователи. Ландшафтные же снимки первых экспедиций нередко помогали последующим изыскателям ориентироваться в бассейнах полярных морей.

После путешествия по Якутии Эдуард Васильевич Толь стремился к заветной цели: отправиться в большую арктическую экспедицию, которая бы всесторонне изучила северо-восточную область морского пути вдоль берегов Сибири; ему хотелось также дать ответ на волновавший всех ученых вопрос о загадочной Земле Санникова, которая вызывала столько толков в печати.

Русская полярная экспедиция Академии наук под руководством Э. В. Толя отправилась в путь на небольшой шхуне «Заря» в 1900 году. В составе ее были специалисты различных отраслей науки.

30 июля «Заря» достигла острова Диксон — исходного пункта исследований. После изучения района Ново-Сибирских островов и поисков легендарной Земли Санникова корабль должен был пройти к Берингову проливу, затем в Тихий океан.

Зиму 1900/01 года экспедиция провела у Таймырского полуострова.

Летом продолжили путь. Толь стремился пробиться к острову Беннета, чтобы получить окончательный ответ об искомой земле. Но пройти не удалось. Вторую зимовку провели в одной из бухт острова Котельного.

В начале 1902 года с места зимовки на исследование, главным образом фауны, Ново-Сибирского архипелага

отправился зоолог А. А. Бялыницкий-Бируля, а Э. В. Толь с тремя спутниками вышел по льдам к острову Беннета, куда не ступала еще нога человека. Здесь он ожидал найти ответ: существует ли неведомая земля. Летом за ним должна была прийти «Заря».

Поход Бирули окончился благополучно. А Толь с астрономом Зеебергом и их спутниками — якутом Гороховым и тунгусом Протодиаконовым — исчезли навсегда в пустыне Арктики... Неблагоприятная ледовая обстановка не позволила «Заре» пробиться летом к острову Беннета. Только через год достигла тех мест спасательная экспедиция, но она нашла лишь вещи Толя и его спутников...

Отважный исследователь погиб, но его научные наблюдения, труды и исследования других участников экспедиции обогатили знание Арктики.

В планах Толя было учтено широкое применение фотографии. Экспедиция имела не один фотоаппарат.

Много фотографировал зоолог Бируля. Снимки иллюстрировали впоследствии его труд «Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири». Для Бирули фотоаппарат был постоянным спутником в экскурсиях и походах.

«Когда, после томительной, мертвящей девятимесячной зимы, — вспоминал ученый 1901 год, — с первым дыханием весны в таймырскую тундру вернулась жизнь в виде тысяч перелетных птиц, наполнивших до сих пор безмолвную тундру движением и звуками, приходилось, идя на экскурсию, прежде всего брать ружье с охотничьей сумкой, бинокль и фотографическую камеру, главное снаряжение орнитолога».

Бируля фотографировал гнезда и места гнездования птиц, удалось ему снять несколько жителей птичьего мира Заполярья, фотографировал он и ландшафты. Интересны его снимки гнезда куропатки, краснозобой гагары, таймырской хохотуны.

Много надежд на фотоаппарат возлагал Толь. Он фотографировал в пути с корабля. Отправляясь к острову Беннета, он взял и фотографическую камеру, стремясь запечатлеть для науки еще неизвестные земли Арктики... Верный себе, отважный и волевой путешественник неумоимо продолжал свои научные труды, оторванный льдами от корабля и товарищей.

Он не расстался с фотоаппаратом и донес его до последней обнаруженной потом стоянки. Поисковая партия,

А. А. Бирюля. Гнездо таймырской хохотуни на полярном побережье Сибири.
(1902 год).

обследуя в 1903 году мыс Высокий, на острове, где мог находиться Толь, обнаружила столб, а под ним записку с указанием местонахождения сооруженного путешественниками склада. В этом складе среди мертвой полярной пустыни были найдены ящики с собранными коллекциями, барограф и ящик с фотографическими пластинками. Очевидно, Толь и после сооружения этого склада продолжал вести исследования, дополняя их снимками в надежде полно и содержательно рассказать потом о пережитом, увиденном, открытом. Не суждено было сбыться надеждам ученого и его спутников.

Ценил фотографию и много занимался ею и другой, тоже трагически погибший исследователь Арктики Владимир Александрович Русанов. Еще в юности он увлекся фотографией, живя в Вятке, куда был сослан царскими властями за «противоправительственную пропаганду». Навыки фотографированиягодились Русанову впоследствии.

Всю свою рано оборвавшуюся жизнь В. А. Русанов отдал идее завоевания арктических просторов. Вместе с дру-

гими русскими исследователями Арктики он подвинул далеко вперед дело изучения Крайнего Севера и Северного морского пути. Это был исследователь большого таланта и широкого размаха.

После первого плавания в северных морях Русанов особенно заинтересовался Новой Землей и путями обхода ее на восток.

Царское правительство было равнодушно к судьбе этого исконно русского владения в Арктике. Новая Земля становилась «беспризорной», ее постепенно заселяли браконьеры-иностранцы. Молодой исследователь с воодушевлением принял участие в организованной под давлением прогрессивных общественных кругов экспедиции на Новую Землю в 1909 году.

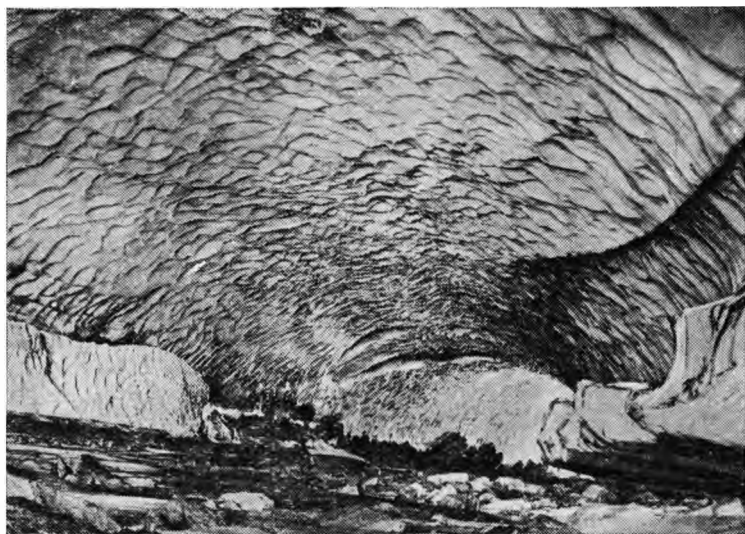
Ставилась задача — изучить возможности заселения Новой Земли русскими, чтобы положить конец хозяйничанию там иностранцев. Начальником экспедиции был Крамер, научной же частью этого путешествия, по существу, руководил Русанов.

В плаң экспедиции было включено производство фотограмметрической съемки местностей. Разумеется, наметили и фотографирование ландшафтов. В состав экспедиции включили опытного архангельского фотографа А. А. Быкова. Немало снимал и Русанов.

Новая Земля — особенно ее южная часть — фотографировалась до того времени не раз. Например, экспедицией Академии наук летом 1896 года. В ней участвовали академик О. А. Баклунд, астрономы С. К. Костинский и Б. Б. Голицын. Экспедиция производила астрономические и физико-метеорологические наблюдения во время солнечного затмения. Фотографировали солнечную корону. Кроме того, была произведена фотографическая съемка местностей в глубине острова. Участники экспедиции, ученые — любители фотографии, привезли с собой серию прекрасных ландшафтных снимков Новой Земли, часть которых иллюстрировала труды исследователей*.

Внимание к видам Новой Земли было еще привлечено картинами и рисунками известного художника А. А. Борисова. Он совершал плавания к Новой Земле и плодотворно работал над серией северных пейзажей.

* Отчет об экспедиции Академии наук на Новую Землю летом 1896 года. СПб., 1898.

Б. Б. Голицын. Новая Земля. Грот, образованный рекой Ледкова под льдом и снегом.

(1896 год).

Теперь экспедиции на Новую Землю предстояло решить важные географические и экономические задачи, собрать коллекции, провести фотограмметрическую съемку и отразить в фотографиях почти неизвестные области арктического острова.

Экспедиция высадилась в Крестовой губе. Отсюда и начались экскурсии в глубь острова. О трудах экспедиции повествуется в отчетах и обширных записях ее участников. В дневниках — особенно Русанова и Быкова — немало места уделено фотографическим работам.

Быков рассказывает о техническом снаряжении фотографа и не только о трудностях съемки на Севере, но и о преимуществах ее, — когда круглые сутки светит солнце и фотограф может выбрать очень эффектное освещение, придающее необычайную красоту арктическим ландшафтам.

У Быкова было два фотоаппарата. Один размером 13×18 сантиметров, имевший объектив анастигмат со светосилой 1:6 и фокусным расстоянием 240 миллимет-

ров. Отвинтив одну линзу объектива, фотограф получал длиннофокусный объектив. Наибольшая скорость затвора этого аппарата была $\frac{1}{250}$ секунды. Другая камера была более портативной, 9×14 сантиметров, со шторным затвором и объективом со светосилой 1:6, фокусным расстоянием 120 миллиметров. Эту камеру можно было использовать и как стереоскопическую.

Кассеты заряжались в мешке. Проявлялись пластинки по возвращении экспедиции в Архангельск.

Быков в своих записках предупреждал отправляющихся в Арктику фотографов о сырости, которая проникала всюду, быстро портила и объективы, и металлические части аппаратов; влагой пропитывались мешки для перезарядки кассет.

Удачно была проведена Быковым фотограмметрическая съемка. Он привез с собой и серию снимков впервые представших перед фотоаппаратом местностей Новой Земли; подобных снимков было около двухсот пятидесяти.

«Редко где фотограф-любитель бывает поставлен в такие великолепные условия для выбора оригинальных сюжетов при ландшафтной съемке, как на северном острове Новой Земли, — пишет Быков, разбивая распространенное до того мнение об однообразии арктических ландшафтов для фотографической съемки. — ...Пологая каменная равнина поднимается невысокими холмами и постепенно к северу переходит в горные кряжи и цепи, достигающие у Маточкина Шара тысячи метров высоты. Эта часть Новой Земли по красоте смело может быть названа Кавказом Севера. Повсюду высятся громады гор. Яркими белыми пятнами лежат на горных вершинах девственные льды... Близ Крестовой губы начинается царство ледников... Очаровательные картины льда, гор и моря... Крестовая губа сама по себе живописна. Вечно шумит и плещется море на рифах негостеприимных ее берегов. Отвесной стеной высятся темные мрачные скалы с причудливо, вертикально поставленными сланцами, следами некогда бывшей здесь могучей вулканической деятельности...

Таким образом, для фотографирования представляется громадное количество эффектнейших картин. Работать можно круглые сутки» *.

* О фотографических и фотограмметрических работах на Новой Земле. Сб. «Материалы по исследованию Новой Земли». Вып. 1, СПб., 1910, стр. 61—62.

*Из снимков экспедиции Академии наук на Новую Землю.
Ненцы, участники похода в глубь острова.*

(1896 год).

Походы в глубь острова были трудными. Таким был поход Быкова с начальником экспедиции на вершину горы Становой. Они решили во что бы то ни стало провести там фотограмметрическую съемку и сфотографировать ландшафты. Приходилось взбираться по отвесным скалам, осыпающимся кручам.

Добрались, наконец, до вершины. Но здесь их встретил ледяной ветер, настолько сильный, что, как вспоминал потом Крамер, колебался не только фотоаппарат, но и тяжелая астролябия. Путники коченели, поочередно прятались за скалу и «отогревались» там. Съемка была проведена успешно.

С Русановым Быков совершил большой поход с целью произвести фотограмметрическую съемку и фотографирование местностей, представляющих интерес для изучения геологического прошлого Новой Земли.

Тяжелым был переход поперек острова к Незнаемому заливу. В пути много фотографировали — и Быков, и Русанов. После нескольких дней впереди показался холм, раскинувшийся между странного вида скалами, похожими на развалины старого замка. Русанов поспешил туда.

И его товарищи увидели на вершине холма его фигуру. Русанов что-то фотографировал, потом закричал оттуда: «Ура, Карское море!»

Перед отправлением в обратный путь Русанов с Быковым поднялись на самую высокую из гор, обступивших Незнаемый залив. Путники подымались почти три часа. С вершины открылся величественный вид: голая пустыня, мерзлые горы с острыми вершинами, ущелья с белыми пятнами снега, занесенного сюда ветрами. В залив сползает с гор могучий ледник. Этот суровый ландшафт Арктики был сфотографирован.

Быков снимал местности, связанные с именами ранних русских путешественников в Арктику. Таков снимок зимовья Цивольки. Русский исследователь, моряк Циволька погиб на Новой Земле с несколькими спутниками в 1839 году. Быков сфотографировал все, что осталось от зимовья: полуразвалившиеся дома, поваленный бурей крест, поставленный, как явствовало из надписи на нем, побывавшим здесь офицером Моисеевым.

В следующем 1910 году В. А. Русанов отправился на парусно-моторном судне «Дмитрий Солунский» вокруг Северного острова Новой Земли. Это был путь русского землепроходца и моряка Саввы Лошкина, плававшего здесь в XVIII веке. Русанов был уверен, что морской путь на восток может проходить не только южнее, но и севернее Новой Земли.

Фотограф в составе экспедиции не было. Фотографировал сам начальник ее, Русанов. Он сделал несколько сот снимков, показал берега острова, примечательные местности. Интересны фотографии ледяной горы у мыса Поспелова, диабазовых скал в заливе Кривошеина, водопада в окрестностях Тюленьего залива.

Через два года Русанов путешествовал на небольшом судне «Полярная» вокруг южного острова Новой Земли. По собственному признанию Русанова, он не расставался с фотоаппаратом, как и с геологическим молотком да ружьем.

В 1912 году отважный и преданный делу исследователь отправился в экспедицию на Шпицберген. Успешно выполнив задания и отпустив своих сотрудников на материк, Русанов с командой судна «Геркулес» опять пошел в неизведанные просторы Арктики и погиб во льдах. Тайна гибели «Геркулеса» не раскрыта до сих пор.

Спустя двадцать два года советские исследователи Северного Морского пути, работая в районе острова Вейделя, у западных берегов Таймырского полуострова нашли вкопанный в землю столб с надписью «Геркулес 1913 год». Невдалеке топографы обнаружили остатки одежды, документы и несколько предметов, принадлежавших экспедиции Русанова. Здесь находился и фотографический аппарат...

Подобно Русанову, любителем фотографии был славный исследователь Арктики Георгий Яковлевич Седов.

К 1912 году, ко времени знаменитой экспедиции на корабле «Св. Фока», скопился уже значительный исследовательский материал, относящийся к Арктике. Было немало и фотографических коллекций. Все это изучалось Седовым. Готовясь к экспедиции, он предусмотрел «фотографию и кинематограф», на что было намечено израсходовать больше тысячи рублей.

Владея сам техникой фотографии, Седов, однако, включил в число участников путешествия «фотограф-художника»; эти обязанности были возложены на Николая Васильевича Пинегина, энтузиаста-полярника.

История экспедиции на корабле «Св. Фока» широко известна. В подробностях описана и трагическая гибель Седова, попытавшегося на нартах достичь полюса. Не раз публиковались и фотографические снимки, доставленные экспедицией «Фоки», после гибели начальника возвратившейся на родину.

Участники экспедиции много занимались фотографией. Это было первое путешествие в Арктику, когда на корабле производилась обработка пластинок и даже печатались снимки, с которыми тогда же знакомились члены экспедиции и экипаж судна.

Фотографировали круглый год, даже зимой, когда яркая луна позволяла получать очень интересные ландшафты. При съемке объективом Тессара со светосилой 1:4,5 при полном отверстии диафрагмы требовалась выдержка около четырех минут.

Снимки дополняли научные наблюдения. Часть снимков с зимовки вместе с отчетом была доставлена партией, отправленной с корабля на материк.

В воспоминаниях участников путешествия сохранилось немало строк, посвященных занятиям Седова фотографией. Он фотографировал в экскурсиях, взял с собой

камеру и в разведку северной оконечности Новой Земли — мыса Желания.

Эта разведка, трудности которой разделил с Седовым матрос Инютин, длилась два месяца. Шли на собаках. Одежда на путниках леденела. И все же Седов вел систематические наблюдения.

К сожалению, фотографические пластинки не сохранились. Седов и Инютин попали в беду: они провалились под молодой лед, не выдержавший тяжести саней. Долго барахтались в воде. Собаки доплыли до льда, рванули и выволокли сани. Несколько вещей погибло, в том числе и коробка с пластинками.

...15 февраля 1914 года Седов с двумя матросами — Линником и Пустошным — отправился на трех нартах к полюсу.

— Мне хочется сказать не «прощайте», а «до свиданья», — закончил свою речь Седов.

— Небольшая задержка у фотоаппарата, — вспоминал эти волнующие минуты Пинегин, который фотографировал в этот момент своего начальника и друга. — И нарты понеслись в пустынную даль...

Седов умер в пути. Похоронив скончавшегося начальника, его спутники отправились обратно к месту стоянки корабля. Тяжел был этот путь. Две недели блуждали они среди льдов. Спасти от гибели матросам помог один снимок Седова, который они вспомнили в тревожную минуту, когда, казалось, совсем не было выхода из ледяного плена. Недалеко от бухты Тихой Линник и Пустошный заблудились окончательно и ушли бы совсем в другую сторону. Но вот они заметили смутно знакомые очертания вдали, ледяную гору в виде арки... И вспомнили: эту самую, необычайную по своему сложению гору льда видели на фотографическом снимке Георгия Яковлевича! Удивленный такой игрой природы, Седов сфотографировал айсберг, и снимок потом показывал на корабле. Стало ясно, они спасены, — находятся у острова Кетлица. Еще километров двадцать, — и матросы оказались у родного корабля, принесли товарищам горестную весть о гибели начальника.

Прошло шестнадцать лет... В 1930 году советский ледокол, носящий имя Седова, приблизился к острову Рудольфа. Советские исследователи Арктики поставили памятник погибшему здесь в 1914 году замечательному

русскому путешественнику. Этот торжественный момент открытия памятника Седову советскими покорителями Арктики был запечатлен на киноплёнке.

Историческое значение освоения Северного Морского пути имела полярная экспедиция русских кораблей «Таймыр» и «Вайгач». В навигацию 1914 и 1915 годов военные моряки, составлявшие экипажи кораблей, открыли сквозной путь во льдах.

Эта экспедиция положила начало практическому освоению Северного Морского пути. Участники ее проделали большую научно-исследовательскую работу. Экспедиция обогатила географию крупным открытием: к северу от мыса Челюскина в Арктике был обнаружен новый архипелаг.

Среди участников экспедиции было несколько, владевших фотографией. Плавание кораблей довольно полно было отображено в снимках. По возвращении на родину начальник экспедиции Б. А. Вилькицкий и врач Л. М. Старокадомский выступили с публичными сообщениями, иллюстрируя их большим количеством диапозитивов. Успешнее других снимал Старокадомский.

В серии фотографий есть интересные ландшафты (бухты Эммы, поселка Уэллен на Чукотском полуострове и другие). Значительная часть снимков воспроизведена в книге Старокадомского «Экспедиция Северного Ледовитого океана», вышедшей в 1946 году.

Волнующие документы этой серии — снимки открытых экспедицией неизвестных до того островов, названных впоследствии Северной Землей.

На фоне тусклого облачного неба путешественники заметили высокие берега неведомой земли. Фотоаппараты запечатлели эту, поразившую своим неожиданным появлением, темную береговую полосу.

Высадившись на острове, ныне носящем имя Октябрьской революции, произвели необходимые наблюдения. Врыли большой столб с обозначением даты открытия. На каменистом грунте укрепили высокий флагшток.

Несколько фотографов снимали торжество присоединения нового архипелага к русским владениям.

«...Весь свободный от вахты и работ личный состав, — пишет Старокадомский в своей книге, — выстроился на берегу возле флагштока. Оставшиеся на кораблях выстроились на верхней палубе».

На берегу и на судах был прочитан приказ командира: новооткрытая земля присоединялась к России. Вслед за этим при дружном «ура» на флагштоке взвился русский флаг.

Так было отмечено торжество едва ли не последнего из возможных в истории путешествий открытия архипелага!

Пути Толя и Русанова, «Таймыра» и «Вайгача», проложенные в водах Арктики, — это были лишь отдельные части, «отрезки» Великого Северного Морского пути, освоенного ныне советскими исследователями и моряками.

Советским людям памятны героические экспедиции «Челюскина», дрейф станции «Северный полюс» и ледокола «Седов» и много других подвигов. В творческий труд исследования Арктики давно уже включилась авиация.

Во всех экспедициях, перелетах, исследовательских работах участвовала и участвует как обязательное подспорье фотография.

Поразительно меняется ландшафт Севера. От Печенги до пролива Беринга, на побережье ледовитых морей выросли советские города, селения, порты. Лена и Енисей, Индигирка и Колыма стали теперь продолжением северной морской дороги. Печорский край, Новая Земля и другие области Крайнего Севера включены в кипучую жизнь страны. Народы Севера приобщены к передовой социалистической культуре.

Просматривая ранние фотоальбомы, редкие серии снимков конца прошлого и начала нашего века, мы воссоздаем суровый образ недавно еще диких и не тронутых человеком ледовых просторов Севера. При сравнении этих фотодокументов с фотографиями наших дней перед нами явственно встает во всем величии труд нескольких поколений русских покорителей Заполярья и Арктики. Их мечтам суждено было воплотиться в жизнь только в советскую пору.

* * *

Мы проследили историю служения фотографии русскому землеведению за несколько десятилетий. Собранные воедино сведения о жизни и трудах замечательных фотографов-путешественников позволяют ввести в историю русской географии несколько достойных признания и уважения имен.

Мы видели, как фотография постепенно занимала все более видное место в обиходе полевых исследований и экспедиций. Она стала надежным методом наблюдений. Русские путешественники не расставались с фотоаппаратом ни на горных кручах Тянь-шаня и Кавказа, ни в пустынях Центральной Азии, ни на ледяных полях Арктики.

Можно было бы рассказать о помощи, какую оказывала фотография русским путешественникам в Африке, Америке, на Ближнем Востоке. Интересна история ее применения к картографии. Фотография служила, как служит и ныне, ботаникам, зоологам — и об этом, быть может, следовало бы рассказать... Но книга очерков, с которыми познакомился читатель, ставила скромную задачу: показать историю применения фотографии лишь на нескольких примерах, в нескольких областях географии.

Многообразно используется ныне фотография советскими исследователями и популяризаторами географических знаний.

Опираясь на достижения советской науки и кино-фото-техники — самых передовых в мире, — наша фотография предоставляет все нужное для успеха творческой работы.

Вступает в практику географов-исследователей и путешественников цветная фотография.

Фотография дает нам яркое представление о различных областях и республиках нашей страны. Поведем ли мы речь о Печорском крае или об озере Севан, о лесах Карелии или Кузбассе, о великих стройках коммунизма или о других грандиозных созидательных работах пятой сталинской пятилетки, — мы вспоминаем запечатленные фотографией явления новой, социалистической экономики и культуры и ландшафты, преобразуемые творческой волей советских людей.

Характеризуя воздействие многих человеческих поколений на природу, Ф. Энгельс писал: «...Человеку удалось наложить свою печать на природу: он не только переместил различные виды растений и животных, но изменил также внешний вид и климат своего местожительства, и изменил даже самые растения и животных до такой степени, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с общим омертвлением земного шара» *.

Изменения, о которых писал Энгельс, были следствием влияния многих эпох. Теперь в СССР, где человечество вступило в новую эру истории, воздействие на природу происходит невиданно быстро.

Девятнадцатый съезд Коммунистической партии Советского Союза, вдохновивший наш народ на новые трудовые подвиги, подвел итог успехам, достигнутым страной.

Политика индустриализации превратила нашу страну из аграрной в передовую промышленную державу, политика коллективизации превратила наше сельское хозяйство в крупное механизированное, самое передовое в мире.

Ленинско-сталинская национальная политика сплотила народы Советского Союза в единую дружную семью.

Претворяются в жизнь небывалые в истории человечества грандиозные планы преобразования природы.

Повседневные изменения в природе и экономике страны призваны отражать фотография и кинематограф. Они ведут повседневную летопись величественных преобразований, творимых советским народом.

Фотографическое наследие русских географов и путешественников второй половины прошлого и начала нашего века не все еще собрано и недостаточно изучено. Можно полагать, что рассказ о труде фотографов-путешественников побудит работников музеев, исследователей отдельных областей нашей страны присмотреться к местным архивам. Иная фотографическая коллекция может оказаться ценной находкой для изучения края.

Фотографические изображения ландшафта, сделанные некогда, неповторимы. Они помогают порой найти ключ к пониманию современных закономерностей географиче-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные сочинения, М., 1948, т. 2, стр. 63.

ского ландшафта. Этнографические снимки знакомят с недавним прошлым жизни народов нашей многонациональной страны.

Патриотическая деятельность русских путешественников-фотографов и фотографов-путешественников, их самоотверженность близки сердцу каждого советского любителя фотографии — исследователя, краеведа, туриста.

Своим трудом они проложили путь развитию фотографии на благо нашей географической науки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Вступление	3
На заре фотографии	
Признание первых успехов	7
Техника «походной фотографии»	19
Фотографы-путешественники	
Пути сибирских землепроходцев	31
От Каспия до Тянь-шаня	43
Кавказ, Урал, Поволжье	51
Фотография в научных экспедициях	
Фотоаппарат в руках ученых	89
Среди гор и ледников	104
В странах Центральной Азии	122
За Полярным кругом	159

Редактор *С. Н. Кумкес*
 Технический редактор *В. Г. Петухов*
 Художественный редактор *В. В. Осокин*

Сдано в производство 29/IX—52 г. Т 01725. Подписано к печати 20/1—53 г. Формат 84×108^{1/32}. Тираж 25000 экз. Бумажных листов 3. Печатных листов 9,43 + 0,25 л. вкл. Издательских листов 9,22. Цена 2 р. 65 к. Переплет 1 р. Заказ 1596.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

З р. 65 к.